Серебряный шпиль

Роберт Голдсборо

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Не один писатель пытался возродить стиль Рекса Стаута, но лишь Роберту Голдсборо удалось уловить дух его неподражаемых детективов. Читателя ждет новая встреча с самым блисательным сыщиком нашего века. Крутые повороты сюжета, хитроумные интриги, сочные диалоги и тонкий юмор - НИРО ВУЛЬФ ВЕРНУЛСЯ, ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ! Таинственный враг преследует угрозами знаменитого телепроповедника. Ниро Вульфу это дело не по душе, поэтому в церковь на Стейтон-Айленде отправляется Фред Даркин. Но храм посещает смерть - и все улики против Фреда. Как же Ниро Вульфу покинуть попавшего в переплет друга! И знаменитый сыщик начинает новое расследование...

- Роберт Голдсобо.Серебяный шпиль
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13

Роберт Голдсобо.Серебяный шпиль

SILVER SPIRE 1992
© Перевод. Г.Б.Косов, 1997

Глава 1

Изрыгнув баритоном два гудка, паром «Сэмуэль Ньюхаус» неторопливо отвалил от причала южного терминала и вверил свою судьбу соленым морским просторам. Был разгар дня, и на огромном судне находилось не более пары десятков пассажиров. Одни читали, другие дремали, остальные безуспешно пытались устроиться поудобнее на узких пластиковых стульях.

Внутреннее помещение парома радовало глаз не больше, чем интерьер пакгауза, и после пяти минут тщетных попыток найти укромный уголок я вышел на небольшую носовую палубу, подставив лицо легкому майскому бризу. Статуя Свободы и остров Эллис (самая свежая приманка для туристов) остались справа, или, если использовать терминологию морского волка, по правому борту. Над проливом протянулись изящные конструкции моста Веррацано, а прямо по курсу сквозь дымку нью-йоркской гавани едва виднелись невысокие зеленые холмы Стейтен-Айленда.

Этим утром, сидя за столом в кухне сложенного из бурого известняка дома Ниро Вулфа на Западной Тридцать пятой улице, я жадно поглощал пшеничные булочки, читал «Таймс» и предавался воспоминаниям о своем последнем посещении Стейтен-Айленда, который подавляющее большинство ньюйоркцев вообще не воспринимают как часть своего города. Это случилось почти десять лет тому назад, когда Вулф имел дело с чрезвычайно самоуверенным и надменным любителем живописи, из собрания которого похитили бесценное полотно Сезанна, подменив его вполне приличной, но не первоклассной копией.

Все улики поначалу указывали на своенравную и временами вороватую горничную коллекционера, но в конце концов оказалось, что подмена была совершена парнем, прикинувшимся служащим газовой компании и явившимся в дом якобы для поиска утечки на линии. Так или иначе, но благодаря могучему интеллекту Вулфа и выносливости моих нижних конечностей бывший студент факультета изящных искусств, полицейское досье которого оказалось длиннее, чем пальцы карманника, был изобличен, Сезанн водворился на свое место, а наш банковский счет получил приличное и столь необходимое вливание.

На сей раз я отправился в муниципальный район Ричмонд по делу, которое как я, так и Вулф считали гораздо более важным. Однако я сильно забегаю вперед, поэтому лучше будет начать с того, с чего следует—а именно с самого начала.

Начало же событиям было положено дождливым майским утром. Для тех, кто обожает детали, сообщу: это был четверг. Вулф находился наверху, ухаживая за своими бесценными орхидеями. Как известно, он предается этому священнодействию ежедневно с девяти до одиннадцати часов утром и с четырех до шести после полудня. Я же, сидя за письменным столом в рабочем кабинете, исполнял свою святую обязанность - вносил в компьютер сведения о появлении новых цветочных почек.

Звонок у дверей раздался в десять пятнадцать. Наиболее ценный игрок нашей команды — шеф-повар Фриц Бреннер отсутствовал (он отправился за провизией, чтобы позже превратить ее в первоклассные яства), и я снизошел до того, что прошел в прихожую и посмотрел в стекло входной двери. Оно, к вашему сведению, прозрачно только с внутренней стороны. У стоящего на ступенях посетителя были вздернутые плечи и грудь бочкой. В своей черной в тонкую полоску тройке он походил на банкира, которого против его воли принуждают предоставить кредит, или на человека, страдающего от избытка газов в кишечнике. Однако он в любом случае не смахивал на вооруженного головореза, и я распахнул дверь.

— Доброе утро, — со смаком начал я. — У нас уже имеется полный комплект Британской энциклопедии и мы подписаны не менее чем на одиннадцать журналов — если желаете, я продемонстрирую вам список. Кроме того, все проживающие в этом доме застрахованы, их не интересуют новейшие пылесосы, наборы щеток из натурального конского волоса или кухонные комбайны. Теперь говорите, чем мы можем оказаться полезны друг другу.

В ответ на все мои старания его губы даже не дрогнули.

— Я явился, чтобы получить совет от Ниро Вулфа, — мрачно промолвил смахивающий на банкира тип. — Могу ли я предположить, что вы — Арчи Гудвин, его помощник?

— Предполагайте на здоровье, — сказал я. — Но прежде чем наша беседа продвинется хотя бы еще на один шаг, я должен предупредить вас, что мистер Вулф не встречается ни с кем — подчеркиваю — ни с кем! — без предварительной договоренности. Будучи хранителем календаря и осуществляя учет всех его встреч, я абсолютно убежден в том, что вы не условливались о визите. Не так ли?

— Верно. Я понимаю, что рисковал быть не принятым, явившись сюда без предварительного телефонного звонка. Неужели я избрал неверный путь, подумав, что вы, мистер Гудвин, могли бы выслушать мое ходатайство и решить, не несет ли оно в себе нечто такое, что заслуживает внимания мистера

Вулфа?

— Слишком много слов, но я привык к их избытку, общаясь со своим работодателем. Скажу так: я вас выслушаю, если вы обещаете не употреблять чрезмерное количество многосложных выражений вроде «ходатайств». Само собой, никаких гарантий я вам дать не могу.

— Хорошо, никаких гарантий, — согласился банкир с каменным лицом игрока в покер.

— И еще, — сказал я, прислонясь к дверному косяку, — думаю, не ошибусь, если предположу, что родители дали вам какое-то имя...

— Что? Ах да, конечно, — с огромным усилием он выдавил некоторое подобие улыбки. (Все же его мучают газы, решил я.) — Простите изъян в моих манерах. Меня зовут Ллойд Морган и я один из ближайших соратников Преподобного Барнаби Бэя.

— Это тот Бэй, который, как мне доводилось читать, служит в устраивающей телевизионные шоу большой церкви на Стейтен-Айленде?

— Храм с Серебряным Шпилем, — произнес Морган. Он подчеркивал все слова так, будто каждое само по себе являлось святыней. — Мы считаем, что наши службы подаются по телевидению с большим вкусом.

— Так или иначе, но мы толкуем об одном и том же заведении, — сказал я, сопровождая Моргана через прихожую в кабинет.

Жестом пригласив его сесть в красное кожаное кресло у стола Вулфа, я проскользнул на место за своим столом и, повернувшись к посетителю лицом, пояснил:

— Мистер Вулф развлекается наверху со своими орхидеями и не появится здесь до одиннадцати. Вам не с кем делить мое внимание. Итак, в чем суть проблемы?

Морган изучил хорошо ухоженные ногти на своих толстых пальцах, затем вздохнул, что, видимо, должно было выражать напряженную работу мысли, и поднял на меня глаза.

— Во-первых, Барни — святой отец Бэй хочет, чтобы коллеги называли его именно так, — знает о том. что я здесь, хотя и не полностью одобряет мой визит. Он считает, что я напрасно беспокоюсь. Его точные слова были: «...склонен излишне волноваться», — воинственным тоном произнес Морган. — Не знаю, склонен или нет, но я настоял на том, что нам необходима помощь извне, и рассказал ему про Ниро Вулфа, о существовании которого Бэй ничего не знал.

— Бедняга, очевидно, пребывает в полной изоляции от общества, — не преминул заметить я. — О Ниро Вулфе слышали

все, включая, наверное, шерпов-проводников на горе Эверест.

Итак, я немного повеселился, зная, что бедолага не осмелится лезть в бутылку. Он действительно не осмелился. По правде говоря, выражение его круглого румяного лица ничуть не изменилось. Точнее будет сказать, что его физиономия, как и прежде, не выражала ровным счетом ничего. Ни радости, ни печали, ни осуждения — ничего.

— Барни трудится с нечеловеческим напряжением, — продолжил как ни в чем не бывало Морган, защищая своего босса. (Я всегда ценю преданность, и он заработал несколько очков в свою пользу.) — Создается впечатление, что у него расписано каждое мгновение: выступление на церковном совете в Нью-арке, благотворительный ужин в пользу ночлежки для бездомных в Бронксе, завтрак с молитвой у мэра в Манхэттене. Боюсь лишь, что он уделяет слишком мало внимания прессе, а это ему не помешало бы.

— Это никому из нас не помешало бы, — глубокомысленно заметил я. Мне нравился Морган, правда, еще не до конца. — Теперь, когда мы по некоторым вопросам достигли полного согласия, не пора ли вам сообщить мне, чем Ниро Вулф может помочь вам и вашему добрейшему Преподобному?

Морган, уже успевший отклонить мое предложение выпить кофе, расслабился настолько, что позволил себе расстегнуть пиджак. Это, согласитесь, указывало на существенный прогресс. Затем он откашлялся, прочищая горло, что говорило, в свою очередь, о том, что некоторая напряженность все же пока имела место.

— Мистер Гудвин, могу ли я рассчитывать на то, что содержание нашей беседы останется абсолютно конфиденциальным?

— Можете, если не было совершено преступление. В противном случае я как частный детектив, получивший лицензию независимого штата Нью-Йорк, буду обязан сообщить об указанном преступлении. У меня не останется иного выбора.

Конечно, в моей практике было несколько случаев — скажем, совсем немного, — когда я позволял себе некоторые вольности в отношении именно этого требования закона.

Морган, видимо, желая продемонстрировать свое превосходство, вздернул подбородок и заявил:

— Пока подлинное преступление не совершилось. Но мы — по крайней мере некоторые из нас — убеждены, что оно должно произойти.

— Я так и понял. Продолжайте. Он вновь прочистил горло.

— Вам, естественно, никогда не приходилось принимать

участия в наших молитвах?

— Никогда, — отрезал я улыбаясь, хотя и был несколько раздражен словом «естественно». Однако осуждающий тон его слов в целом забавлял.

— Что же, — продолжил он с оттенком презрения, — в таком случае вы скорее всего не знаете, что каждое воскресенье у нас на трех утренних службах и одной вечерней бывает в общей сложности примерно двенадцать тысяч человек.

— Весьма впечатляюще. Однако, насколько я понимаю, кто-то из этих двенадцати тысяч заставляет нервничать вас и вашего предводителя?

— Почему вы так думаете?

— Отдайте должное моей сообразительности, — ответил я, пожимая плечами. — Послушайте, вот уже минут пять мы топчемся друг против друга, как два сверхосторожных боксера полусреднего веса в первом раунде. Я мог бы, конечно, потратить еще пару часов на то, чтобы угадать, в чем суть вашего дела, но делать этого я не буду. У меня есть другие дела, за которые мне платят. Поэтому я предлагаю вам выложить все, чтобы я мог уяснить проблему и вернуться к своему обычному образу жизни.

Хорошо, — несколько придушенно выдавил Морган, — мне просто трудно говорить на эту тему. Дело в том, что уже шесть воскресений подряд мы обнаруживаем в наших дарственных сумах записки весьма неприятного содержания. Все они направлены против Барни.

— Прошу извинить мое невежество, но что такое «дарственные сумы»?

Он снова снисходительно фыркнул.

— Уверен, вам известно, что в церквах посылают по рядам молящихся специальные блюда для сбора средств, или, если хотите, даров. Но в некоторых храмах, и в том числе в нашем, для этой цели используются матерчатые или кожаные сумки примерно такой глубины, — он на фут развел руки. — С одной стороны, это позволяет вам хранить сумму взноса наличными в тайне, и с другой — в больших храмах, подобных нашему, блюда быстро переполнялись бы, будь их хоть двадцать штук. Сума более вместительна, нежели блюдо.

— Понятно. Так что же начертано в этих крайне неприятных записках?

Морган посмотрел на меня с таким видом, будто его скрутила очередная кишечная колика.

— Я принес их с собой.

Вздохнув, он запустил руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда пачку листков, сколотых канцелярской скрепкой.

Несколько секунд он внимательно смотрел на меня, видимо, размышляя, заслуживаю ли я доверия. Очевидно, я все же выдержал экзамен с минимальным проходным баллом, так как он передал мне листки. Морган расставался с ними с видом вдовицы, отдающей грабителю только что полученную пенсию.

— Как я уже успел заметить, здесь шесть записок, — пояснил он. — Я расположил их по времени поступления.

Я снял скрепку, удерживая листочки за самый край, чтобы не добавить отпечатков своих пальцев к паре десятков оттисков, уже имеющихся на них. Все листки были одного размера — шесть на девять дюймов — и были вырваны, судя по всему, из одного блокнота. На каждом из них черным фломастером большими печатными буквами было написано (воспроизвожу по порядку):

Преподобный Бэй: грешников преследует зло, а праведникам воздается добро (притчи 13:21).

Преподобный Бэй: отмойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей моих; перестаньте делать зло (Исайя 1:1).

Преподобный Бэй: жало же смерти — грех; а сила греха — закон (1-е коринфянам).

Преподобный Бэй: лучше ходить в дом плача по умершим, нежели ходить в дом пира; ибо таков конец всякого человека, и живой приложит это к своему сердцу (Екклесиаст 7:2).

Преподобный Бэй: а священнику Авиафару царь сказал… ты достоин смерти… (3-я Царств 2:2).

Преподобный Бэй: вспомни, что ты принял и слышал, и храни, и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то я найду на тебя как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя (Откровение 3:3).

— Звучит довольно зловеще, — заметил я. — И часто ваш мистер Бэй получает подобные послания?

— Преподобный Бэй никогда не получал ничего похожего, — проговорил он, пожав плечами с оскорбленным видом. — Конечно, время от времени мы обнаруживаем в сумах записки, в которых выражается недовольство — весьма мягкое, впрочем — какими-то пассажами в проповеди или деталями службы, что вполне нормально для храма столь грандиозного, как наш. Но такое…

— Что сам Бэй думает по поводу этих записок? — Он проявляет полнейшее безразличие, — раздраженно произнес Морган, — считает это, говоря его словами, деянием какой-то «заблудшей души».

— Вы явно не согласны с ним, иначе бы не пришли.

— Мистер Гудвин, Мы имеем дело с психопатом, и, по моему мнению, очень опасным.

— Возможно, вы и правы, — согласился я. — Однако вы утверждаете, что записки поступают в течение шести недель. Неужели уже к третьему воскресенью ни вы, ни кто-то другой в храме ничего не заподозрили и не стали более внимательно следить за сбором подаяний?

Лицо Моргана залилось краской.

— Нам, конечно, следовало сделать это. Но мы — Барни, я и все остальные — поначалу решили, что это дело рук какого-нибудь не совсем нормального человека, находящегося в Нью-Йорке проездом. У нас постоянно бывают посетители из других мест. Они приходят один-два раза и затем исчезают.

— Имеет ли Бэй врагов? Есть ли у него тайны, чреватые угрозой шантажа?

Ллойд Морган яростно закрутил головой.

— Нет, сэр. И я обязан сообщить вам, что возмущен подобным предположением.

— Минуточку, минуточку. Успокойтесь. Вы явились сюда без всякого предупреждения, — поспешил подчеркнуть я, — чтобы найти помощь. Никто не волочил вас силком. Если вы и далее намерены возмущаться, то вам лучше делать это на свежем воздухе. У вас для этого занятия будет масса времени по дороге домой на Стейтен-Айленд.

Из его шин разом вышел весь воздух. Он прикусил нижнюю губу и, слегка вздохнув, сказал:

— Простите меня великодушно. Последние дни мы все находимся в состоянии стресса, что дает о себе знать. Что же касается вашего вопроса о врагах, то я таковых не знаю и ни разу не слышал, чтобы Барни о них упоминал. Конечно, в Нью-Йорке есть священнослужители, которые завидуют нашему успеху. Но я не могу допустить даже мысли о том, что один из них способен стать на столь презренный путь.

— Понятно. Не могли бы вы теперь охарактеризовать вашу паству.

Морган откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову, что свидетельствовало о том, что я получу более пространный ответ, чем мне бы хотелось.

— Мистер Гудвин, члены нашей общины, или, как вы выразились, наша паства, являются достойными представителями общества. Из двенадцати с лишним тысяч человек более половины моложе тридцати пяти лет и сорок четыре процента не замужем или не женаты. Вы, вероятно, будете изумлены, услышав, что почти четыре тысячи прихожан живут на Манхэттене — главным образом в Гринвич-Виллидже, Ист-Виллидже и в Сохо. И несколько сотен из них еженедельно

приплывают к нам на пароме. Могли бы вы себе представить подобное?

— Никогда, — торжественно заверил я.

Мой ответ вызвал у него улыбку, которую Вулф не преминул бы назвать самодовольной.

— Я так и думал, — удовлетворенно пророкотал он, и я почему-то испытал сильнейшее желание поскорее проводить его до дверей.

— Не пытались ли вы начать внутреннее расследование и не пробовали по крайней мере выяснить, где может сидеть автор записок?

— Нет. Как я уже говорил, мы надеялись, что все закончится само собой...

— Как правило, такие дела сами не прекращаются. А как насчет полиции?

Морган содрогнулся, и я увидел, как на его высоком челе выступили капельки пота.

— Относясь к властям со всем уважением, мы тем не менее склонны обратиться к ним лишь в самом крайнем случае. Как вам, возможно, известно, последние годы были нелегкими для находящихся на виду приходов, и в первую очередь для тех, чьи службы транслируются по телевидению. Я ни на секунду не хочу сравнивать наш храм с теми евангелистами, о которых вы то и дело находите упоминания в средствах массовой информации. Но факт остается фактом — из-за таких, как они, из-за их скверной репутации мы с большим предубеждением относимся к газетным сенсациям. Нас беспокоит то, что наше обращение к властям неизбежно привлечет внимание прессы. Теперь вы понимаете, почему я просил, чтобы содержание нашей беседы оставалось конфиденциальным?

— Понимаю. Но если ситуация настолько тревожна, как вы считаете, обращение в полицию было бы вполне оправданно.

— В конечном итоге я не исключаю участия полиции, — кивнул Морган. — Но для начала мы — Барни, я и остальные руководители — решили прибегнуть к альтернативным вариантам.

— Хорошо. Но остается еще пара вещей, о которых вам следовало бы знать. Во-первых, услуги мистера Вулфа обходятся недешево и...

— Мы выражаем готовность удовлетворить все требования, за исключением наиболее эксцентричных.

Следует отдать должное этому типу. Он сумел поднять напыщенность до уровня искусства.

— Вы можете найти требования мистера Вулфа

эксцентричными, — возразил я. — Но это еще не все. Во-вторых, и вы должны это как следует усвоить, он не является большим поклонником всякого рода организованной религии независимо от того, кто выступает организатором. Кроме того, я хочу предупредить что ни в коем случае не вступайте с ним в состязания по цитированию Библии. Он знает священную книгу лучше, чем я результаты своей любимой бейсбольной команды — «Мете», к вашему сведению — по итогам прошлого сезона. А я, разбуди меня среди ночи, могу привести очки по результатам каждого тура.

Морган, промокнув платком капли пота на лбу, сказал:

— Итак, если я правильно понял, вы советуете нам обратиться за помощью в другое место?

— Вовсе не обязательно. Но я считал, что вы должны точно знать, как лежат карты. Честно говоря, я не вижу у вас козырей. Но как бы то ни было, мистер Вулф появится в кабинете через двенадцать минут, и я обговорю с ним ваше дело. Как я смогу с вами связаться?

Морган запустил пальцы в нагрудный карман пиджака и, немного там покопавшись, вытянул визитную карточку, с большим вкусом оформленную: в центре цветным шрифтом было напечатано его имя, в левом нижнем углу название церкви, а в правом — номер телефона.

— Просто так, для справки, какова ваша роль в храме?

— Я бизнес-менеджер, — немного презрительно фыркнул он. — Решаю «внутренние» проблемы, в то время как Барни, естественно, «внешние». Он, как и должно быть, наша самая яркая звезда. Барни выступает с проповедями практически каждое воскресенье, это его видит на экране наша телевизионная аудитория. Я же всего-навсего перебираю бумаги в кабинете, — закончил он со скромной улыбкой. Ему страшно хотелось выглядеть скромным.

— И еще, — сказал я, — мне хотелось бы оставить у себя записки, чтобы продемонстрировать их мистеру Вулфу. Они могут подхлестнуть его интерес. Обещаю вернуть их в целости и сохранности независимо от того, согласится мистер Вулф принять дело или нет.

Морган с сомнением посмотрел на листки и пожал плечами.

— Я, по правде говоря, не намеревался их оставлять. Что же я согласен, если вы обещаете, что я получу их назад.

— Обещаю. Может быть, вам нужна расписка?

— Не надо. Вашего слова, мистер Гудвин, более чем достаточно, — сказал он довольно фальшивым тоном.

— Прекрасно. Пока это все, что мне надо, — произнес я,

поднимаясь с кресла.

Он тоже встал с не очень уверенным видом.

— Когда я получу от вас известия?

— Сегодня. Надеюсь, вы будете на рабочем месте?

Он затратил не менее тридцати слов, чтобы заверить меня, что будет в своем кабинете, и я максимально вежливо выпроводил его, уверяя в свою очередь, что непременно позвоню до конца рабочего дня. По моему мнению, было крайне мало шансов, что Вулф снизойдет принять Моргана и Бэя в качестве своих клиентов. Как я без лишних экивоков заявил Моргану, вероятность того, что Вулф согласится работать на церковь, примерно равна вероятности откомандирования Фрица в ближайшую харчевню за полуфунтовым бифштексом на ужин. Однако у меня для толстяка был заготовлен один весьма существенный довод: наш всемогущий банковский счет нуждался в серьезной подпитке.

Глава 2

Когда, проводив Моргана, я вернулся за свой стол, оставалось еще пять минут до появления Вулфа после утреннего свидания с цветочками. Я употребил это время на то, чтобы позвонить Лону Коэну из «Нью-Йорк газетт».

Лон не имеет никаких титулов, во всяком случае, я не слышал о таких и не видел в печати. Его имя не значится в списке редакционной коллегии. Но при этом он занимает кабинет на двенадцатом этаже рядом с офисом самого издателя. Похоже, что Лон знает о том, что происходит в Нью-Йорке — и явно, и тайно, — больше, чем мэрия и полицейское управление, вместе взятые. Он делился с нами полезной информацией не знаю сколько раз, и мы отвечали «Газетт» взаимностью. Лон, кроме того, был мерзким везунком при игре в покер, в чем я убеждался чуть ли не каждый четверг в доме Сола Пензера, где мы уже много лет собирались по вечерам, чтобы перекинуться в картишки.

— Доброе утро, — произнес я в трубку, после того как он в обычной манере рявкнул свое имя. — У тебя найдется минутка для друга?

— У меня нет свободной минуты для матушки, не говоря уж о матери моих детей. Почему я должен сделать для тебя исключение?

— Мы сегодня слегка не в духе, не так ли? Мог бы быть и поласковее с парнем, заботливо набившим твои карманы зеленью за игорным столом ровно неделю назад.

— А я, согласись, здорово сыграл в тот вечер, — ответил Лом чуть ли не нежным голосом. — Ну ладно, чего тебе надо на этот раз? И что я буду с этого иметь?

— Вновь этот отвратительный цинизм: ты — мне, я — тебе, — заметил я. — Вот увидишь, как я сыграю сегодня, когда ты опять начнешь блефовать.

— Арчи, я был бы рад протрепаться с тобой все утро, но, не боясь прослыть неоригинальным, процитирую нашего главного — «нам надо выпускать газету».

— И при этом прекрасную газету, парень. Да ладно. Что ты мне можешь сказать пятью прекрасно сконструированными фразами о Преподобном Барнаби Бэе и его церкви на Стейтен-Айленде?

— Бэй? У него репутация умного, очень умного, и ловкого человека. Родом откуда-то с Юга, скорее всего из Джорджии. Всего за несколько лет создал многочисленную общину и построил гигантский храм. Название храма на мой вкус больше

подходит для шоу-бизнеса — Храм с Серебряным Шпилем. Название это он получил потому, что здание украшено стальным или алюминиевым шпилем такой высоты, что все окружающие сооружения выглядят лилипутскими. Во время строительства вокруг проекта шли большие споры. Если верить нашему редактору по вопросам религии, Бэй на несколько голов выше телепроповедников, которые в последнее время столь обильно снабжали нашу газету скандальными новостями. Все говорит о том, что он честен, искренен и настоящий кудесник за кафедрой.

— И никаких скандалов?

— Во всяком случае, я ничего не слышал. У него чертовски красивая жена и четверо ребятишек. Пару лет назад несколько церквей на Стейтен-Айленде и в Нью-Джерси жаловались, что он переманил их прихожан, но такое происходит постоянно. Не исключено, что он удовлетворяет духовные потребности людей лучше, чем их местные пастыри.

— Парень настолько хорош, что начинаешь сомневаться, правда ли это.

— Именно это я и сказал Уолстону, нашему редактору по религиозным вопросам, когда прочитал в недавнем воскресном выпуске его опус, посвященный Бэю. Но Уолстон клянется, что это — подлинный Бэй. Кроме того, падре помещает свои деньги, церковные, я хочу сказать, туда, где они больше всего нужны. Храм с Серебряным Шпилем основал несколько приютов для раздавленных жизнью женщин и ночлежек для бездомных на Манхэттене. Церковь оплачивает весь работающий там персонал и все текущие расходы. О'кей, я произнес более пяти фраз, теперь ответь мне всего одной на первый вопрос: почему Вулф заинтересовался Бэем? И еще одной на второй: не может ли случиться, что наш добрый Преподобный все же окажется колоссом на глиняных ногах?

— Не могу ничего ответить, потому что у меня нет ответов и для себя. Но можешь утешиться тем, что, если что-то произойдет, ты узнаешь об этом первым.

— Да, как говорится: «Я уже отправил чек по почте, сэр», — проворчал Лон и закончил разговор, пробормотав нечто отдаленно напоминающее «пока».

Я положил трубку на место и едва успел вскрыть конверты и положить корреспонденцию на стол Вулфа, как послышался скрежет лифта, возвещающий о нисхождении моего босса с заоблачных высот.

— Доброе утро, Арчи. Надеюсь, вы хорошо спали? — спросил он, обходя стол и размещаясь в кресле, специально сконструированном так, чтобы выдерживать вес в одну седьмую

тонны. Этот вопрос я слышал от него по утрам, наверное, уже несколько тысяч раз.

— Подобно младенцу, — ответил я, как уже отвечал несколько тысяч раз.

На этом закончился наш ежедневный ритуал. Он быстро просмотрел письма и, не обнаружив там ничего для себя любопытного, нажал кнопку на крышке стола. Звонок раздавался в кухне, извещая Фрица о том, что пора нести пиво — а именно две бутылки «Реммерса». Затем Вулф извлек на свет очередное чтиво. На сей раз это был «Знак Марса» Джона Нобла Уилфорда. Судя по всему, он вознамерился посвятить чтению все время до ленча.

— Прежде чем вами окончательно завладеет идея отправиться на Марс ближайшей ракетой, я хочу сообщить, что у нас был посетитель.

Он демонстративно отложил книгу, состроив при этом страшно недовольную мину. Надо заметить, что его лицо обычно принимает такое выражение, когда что-то нарушает его жизненные планы. Губы Вулфа не двигались, но в его осуждающем взгляде я прочитал вопрос: «Так кто же посмел нарушить наш покой?»

— Заходил один джентльмен, — начал я в тот момент, когда в кабинет вошел Фриц с двумя бутылками и высоким стаканом на подносе. — Босс этого джентльмена получает записки угрожающего содержания и хочет прибегнуть к вашим услугам, чтобы найти автора.

Все с тем же недовольным выражением на лице Вулф налил пива и, подождав, пока пена осядет, ледяным тоном произнес:

— Продолжайте.

— Вам, так же как и мне, прекрасно известно состояние наших финансов на сегодня, — заявил я.

Вулф набрал полную грудь воздуха, медленно выдохнул и, глядя на меня сузившимися глазами, пропыхтел:

— Мне противен ваш бессвязный лепет, Арчи. Я с тоской понимаю, что не обрету покоя до тех пор, пока вы не облегчите душу. Поэтому выкладывайте.

Это было вовсе не легкое дело.

— Помните, как вы однажды сказали, что занятие клиента имеет малое значение по сравнению с теми проблемами, которые он перед нами ставит?

— Я высказал эту идею в связи с конкретным делом и при весьма нетривиальных обстоятельствах, если вы соблаговолите вспомнить.

— В течение многих лет мы постоянно оказываемся в

нетривиальных обстоятельствах: держу пари, что и сейчас перед нами необычное дело.

Я взглянул на Вулфа, но его физиономия по-прежнему не выражала никакого интереса. Однако это никогда не могло остановить меня, и я продолжил:

— Человек, получающий записки с угрозами, личность весьма известная. Может быть, вы о нем слышали. Его зовут Барнаби Бэй.

— Ах этот... церковный фигляр.

— А вот и не «ах этот». Я знаю, насколько высоко вы цените мнение нашего друга мистера Коэна, а он говорит, что Бэй вовсе не фигляр.

— Вам даже неизвестно значение этого слова, — прорычал Вулф.

— Вот и неправда. Я посмотрел его в словаре после того, как некто несколько лет назад применил его именно в этой комнате по отношению к вам. Кстати, это был второй человек, назвавший вас фигляром. Если вас назовут так еще хотя бы раз, то мне придется в это поверить. Так или иначе Лон считает Бэя умным, честным, серьезным человеком и первоклассным проповедником. И это не говоря о добрых делах, которые его церковь творит для несчастных женщин и бездомных бродяг, открывая для них ночлежки на Манхэттене.

— Весьма похвально, — ответил Вулф, без всякого, впрочем, энтузиазма. — Посоветуйте ему поговорить по поводу записок с полицией.

— Я так и сделал, но, по словам Ллойда Моргана — так зовут посетителя, — Бэй стремится избежать огласки, которая неизбежна, если он обратится в полицию.

— Принимая во внимание характер его деятельности, такая линия поведения представляется мне чересчур скромной.

— Ваше последнее высказывание кажется мне не слишком благородным. Однако что вы скажете, если я предложу подробнее пересказать мой разговор с мистером Морганом?

Вулф вздохнул и закрыл глаза, видима, надеясь, что я исчезну. Но поскольку я остался на месте, он произнес:

— Похоже, что вы намерены донимать меня независимо от того, хочу я этого или нет. Поэтому выкладывайте.

В прошлом мне приходилось воспроизводить для Вулфа многочасовые разговоры, не пропуская при этом ни слова. Пересказать же короткую беседу было раз плюнуть. Закончив рассказ, я положил записки перед ним на стол и заметил:

— Вы, может быть, найдете их любопытными.

Вулф скривился, но все же целых девяносто секунд молча изучал листки, стараясь не прикасаться к ним даже кончиками

пальцев.

— Каждый, кто мало-мальски знаком с конкордансом, мог состряпать их за десять, самое большее за пятнадцать минут.

— О'кей. Я готов признать существование пробелов в моем образовании, сэр. Что такое конкорданс?

— Весьма обнадеживающее признание. Конкорданс, Арчи, — библейский предметный указатель. Им снабжены многие издания Библии. Вернемся к мистеру Моргану, — произнес он, отодвигая от себя листки.

— Что я должен ему сказать?

— Чтобы он обратился в полицию, естественно, — выпалил Вулф и уткнулся в свою книгу. Прожив много лет под одной крышей с гением, я твердо усвоил по крайней мере одно: бывают моменты, когда следует прекратить давление на него и дать отбой, хотя бы на время. Поэтому я оставил Вулфа с его книгой и пивом, а сам вернулся к индексации почек орхидей, что заняло все мое время вплоть до ленча.

Среди неписаных правил дома из бурого известняка неукоснительно соблюдалось одно: не обсуждать за едой дела — как текущие, так и намечающиеся. Пока мы поглощали запеченные мэрилендские крабы и королевский салат (рецепт самого Фрица), усугубляя их чесночными крутонами, Вулф разглагольствовал о целесообразности трансформирования США в сторону уменьшения числа штатов до двенадцати, в самом крайнем случае — пятнадцати. Я в основном слушал, жевал и одобрительно кивал, не осмеливаясь спросить, что будет делать остальная часть страны, если исчезнет Калифорния как объект всенародного издевательства.

Как обычно, после ленча мы вернулись в кабинет для того, чтобы выпить кофе. Однако я все еще не был готов вновь развернуть кампанию в пользу Бэя. Вулф читал до тех пор, пока не настало время вечернего свидания с орхидеями, а я подвел баланс в чековой книжке, расплатившись по счетам, и перечитал в «Газетт» отчет о безумном матче «Мете» с Цинциннати, когда мои ребята во втором иннинге заработали шесть очков одним ударом, а противник совершил одновременно три непростительные ошибки.

Когда Вулф удалился наверх, я позвонил Моргану, тот поднял трубку после первого гудка.

— Вы говорили с ним? — выпалил он, как только я назвал свое имя.

— Да. Но пока ничего определенного я сообщить не могу. Мы собираемся продолжить обсуждение вашей проблемы позже.

— О Боже! Ваши слова звучат не очень вдохновляюще.

— Пока я не стал бы так утверждать. Не отчаивайтесь. Перезвоню утром.

Морган, похоже, не обрадовался, услышав это, однако до его настроения мне не было дела. Передо мной стояла собственная задача: заставить Вулфа принять церковь в качестве клиента. Я попытался сделать это, когда он в шесть часов вечера вернулся из оранжереи. Чтобы избавить вас от мрачных подробностей, ограничусь сообщением: он настолько осерчал на мою, как он выразился, «травлю», что сбежал из кабинета и все время до ужина проторчал в спальне. После ужина, когда мы уселись в кабинете, чтобы выпить кофе, я предпринял еще одну попытку, упирая на то, что самому Вулфу даже не придется приближаться к Храму с Серебряным Шпилем.

— Как обычно, всю работу на месте проведу я. Вам же не придется встречаться ни с Бэем, ни с другими церковниками до финального момента, когда вы разрешите загадку.

Ответом мне послужил сердитый взгляд.

— Арчи, чтобы вы и далее не утруждали свои голосовые связки, убеждая меня взяться за это дело, я скажу следующее: ни при каких обстоятельствах я не соглашусь работать для мистера Бэя и его организации.

— Понятно. А банковский счет может удавиться, так что ли? Что же, по-вашему, я должен сказать мистеру Моргану?

Вулф отверг протянутую мной руку дружбы.

— Да говорите что хотите. Мы не в первый и, видимо, не в последний раз отклоняем чьи-то мольбы.

— Употребляйте местоимения в единственном числе, — выпалил я в ответ. — Я никогда ничего не отклонял.

Вулф вновь сверкнул на меня глазами и поспешно скрылся за своей книгой, что доставило мне некоторое удовлетворение, хотя, честно говоря, не очень большое. Я начал раздумывать об уходе с работы — этот вариант за несколько лет я взвешивал по меньшей мере раз двенадцать. Но идею пришлось похоронить, потому что менее чем через месяц мне предстоял двухнедельный отпуск вместе с Лили Роуэн и места в гостиницах Англии и Шотландии уже были зарезервированы. Конечно, у меня были кое-какие накопления как на банковском счете, так и в акциях, но будь я проклят, если позволю Вулфу сорваться с крючка и избавлю его от обязательства оплатить мой заслуженный отдых.

По счастью, у меня был веский повод убраться из особняка подальше от соблазна покуситься на жизнь босса. В противном случае имелись бы все основания опасаться, что Вулфа обнаружат с травмой черепа, нанесенной тупым предметом. Был четверг, и я торопился на свидание с картами, фишками и картофельными

чипсами в жилище Сола на Тридцать восьмой к востоку от Лексингтон-авеню. На этот раз я оказался в большом выигрыше, а Лон, за весь вечер ни разу не упомянувший о Барнаби Бэе, потащился домой с пустыми карманами.

На следующее утро, пока Вулф общался с орхидеями, я позвонил Ллойду Моргану.

— Сожалею, что должен выступить черным вестником, но мистер Вулф считает, что не может заняться вашей проблемой.

Было слышно, как он втянул в себя воздух.

— Именно этого я и опасался. Надо полагать, что решение бесповоротно?

— Боюсь, что так.

Еще один глубокий вздох.

— Есть ли... кто-нибудь, кого вы могли бы рекомендовать? Другого частного детектива.

Для тех, кто плохо знаком с нашей командой, сообщу, что в случае необходимости — а таковая возникает довольно часто — Вулф привлекает к делу двух независимых частных детективов: Сола Пензера и Фреда Даркина. Сол внешне не очень впечатляет — ростом едва дотягивает до пяти футов семи дюймов, тощий, сутулый, с вечной щетиной на физиономии, две трети которой занимает нос. Но его глаз острее, чем у Вилли Мейса в расцвете сил, и если ему поручить слежку, то он прилипнет к объекту прочнее, чем эпоксидка. На Сола большой спрос, и работы у него невпроворот. Однако Сол бросает все дела, когда его приглашает Вулф.

Фред Даркин — совсем другое дело. Он большой, вернее сказать, толстый, несколько медлительный, его нельзя упрекнуть в излишней сообразительности. Лояльность и честность — два его основных достоинства. И хотя ему далеко до Сола, в слежке он упорен и в целом очень хорош. Все эти годы Вулф привлекал его почти так же часто, как и Сола, но в последнее время дела Фреда шли неважно, на что он частенько жаловался. Это обстоятельство, видимо, и склонило меня в пользу Фреда, когда Морган задал свой вопрос. Да и работа на первый взгляд казалась совсем не сложной. Возможно, вы сделали бы иной выбор. В таком случае было бы неплохо, если бы вы оказались рядом со мной утром той пятницы и остановили меня, прежде чем я успел сообщить Ллойду Моргану номер телефона Фреда Правда, тогда вам не пришлось бы читать эту книгу.

Глава 3

Следующие одиннадцать дней я практически не вспоминал ни о Храме с Серебряным Шпилем, ни о Фреде Даркине. Отчасти потому, что мне удалось втянуть Вулфа в праведное, хотя и скучное расследование о растрате в сети супермаркетов. В крупнейшем магазине системы, расположенном в графстве Вестчестер, почти ежедневно обнаруживалась недостача наличных. Виновным, как довольно быстро определил Вулф, основываясь на моем двухдневном изучении обстановки, оказался сидящий по уши в долгах помощник менеджера. У него были сообщницы — две юные розовощекие кассирши с самыми невинными мордашками во всей округе. Размеры нашего гонорара не поражали воображения, но, учитывая, что все дело заняло неделю, у нас не было основания для жалоб.

Кроме того, существовал еще один и, надо заметить, очень приятный отвлекающий момент. Ли Роуэн все больше и больше загоралась идеей совместного отдыха. Ее энтузиазм настолько подействовал на вашего покорного слугу, что он погрузился в изучение путеводителей по таким романтическим местам, как Озерный край, Котсуолд и Лох-Ломонд. Впрочем, припоминаю, что Фред звонил мне. Это было в тот самый день, когда я порекомендовал его Моргану. Он хотел узнать, что мне известно о храме и почему Вулф отказался вести дело.

— Мистер Вулф старательно избегает всего, что связано с формальной религией, — объяснил я.

Кроме того, я поделился с ним впечатлением, которое произвел на меня Морган, и пересказал комментарий Лона о Бэе как проповеднике и духовном лидере. Я закончил разговор словами:

— Желаю успеха. Если что понадобится, звони.

Записки с угрозами я отослал в запечатанном конверте за свой счет Моргану. Их отвез на Стейтен-Ай-ленд Херб Арансон, самый надежный водитель такси во всем Нью-Йорке.

Звонок последовал, но совсем из другого места. Телефон зазвонил во вторник около девяти утра, когда я, сидя за своим столом, печатал письма, продиктованные Вулфом накануне.

— О'кей. Арчи, выкладывай все и как можно быстрее!

Это был Лон Коэн, и восклицательный знак, поставленный мной в конце фразы, ни в коей мере не передает возбуждения в его голосе.

— Что выкладывать?

— Ты отлично знаешь, черт бы тебя побрал, — выпалил он. —

О Серебряном Шпиле и Даркине.

— Что случилось с Даркином? — теперь уже я кричал в трубку: моя глотка вдруг стала сухой, как Долина Смерти.

— Как будто ты не знаешь! Его отправили в кутузку за убийство.

— Что? Каким образом...

— Кончай, Арчи. Перестань держать меня за идиота. Мы сдаем номер в печать и надо дать хоть какой-нибудь материал. Всем известно, что Даркин фактически работает на Вулфа, и босс вцепился как клещ, требуя, чтобы я получил эксклюзивную информацию. Мои мысли явно отставали от языка.

— Бэй мертв?

— Вовсе не Бэй! — разъяренно рявкнул Лон. — Его помощник. Так ты намерен помочь мне или нет?

— Дай мне тайм-аут, — взмолился я. — И послушай: во-первых, один из сотрудников Бэя через меня просил мистера Вулфа заняться возникшими у храма проблемами. Это было в тот день, когда я тебе звонил, чтобы узнать о Бэе. Во-вторых, мистер Вулф не пожелал иметь церковь в качестве своего клиента, и мы рекомендовали Фреда.

Лон презрительно фыркнул.

— Слушай, я знаю тебя достаточно давно и уверен, что ты не скормишь Даркина псам ради того, чтобы спасти шкуру — свою и Вулфа. Поэтому выкладывай все прямо как есть.

— Моя речь пряма, как стрела Вильгельма Телля. Кто убит и когда?

— Парень по имени Ройял Мид. Старший помощник пастора — второй человек после Бэя. Даркин застрелил его вчера вечером в помещении церкви.

— Чушь! Неужели Фред признался?

— Ну ладно, если хочешь, предположительно застрелил. Так или иначе сейчас он на Манхэттене за решеткой. Удивлен, что ты об этом ничего не слыхал. Теперь говори, какие проблемы возникли у храма?

— Подожди, пока я переговорю с боссом.

— Брось, Арчи. Мы должны...

— Послушай! Я должен переговорить с Вулфом. Потом я тебе позвоню, обещаю. Есть ли решение выпустить Фреда под залог?

— Ага, теперь ты хочешь получить от меня информацию, не желая поделиться своей, — выпалил он. — А насчет залога мне ничего не известно.

Я поклялся Лону, что он услышит меня еще до полудня, бросил трубку и, перескакивая через две ступеньки, ринулся наверх в оранжерею. В первой, прохладной комнате я прикрыл

глаза, чтобы не ослепнуть при виде красно-бело-желтых однотоглоссумов.

Я сотни раз поднимался в оранжерею, но так и не смог привыкнуть к захватывающему дух виду этих и других красавиц, составляющих десятитысячную коллекцию орхидей нашего дома. Вулф называет цветы своими «любовницами». Затем я миновал помещение с умеренным и тропическим климатом, стараясь не отвлекаться при виде очаровательных экзотических растений.

Вулфа, облаченного в желтый комбинезон, я обнаружил в посадочной комнате. Мой босс, взгромоздившись на табурет возле скамьи, уныло взирал на соцветие онцидиум альтиссимум. Цветочная нянька Теодор Хорстман, стоя у раковины, мыл глиняные горшки.

Увидев меня в дверях, Вулф почему-то не повеселел.

— В чем дело? — проворчал он.

— У нас возникли серьезные осложнения, иначе, как вам прекрасно известно, меня бы здесь не было, — произнес я, игнорируя неодобрительный взгляд старого Хорстмана. Впрочем, он так пялится на меня постоянно, даже когда я не посягаю на покой его святыни. Старец меня терпеть не может, но мне плевать, потому что это чувство взаимно и продолжается уже многие годы. Я ответил ему таким взглядом, что он тут же вернулся к мытью горшков.

— Даркин в тюрьме по обвинению в убийстве, — объявил я. — Я говорил вам, если помните, что он взялся за работу, связанную с Серебряным Шпилем. Так вот, парень по имени Мид — он работал в храме — позволил, чтобы его укокошили, и, как только что сообщил мне Лон, обвиняется в этом Фред.

— Абсурд!

— Согласен. Так что же мы предпримем?

Он, вздохнув еще раз, бросил взгляд на соцветие и аккуратно положил его перед собой на скамью.

— Дьявольщина! Свяжитесь с мистером Паркером немедленно.

Вулф не скрывает своего отвращения к представителям юридических профессий. Однако он делает единственное исключение для своего бессменного адвоката Натаниэля Паркера, с которым здоровается за руку и даже приглашает к себе в дом отужинать. Я подошел к висящему здесь же на стене аппарату и по памяти набрал номер Паркера.

— Звонит Ниро Вулф, — объявил я секретарше, которая соединила меня с адвокатом, и вручил трубку Вулфу.

— Мистер Паркер, говорит Ниро Вулф. Да, я чувствую себя прекрасно, благодарю вас. Один из моих помощников, Фред

Даркин, вы с ним знакомы, обвиняется в убийстве... Нет, обстоятельства пока не ясны. Я передаю трубку Арчи, и он сообщит вам все, что знает... Да, я готов внести залог.

С этими словами он вручил мне телефонную трубку, и я изложил все, что сказал мне Лон. Закончив разговор, я повернулся к Вулфу.

— О'кей. На некоторое время вы от меня избавились. Однако я обещал Лону дать материал для следующего выпуска. Мы многим обязаны ему. Я хочу поведать ему о «любовных записках».

Подбородок Вулфа опустился на несколько миллиметров, что должно было изобразить кивок. Он был настолько раздражен помехой его любимому занятию, что готов был согласиться на все, лишь бы отделаться от меня. Удаляясь, я бросил взгляд назад через плечо. Вулф был уже всецело занят недужной онцидиум. Хорстман же, стоя у раковины, не сводил с меня глаз, видимо, опасаясь, что я утащу что-нибудь ценное вроде глиняного горшка.

Глава 4

К тому времени, когда Вулф вернулся из оранжереи, я успел позвонить Лону и прочитать ему все шесть записок Бэя, чем заслужил небрежно брошенное слово благодарности. Кроме того, позвонил Паркер.

— Говорит, что сможет вытащить Фреда, — сообщил я Вулфу, пока тот усаживался на свое место за столом и звонил, чтобы ему принесли пиво. — Это обойдется нам в пятьдесят тысяч.

— Заплатите. Что еще удалось выяснить мистеру Паркеру?

— Не много. Кажется... — мои слова прервал звонок у входной двери, и, поскольку Фриц отсутствовал, мне пришлось пройти в прихожую и взглянуть через одностороннее стекло..

Поспешно вернувшись в кабинет, я доложил:

— Это наш старый сам-знаете-кто. Какие будут указания?

Вздох.

— Впустите его, — проговорил он без всякого энтузиазма, когда раздался еще один звонок, на этот раз более длинный и нетерпеливый.

— Доброе утро, инспектор. Рад вас видеть, — произнес я, распахивая дверь и пропуская в дом Лайонела Крамера — шефа отдела расследования убийств департамента полиции города Нью-Йорка. Инспектор рыкнул в ответ и промчался мимо меня, как сорвавшийся с тормозов товарный состав. Я поспешил за ним. Он вкатился в кабинет, плюхнулся в красное кожаное кресло и сунул в рот незажженную сигару, которую извлек из нагрудного кармана своего темно-синего пиджака.

— Сэр? — пробормотал Вулф, поднимая глаза от каталога орхидей, только что полученного по почте.

— Это я желаю говорить с вами, сэр, выпалил Крамер. — Уже много лет этот дом приносит мне одни только неприятности. Давным-давно это был бедняга Джони Кимз. За ним последовал Кэтер. Затем еще Бог знает сколько. Я преждевременно состарился из-за вас и из-за этого... — проскрипел он, ткнув пальцем приблизительно в моем направлении. — И вот Даркин. Я никогда не считал его самым сообразительным парнем в городе, но был уверен, что мне не придется его сажать. Кэтер был не подарок и меня не удивил. Однако Даркин просто потряс.

— Простите, мистер Крамер, — произнес Вулф нарочито тихим голосом, — но Арчи и я только что узнали о том, что против Фреда выдвинуто обвинение. Мы будем весьма благодарны, если вы сообщите нам подробности.

— Ха! Еще бы. Даркин заявляет, что не работал на вас, но я

верю в это не больше, чем в то, что университетский баскетбол — любительский спорт.

— Он говорит правду, — не повышая голоса, произнес Вулф.

— Как же, как же... — Крамер пожевал свою дешевую сигару и продолжил: — В таком случае почему один из служащих Серебряного Шпиля сообщает, что они начали с разговора с Гудвином?

— И это правда. Арчи, расскажите мистеру Крамеру о визите мистера Моргана. Не скрывайте ничего.

Я поведал обо всем, включая упрямый отказ Вулфа принять дело, о моем совете Моргану пригласить Фреда и о звонке Фреда, желавшего узнать как можно больше о Храме с Серебряным Шпилем.

— И это все, что мне было известно до тех пор, пока утром не позвонил Лон Коэн и не сообщил новость, что против Фреда выдвинуто обвинение.

Крамер хмуро посмотрел на меня, затем на Вулфа, затем снова на меня.

— Не знаю, ребята, может быть, вы говорите правду, а может быть, и нет. С вами двумя мне иногда бывает трудно разобраться. Вот что нам известно. Думаю, что сведения достаточно точны, потому что Даркин и люди из Серебряного Шпиля — включая их Великого Брамина Барнаби Бэя — говорят одно и то же, во всяком случае, до определенного момента.

Во-первых, и вам это, видимо, известно, Бэй находил эти отвратительные выдержки из Библии в сумах для сбора воскресных пожертвований. Церкви следовало бы обратиться к нам, но этого сделано не было. Они, видите ли, опасались скандала в прессе. Посмотрим, что они получат теперь. Представляете, какие заголовки будут в газетах сегодня вечером и завтра? А телевизионные новости? Ха! Но так или иначе они нанимают Даркина, чтобы тот нашел автора этих проклятых записок, и тот, как нам сообщили, больше недели, включая два воскресенья, топчется вокруг храма. По-видимому, он сумел восстановить против себя часть персонала, включая Ройяла Мида — парня, который отправился прошлым вечером к праотцам и чья смерть была для Даркина совершенно бесполезна. Насколько я понял, этот Ллойд Морган — единственный, кто проталкивал идею пригласить сыщика. Все остальные смотрели на это более чем прохладно, считая записки делом рук тронутого умом. Но Морган, имея постоянный доступ к Бэю, сумел убедить босса нанять частного детектива.

— Чем же Фред не угодил этим служителям культа? — поинтересовался Вулф.

Крамер откинулся на спинку кресла, потер ладонью щеку и, помрачнев, ответил:

— Он объявил, что, по его мнению, все угрожающие письма были состряпаны в самом храме — их написал кто-то из церковной команды. Не стоит говорить, как это их всех, включая Моргана, завело.

Вулф глубоко вздохнул и спросил:

— И когда же Фред взорвал этот камуфлет?

— Вчера вечером. На своего рода собрании сотрудников. Очевидно, вся церковь впала в раж. И после того как собрание закончилось, Мида обнаружили мертвым в его кабинете. Две пули в голову из оружия Даркина тридцать восьмого калибра. На пистолете отпечатки Даркина и никого более. Сам он утверждает что повесил пиджак на вешалке в коридоре, кобура с пистолетом находилась под пиджаком и...

Раздался звонок в дверь, и, так как Фрица все еще не было, мне пришлось вновь исполнять роль дворецкого. Крамер продолжил свое повествование, а я отправился в прихожую и посмотрел сквозь дверное стекло. На ступенях у входа возвышался во все свои шесть футов Натаниэль Паркер, рядом с ним стоял небритый н усталый Фред Даркин, рост которого на дюйм меньше, чем у меня, а вес фунтов на пятнадцать или даже на все двадцать больше. Капельки пота покрывали его ирландский лоб, поднимающийся, если можно так сказать, до самой макушки. Лишь несколько небольших пучков рыжих волос не позволяли утверждать, что Фред лыс как колено.

Я открыл дверь и, прижав указательный палец к губим, проводил их в комнату рядом со входом. Когда дверь в прихожую закрылась за нами, я сказал Фреду:

— Будь я проклят, если у меня, так же как и у Вулфа, нет к тебе вопросов. Но сейчас там Крамер, и ты можешь догадаться, о чем идет речь.

Фред тупо кивнул.

— Мне надо вернуться к Вулфу, а вы сидите тихо, пока Крамер не уйдет, и читайте журналы, — закончил я.

Когда я вошел в кабинет, Крамер уже завершал свое повествование:

— ...хотите или не хотите, но вашему Даркину — крышка, ставлю на это все, что угодно, — объявил он Вулфу, даже не пытаясь скрыть торжество в голосе. — Мида могли замочить либо Даркин, либо кто-то из церковной братии, чистой как стеклышко. Следовательно, остается единственный подозреваемый — Даркин. Все. Точка.

Вулф вопросительно посмотрел на меня.

— Заходил мистер Вильсон, — сказал я, — принес ваш заказ.

Он понял мое шифрованное сообщение и повернулся к Крамеру.

— Ваша вера в непогрешимость духовенства согревает душу, хотя объяснить ее весьма трудно,— сказал Вулф. —- Уверен, что вы помните о деле священника, который признался прошлой осенью в том, что за несколько лет присвоил из церковных сумм более двадцати тысяч долларов. И наверняка вы помните о дьяконе протестантской церкви на Лонг-Айленде, который в помещении церкви забил до смерти прихожанку за то, что она отвергла его домогательства. А также...

— Чушь! — проревел, поднимаясь, Крамер. — Вы можете злословить хоть до вечера, но я искренне советую вам поискать другого помощника, потому что Даркин отправится в такое место, из которого не сможет по вашей указке подсматривать в замочные скважины.

Он швырнул сигару в мусорную корзину, как всегда промахнувшись, и выбежал из кабинета с той же скоростью, что и вбежал в него. Я проследовал за ним до прихожей и проследил за тем, как он без моей помощи распахнул дверь и, не потрудившись закрыть ее за собой, скатился по ступеням к ожидающему его неприметному черному седану.

— Горизонт чист, — объявил я, открывая дверь комнаты. Паркер отложил в сторону журнал «Ныо-йоркер» и встал с кресла, а Фред, который, видимо, убивал время, изучая носки своих ботинок, поднялся с дивана с таким видом, словно это действие отняло у него последние силы. Они прошли за мной в кабинет, где Паркер заявил свое право на красное кожаное кресло, а Фред рухнул в желтое.

Вулф удостоил их одним общим кивком и остановил взгляд на Паркере, явно ожидая пояснений.

— Полагаю, вы удивились, увидев нас, — начал адвокат, пожимая плечами. — Честно говоря, я и сам удивлен тем, сколь быстро развивались события. Но судья, слушавший дело об освобождении под залог, оказался моим старым другом, — сказал он, застенчиво улыбнувшись. — И он... кое-чем мне обязан... с давних пор. При этом наше заявление выглядело весьма обоснованно, несмотря на то, что речь идет об убийстве. Косвенные улики, отсутствие свидетелей, обвиняемый с безупречным прошлым, который, по всей вероятности, не предпримет попыток скрыться от органов правопорядка... Хотя боюсь, что средства массовой информации все же поднимут шум. Но так или иначе власти согласились, хотя и весьма неохотно, на залог в пятьсот тысяч. Я посчитал сумму справедливой, учитывая,

что наш взнос составит всего десять процентов.

Фред, уперев локти в колени, продолжал безотрывно пялиться в пол.

— А как же деньги? — спросил Вулф.

— О, я позаботился об этом, — небрежно махнув рукой, ответил Паркер. — Уверен, что у нас с вами не возникнет проблем.

— Благодарю вас, сэр. Арчи выпишет вам чек сегодня же.

Теперь он обратил свое внимание на Фреда, который даже в этой достаточно спокойной ситуации чувствовал себя весьма неловко. Он был похож на мальчишку, пойманного с поличным при третьей попытке списать у приятеля контрольную работу и доставленного в кабинет директора школы.

— Я хотел бы услышать резюме результатов вашего расследования вплоть до момента убийства. Даю вам на это не более десяти минут, — резко произнес Вулф, зная о склонности Фреда к бессвязной болтовне.

Фред провел ладонью по лбу и начал:

— Вы знаете, что для этой работы меня рекомендовал Арчи. Я ему очень благодарен, несмотря на все, что случилось. Ну да ладно... Все началось в субботу позапрошлой недели. Я отправился на Стейтен-Айленд — церкви там принадлежит изрядный кус земли — и встретился с Ллойдом Морганом. Тот показал мне записки, шесть штук, с которыми, по его словам, вы оба уже знакомы. Морган сказал, что они хотят обнаружить автора и что я имею свободный доступ в храм в любое время, даже по вечерам. В тот же день я встретился с частью персонала и с самим Бэем.

— И как же отнесся к вам мистер Бэй? — спросил Вулф.

— Не знаю, как сказать, — пожал плечами Фред. Мне показалось, что он вроде как смущен. Было похоже, что это дело ему не очень по душе. Ему явно не хотелось, чтобы в церкви работал частный детектив, но по отношению ко мне он вел себя весьма достойно. Сказал, что совершенно не представляет, кто мог прислать ему подобное.

— И вы присутствовали на воскресной службе?

— Две недели подряд. Я следил из разных мест за тем, как проводится сбор средств. В первое воскресенье я смотрел за ходом службы с хоров, а во второе вел наблюдение на нижнем этаже. После этих служб новых угрожающих записок не обнаружилось, но если бы они и появились, то сказать, кто их подложил, было бы невозможно. Они там используют мешки, и прихожане опускают в них руки с деньгами или еще с чем угодно. Подбросить такую мелочь, как записка, не составляет никакого

труда, и даже сидящий рядом ничего не сможет заметить. Я хотел поговорить с добровольцами, носящими мешки по рядам, но Морган не позволил. Он, опасаясь сплетен, не хотел, чтобы много народа узнало о происходящем.

Вулф недовольно скривился.

— Как вам известно, здесь только что был инспектор Крамер. По его словам, вы предположили, что автором записок был кто-то из сотрудников.

— Да, — кивнул головой Фред, — возможно, мне не следовало торопиться с выводами, пока я не добыл неопровержимых доказательств, но все они — и особенно Морган — требовали, чтобы я доложил о промежуточных результатах расследования. Мое сообщение вызвало ужасный переполох и затем... — он беспомощно развел руками.

— Вы, бесспорно, правы.

Фред удивленно посмотрел на Вулфа и спросил:

— Вы согласны со мной?

— Естественно. Не поделитесь с нами, каким образом вы пришли к заключению, что автор записок принадлежит персоналу?

— О'кей, — произнес Фред с намеком на энтузиазм в голосе. — Морган сказал, что о расследовании знал только узкий круг лиц, приближенных к Бэю - всего восемь человек, включая самого Бэя и жмурика Мида. Записки поступали шесть воскресений подряд, вплоть до того воскресенья, когда я появился в церкви. После этого они прекратились.

— Нельзя исключить, что это простое совпадение, заметил Вулф.

— Действительно нельзя, — согласился Фред. — Но есть еще кое-что. После каждой службы добровольцы относят мешки с приношениями в подвальное помещение, похожее на склеп. За этой процедурой наблюдает кто-нибудь из приближенных Бэя. Дверь склепа запирается на сейфовый замок. Комбинация замка известна только этой восьмерке. Деньги, а они после каждой службы собирают тысячи и тысячи наличными, не считая чеков, не пересчитываются до утра понедельника. За это время любой из восьмерки мог подсунуть записки в мешок.

— Умозрительные рассуждения, — ответил Вулф. — Любой прихожанин мог незаметно подложить записки в мешок, якобы опуская подаяние. Вы сами это сказали.

— А я-то думал, что вы поверили моей теории, промямлил Фред с вытянувшейся физиономией.

— Я и поверил. Не желаете ли что-нибудь выпить? Сам я выпью пива.

Паркер и Фред предпочли кофе, и Фред последовал за мной на кухню. Вернувшийся Фриц был поглощен приготовлением ленча, поэтому я взял на себя заботу о пиве для Вулфа, а Фред налил две чашки кофе из кофейника, подогревавшегося все утро. Когда мы вновь устроились в кабинете, Вулф нацедил себе пива в стакан и бросил пробку от бутылки в средний ящик письменного стола. Много лет тому назад он вбил себе в голову, что выпивает чересчур много пива, и начал вести учет, собирая пробки и подсчитывая их раз в неделю. Насколько мнё известно, эта еженедельная перепись ни на унцию не уменьшила потребление напитка.

— Сколько человек в церкви знали о цели вашего расследования? — после доброго глотка поинтересовался Вулф.

— Предположительно только те восемь, о которых я упомянул. Бэй величает их «кружком веры». В «кружок» входят Бэй, Морган, супруга Бэя Элиз, Мид, Роджер Джиллис, возглавляющий образовательную программу, Сэм Риз, которого они зовут министром-евангелистом, его жена Карола — солистка в хоре и, наконец, Марли Вилкинсон — руководитель музыкальной части храма. Бэй не желает, чтобы в дело был вовлечен, по крайней мере на этом этапе, совет попечителей.

— Как объяснили ваше присутствие остальным служащим?

Фред, помрачнев, отхлебнул кофе и поставил чашку на блюдце.

— В храме недавно были кое-какие неприятности: ничего особенного — разбитые стекла и мелкий вандализм. Там есть ночной сторож, но он старше самого Мафусаила и к тому же глуховат. Они вызывали полицейских, но те ничем помочь не смогли и, таким образом, предоставили убедительный довод для моего появления. Кроме того, случаи вандализма дали мне возможность задавать любые вопросы, связанные с полученными от прихожан деньгами.

Я провел с Вулфом достаточно времени, чтобы чувствовать, когда мой босс начинает терять интерес, хотя для остальных это может остаться незамеченным. Поэтому, не был удивлен, когда Вулф поднял руку, прерывая Фреда, и спросил:

— Не желаете ли разделить с нами ленч? У нас сегодня шэд[1] под щавелевым соусом.

— Я с большим сожалением вынужден отклонить ваше приглашение, особенно вспоминая наше последнее пиршество в этом доме, — ответил с улыбкой Паркер, — но в два я обязан появиться в суде. Честно говоря, мне следовало бы уже быть в пути.

— А мне надо побыть дома с Фанни, — хрипло сказал Фред.

— Я ей позвонил, после того как мистер Паркер меня вытащил, она ужасно беспокоится.

На самом деле истина заключалась в том, что Фред перестал быть желанным гостем за столом Вулфа с того далекого момента, когда попросил уксуса, чтобы полить запеченного в тесте голубя.

— Прекрасно, — проронил Вулф даже без намека на разочарование. — Фред, если у вас во второй половине дня появится свободное время, вы можете вернуться. У Арчи к вам множество вопросов.

Это было для меня новостью, но новостью хорошей, так как означало, что Вулф решил заняться этим делом, не заботясь о том, получит он гонорар или нет. Впрочем, я не сомневался, что он в конце концов пойдет на это.

Глава 5

Сразу после ленча я отправился в близлежащее отделение «Метрополитен траст компани», чтобы удостоверить чек на пятьдесят тысяч долларов, выписанный на имя Паркера. Вернувшись домой, я позвонил в посыльную службу «Молния», и минут через пятнадцать один из велосипедистов-камикадзе, облаченный в желтые обтягивающие рейтузы, черные шелковые трусы, желтую трикотажную майку, с черно-желтым защитным шлемом на голове, вынырнув из потока машин, принял у меня конверт с чеком для Паркера. Я дал ему щедрые чаевые. И парень, поклявшись, что не позже чем через полчаса конверт будет на столе у адресата, рванул против потока машин по нашей Тридцать пятой улице, на которой, как известно, одностороннее движение. Наблюдая со ступеней, я увидел, как он резко вильнул, чтобы избежать столкновения с такси. Водитель высунул из окна кулак и что-то прокричал. Что именно, я не расслышал, но скорее всего это было не пожелание доброго здоровья.

До появления Фреда в четыре пятнадцать у меня еще было время занести в компьютер некоторые сведения о почках орхидей. Фред явился с таким расчетом, чтобы не встретиться с Вулфом; дождавшись пока тот приступит к своим забавам в оранжерее, Даркин выглядел почти таким же измочаленным, как и при утреннем визите.

— Что он думает? — спросил обвиняемый, опускаясь в одно из желтых кресел.

— Он думает, нет, лучше скажем так; он знает, что ты столь же невинен, как новорожденный монах из Лхасы, — ответил я, поворачиваясь вместе с креслом, чтобы лучше видеть его. — Он настолько уверен в этом, что готов пожертвовать моим временем ради твоей реабилитации.

— А что ты думаешь, Арчи? — продолжил Фред, откровенно стараясь не встречаться со мной взглядом.

— Да брось ты, ради всего святого. Подумай, с кем ты говоришь. Сколько времени мы знакомы? Но чтобы осчастливить тебя, покажу, что не разучился задавать прямые вопросы. Это ты укокошил Мида?

— Нет, будь я проклят!

— Отлично, теперь, когда с формальностями покончено, двинемся дальше. Для начала, ты подозреваешь кого-нибудь?

Он развел своими пухлыми руками и пожал плечами.

— Нет. Но должен заметить, что эти ребята из церкви — и в первую очередь Мид — не очень располагающие люди.

— Ага... Тогда поговорим о новопреставленном мистере Миде и остальных. Начинал с самого начала.

Мои слова вызвали новое пожатие плечами, не более радостное, чем первое. Вздохнув, Фред пустился в повествование:

— Я уже говорил утром, что отправился на встречу с Морганом в субботу, на следующий день после того, как ты назвал ему мое имя. Мы встретились в его кабинете в помещении церкви, и показал мне записки — те, которые ты видел, Я скатал ему, что дело трудное, но согласился его вести. Плата была хорошая, и я просто не мог отказаться, Затем Морган провел меня к Преподобному Бэю похоже, что большинство людей Серебряного Шпиля трудится по субботам. Преподобный сказал, что я не могу открывать подлинные причины моего появления никому, кроме команды «кружка веры». Всем остальным я должен был при разговоре дать понять, что занимаюсь расследованием вандализма.

Весь следующий час Фред Даркин делился со мной итогами своей деятельности в храме. Я мог бы поведать вам все это в подробном изложении, как для Вулфа, но делать этого не стану, поскольку значительная часть сказанною Фредом не имеет никакого значения. Поэтому ниже следует отредактированный вариант информации Фреда об основных игроках церковной команды.

ЛЛОЙД МОРГАН

— Ты, Арчи, его видел и наверняка составил свое мнение. По мне, он — ужасно напыщенный и самодовольный тип. Думаю, он не улыбался с рождественских дней тех далеких времен, когда еще был учеником начальной школы, если, конечно, он тогда улыбался. Изо всех сил старается продемонстрировать, насколько перегружен работой и как недоволен остальными — кроме Преподобного Бэя, естественно, — хотя и не говорит этого вслух. Ведет себя так, словно он единственный, кто заботится о благополучии Бэя. При этом речь идет не только о записках, а о состоянии дел в целом. Он постоянно кажется обеспокоенным, трясет головой и дергается. До того как начал работать в Серебряном Шпиле, трудился в каком-то фонде.

БАРНАБИ БЭИ

— Исключительно яркая личность. Прежде всего замечаешь, насколько молодо он выглядит. Я проверил позже и узнал, что ему уже сорок восемь, но он вполне может сойти за парня, которому недавно минуло тридцать. Загорелый, более шести футов ростом, светлые волосы и подбородок киногероя. Кроме этого, в нем огромное обаяние, и общаясь с ним, ты чувствуешь

себя очень легко. Может быть, потому, что он, как южанин, говорит мягко, несколько растягивая слова. Как я уже говорил мистеру Вулфу и тебе, он скорее смущен, нежели испуган этими угрозами. Бэй сказал, насколько я помню, следующее: «Думаю, что это дело заблудшей, больной души, но Ллойд, да благословит его Господь, считает, что угроза существует, и мне пришлось уступить». Затем Преподобный еще раз подчеркнул необходимость того, чтобы мое расследование привлекло как можно меньше внимания. Думаю, его слова были обращены не только ко мне, но и к присутствовавшему там Моргану. Мысль о дурной славе пугает его по-настоящему.

РОЙЯЛ МИД

— После встречи с Преподобным Бэем Морган проводил меня к Миду и оставил нас наедине. Типичный случай мгновенно возникшей неприязни! Мне он не понравился, и, держу пари, он сразу невзлюбил меня. Он немного моложе Бэя — был моложе, — но кажется старше. Внешне он недурен, но очень напряжен, все время дергается, взгляд постоянно бегает. Прежде всего он поторопился заявить следующее: «Буду откровенен. Я не испытываю уважения к вашей профессии, если только это можно назвать профессией. Я согласился на встречу с вами лишь потому, что меня попросил Барни, его же убедил нанять вас Морган. Я всеми силами сопротивлялся этому решению». Далее Мид сказал, что, по его мнению, записки — дело рук безобидного больного существа, не заслуживающего того внимания, которое ему уделяется. Затем он выставил меня за дверь — довольно грубо, если быть честным. Позже я выяснил, что он продолжал среди коллег поносить меня, но не за что-то конкретное, а просто так, исходя из каких-то своих общих принципов.

РОДЖЕР ДЖИЛЛИС

Джиллис курирует церковные образовательные программы как для взрослых, так и для детей. У них там десятка три разных курсов: некоторые из них проходят по вечерам в будни. Ему за тридцать пять, может быть, ближе к сорока, но, как и Бэй, он выглядит моложе своих лет. Долговязый, развинченный в суставах, с огромной копной рыжих волос. Приятный парень. Такой довольно распространенный тип, любимое высказывание которого «Да пропади все пропадом!». Но за этим внешним легкомыслием скрывается человек с умом острым, как бритва цирюльника из маленького провинциального городка. От его взгляда не ускользает практически ничего из того, что происходит вокруг. Джиллис, похоже, считает, что записки с

угрозами заслуживают внимания, хотя и не может объяснить почему.

СЭМ РИЗ

— Риз, как он объяснил, получил титул министра-евангелиста за то, что отвечает за популяризацию храма и за привлечение новых прихожан. Вид у него незаметный. За пятьдесят, с брюхом побольше, чем у меня, а с шевелюрой, не поверишь, более редкой. Но он настоящая динамо-машина. Парень много сделал для возвышения храма и не стесняется громогласно об этом заявлять. Утверждает, что именно ему много лет назад пришла в голову идея размещать вдоль дорог шиты, рекламирующие Храм с Серебряным Шпилем. Уверяет также, что это он убедил Бэя организовать показ служб по ящику. Приписывает себе честь устройства приютов для женщин и ночлежек для бездомных, так же как и проведения рекламных кампаний в газетах и журналах. Относительно записок разделяет позицию Мида, что это работа чокнутого. «В общине столь большой, как наша, — уговорит он, — наверняка имеется несколько людей со странностями. Просто в силу закона средних чисел».

КАРОЛА РИЗ

— Жена Сэма. По самому скромному счету, она лет на десять моложе супруга, а то и на все пятнадцать. Значит, ей примерно сорок. Миссис Риз — звезда их хора — познакомилась с будущим мужем много лет назад, когда поступила в хор. Можно предположить, что до этого она уже побывала замужем. Однако был ли сам мистер Риз ранее женат, я не знаю. Еще немного, и даму можно было бы назвать вульгарной, если судить по одежде и отчасти по поведению. Тем не менее она мне понравилась. Из всего круга близких к Бэю людей миссис Риз наиболее дружелюбна, по крайней мере ко мне. Записки, считает миссис Риз, заслуживают внимания. «Это сделал кто-то с больным рассудком», — сказала она.

МАРЛИ ВИЛКИНСОН

— Вилкинсона величают музыкальным министром, потому что он руководит всей программой: хорами, оркестром, приглашением артистов — одним словом, всем. Самой большой затеей в этом деле является хор Серебряного Шпиля, который записал несколько пластинок и аудиокассет. Хор почти так же известен, как знаменитая капелла мормонов в Солт-Лейк. Марли — жилистый малыш с такой роскошной белоснежной шевелюрой,

которая заставила бы Типа О'Нила[2] позеленеть от зависти. Вилкинсон — вдовец. Слывет крутым парнем, но никто из окружения не ставит под сомнение ни его музыкальные способности, ни успех, которого он сумел добиться. По поводу записок он презрительно фыркнул и заявил, что расследование — бесполезная трата времени.

ЭЛИЗ БЭЙ

— Жена Бэя и какая красавица! Мне кажется, что несколько лет назад она была Мисс Северная Каролина. Когда перестаешь изучать ее внешность — а на это уходит много времени, — то начинаешь замечать, что там имеются и мозги. При нашей первой встрече я решил, что она занимается церковными делами в основном из-за мужа. Может быть, так и было вначале. Но теперь, доложу я, ее не стоит недооценивать: она чертовски умна, имеет влияние на церковные дела и здорово умеет это влияние использовать. Со мной она держалась весьма достойно, но ей не очень нравится присутствие в церкви частного сыщика. Я поинтересовался, что она думает о записках, и миссис Бэй ответила уклончиво. Сказала, они представляют собой аномалию, не пояснив при этом, что имеет в виду. У меня сложилось впечатление, что она из-за этих угроз бессонницей не страдает.

Я откинулся на спинку кресла, немного подумал над словами Фреда и затем спросил, не хочет ли он чего-нибудь выпить.

— Я хочу одного, чтобы этот кошмар побыстрее закончился, — простонал он обессилено, поникнув в кресле и прижимая ладонь к глазам.

— Твое желание можно понять. Но тебе не стоит волноваться, имея Натаниэля Паркера в качестве юридического прикрытия, а Ниро Вулфа — человека, способного разрешить любую головоломку, — как союзника, — сказал я. — Теперь поговорим о вчерашнем сборище, поставившем всех на уши.

Фред смущенно заерзал в кресле.

— Знаешь, Арчи, похоже, я не очень здорово себя вел. Но этот Бэй требовал отчета, и он его получил. Очевидно, «кружок веры» собирается по вечерам почти каждый понедельник. Разговор ведется неформально, совсем не так, как на заседании церковных чинов. Но в то же время Бэй придает большое значение всему, что там говорится, так как встречаются его ближайшие соратники.

— И в этих посиделках участвуют его супруга и миссис Риз?

— Насколько я понял, их приглашают практически постоянно. Вчера во второй половине дня я был в церкви, принюхивался и толковал с людьми. Морган сказал, что Бэй просит меня явиться в семь тридцать на встречу «кружка веры» и

ввести всех в курс моих расследований. Я сказал Моргану, что мне еще нужно время, но тот велел явиться в любом случае и поведать, как идут дела.

— И затем?..

— Мне ничего не оставалось, кроме как прийти на встречу.

— Подробнее, пожалуйста.

— Все собрались в роскошном конференц-зале на первом этаже, на уровне автомобильной парковки. Зал расположен в деловом крыле здания, там же, кстати, находятся и помещения для занятий. Это крыло само смахивает на довольно большой бизнес-центр. Так или иначе, но Преподобного Бэя мое присутствие явно смущало. Открыв встречу молитвой, он перешел к делу и объяснил, кто я такой и каковы причины моего появления, в чем не было никакой необходимости, так как за прошедшую неделю я с каждым из них говорил хотя бы несколько минут и всем было прекрасно известно, с какой целью меня наняли. Потом Бэй попросил меня сжато изложить предварительные результаты расследования. Ну я и заявил, что, вне всякого сомнения, записки были написаны кем-то из «кружка веры»,

— И тут же разверзлась преисподняя?

— Да, так можно сказать, — пожал плечами Фред. — Мид вскочил на ноги и провизжал, что наслушался достаточно всякого вздора. Он обозвал меня «вонючим соглядатаем» и наградил еще рядом эпитетов. И здесь я совершил непростительную ошибку.

— Какую же?

— Тебе известен мой нрав, Арчи. Последние годы я старался его укротить, и мне казалось, я преуспел в этом — в первую очередь благодаря Фанни, которая не устает повторять, чтобы я считал до десяти и предавался добрым мыслям. Но на этот раз я проявил себя самым что ни на есть скверным образом. Мид выдавал шуточки, прохаживаясь по мне с самого моего появления в церкви. Я наконец взорвался и врезал ему, употребив некоторые слова, которым не следует звучать в церкви. «Задница», кажется, было самым мягким выражением.

— Похоже, это слово к нему очень подходит. Что дальше?

— Все, казалось, были в шоке. Потом вмешался Бэй. Во-первых, он всех нас заставил молиться, чтобы немного остыть. Я умирал от желания двинуть Миду по его гнусной ухмыляющейся роже, но пришлось сидеть смирно, опустив глаза, так как Бэй бубнил молитву, цитируя что-то из псалмов насчет воздержания от злобы и гнева. Затем он приказал нам всем разойтись по комнатам для пятнадцатиминутной медитации в одиночестве. После чего собрание должно было возобновиться.

— И ты предался медитации?

— Да. Здание к этому времени практически опустело, и меня провели по коридору в небольшой кабинет. Остальные разошлись по своим офисам или нашли свободные.

— И Мида прикончили в это время?

Фред утвердительно кивнул .

— Ты слышал выстрел? — спросил я.

— Нет. Но дверь моей комнаты была закрыта, в офисе Мида — тоже. То здание, Арчи, построено как дредноут — их не смущали затраты. Двери в кабинетах тяжелые и толстые, в них нет, стекол, и похоже, они целиком сделаны из дуба. Выстрел невозможно услышать даже через одну дверь, не говоря о двух.

— Но парня замочили из твоего пистолета?

Он наклонился вперед и уперся подбородком в ладони.

— Так, во всяком случае, говорят копы. Что же, Арчи, можешь считать меня глупцом. Видит Бог, со вчерашнего вечера я много раз называл себя идиотом. Начиная с первого дня, приходя в церковь, я снимал пиджак и вешал его на крючок в нише коридора на первом этаже. Все в храме — включая самого Бэя — трудятся в рубашках, и мне не хотелось выделяться. Но ты знаешь, когда я на работе, то всегда в кобуре под мышкой таскаю пистолет, так же как и ты. Согласись, я выглядел бы довольно нелепо, бродя по церкви с рукояткой пистолета, торчащей из этой сбруи. Поэтому я всегда вешал кобуру с оружием на крюк и прикрывал ее пиджаком. Это же все-таки церковь, черт побери! Кто станет там воровать пистолет, уж не говоря о том, чтобы палить из него?

— Не смею оспаривать столь логичное рассуждение. Скорее всего я поступил бы точно так же, — заявил я, чтобы утешить Фреда. — Скажи, кроме тебя, кто-нибудь пользовался крючками в нише?

— Нет. По крайней мере в то время, когда я находился в церкви. Дальше по коридору расположена небольшая аудитория, и я думаю, что крючки используют, когда в ней проходят занятия. Сотрудники же скорее всего оставляют пиджаки в своих кабинетах.

— Не знаешь, кто мог заметить, что ты используешь нишу для хранения своего верного ствола.

— Да кто угодно, — пожал плечами Фред. — Если честно, то меня это совершенно не заботило. Каждый, кто видел меня входящим в здание, мог по оттопыренной поле пиджака сообразить, что я ношу оружие.

— Не сомневаюсь. Как ты узнал, что Мида застрелили?

— Я просидел в этой душной конуре почти пятнадцать минут.

Бэй просил нас предаться благочестивым размышлениям, но я в основном думал о том, что следует сказать, когда мы вновь соберемся в конференц-зале. Раздался стук в дверь, и в кабинет вошла Элиз Бэй. Она была белее снятого молока. Миссис Бэй спросила, не выходил ли я из кабинета после того, как ее супруг распустил собрание. Я ответил, что нет. «Произошло нечто ужасное, — сказала она. — Рой...»

Не дослушав ее, я выскочил за дверь. Кабинет Мида располагался футах в тридцати слева от меня по коридору. Рядом с дверью со скорбным видом уже торчали Морган и Вилкинсон. Когда я подошел к ним, Вилкинсон поднял руку как коп, регулирующий уличное движение. Он приказал мне остановиться к сообщил, что полиции оповещена и уже находится в пути. Как оказалось Бэй находился в кабинете, пытаясь при помощи искусственного дыхания оживить Мида, но это было пустое занятие. Парень подучил две пули в голову, и любой из них было достаточно, чтобы его прикончить. На полу в кабинете нашли мой пистолет тридцать восьмого калибра и пару гильз.

- Довольно трудно представить это как самоубийство, - сухо заметил я.

— Да. И на пистолете были только мои отпечатки, — пробормотал Фред — Меня подставили. Накололи.

— Очень похоже на то. Кто нашел Мида?

— Вилкинсон. Говорит, что, проведя пятнадцать минут в благочестивых размышлениях, он вышел из своего кабинета и направился по коридору в сторону конференц-зала. Проходя мимо кабинета Мида, он постучал, чтобы напомнить о возобновлении собрания. Не получив ответа, постучал еще раз, открыл дверь и обнаружил уткнувшееся головой в стол тело.

— Кто-нибудь еще к этому времени уже вышел в коридор, покончив с благочестивыми мыслями?

— Вилкинсон утверждает, что он был один в коридоре.

— Хм... И каждый из них пребывал в одиночестве в своей комнате?

— Предположительно так. Насколько я понимаю, все разбрелись по отдельным помещениям, за исключением Бэя, оставшегося в конференц-зале. Некоторые из них: Мид, Морган, Риз, Марли Вилкинсон — использовали свои собственные кабинеты. А те, у кого таковых не было, то есть я и обе женщины, разместились в свободных помещениях.

— И кто же вас разводил?

— Лично меня - Морган. Когда мы выходили из конференц-зала, Бей попросил его проводить меня в пустой офис, который обычно занимает секретарша. Он также сказал жене и миссис

Кароле Риз, что дальше по коридору есть еще две свободные комнаты. В церкви, судя по всему, двери не запирают.

— Какие доверчивые души. Кто же прикончил несчастного?

Фред посмотрел на меня и беспомощно развел руками.

— Понятия не имею. Я даже не представляю мотивов убийства. Кстати, какой мотив мог быть у меня?

— Это ясно. Мид был крайне груб с тобой как раньше, так и во время собрания.

— Да. Именно это и говорит полиция, и поскольку у них дымится хвост, они готовы скормить волкам кого угодно, а конкретно меня. Но и ты, и фараоны понимаете, что грубость и ругань недостаточный повод для убийства.

— Они без колебаний посчитают это достаточным мотивом, если у копов или у окружного прокурора будут основания опасаться нападок прессы. Ты сам сказал, что у них «дымится хвост». И кто может оказаться лучшим объектом, нежели частный детектив? Ты же знаешь, что мы не что иное, как отбросы общества. Это еще более справедливо в отношении частного сыщика ирландца. Тебе известно расхожее мнение об ирландском нраве да ты и сам говорил об этом не далее как минуту назад.

Фред поднял на меня глаза. У него был взгляд собаки, которая только что получила пинок от любимого хозяина.

— Это удар ниже пояса. Арчи.

— Пойми, так говорит не Арчи Гудвин, — произнес я, поднимая руку. — Я просто пытаюсь воспроизвести ход мысли представителей департамента полиции.

— Ну спасибо — утешил.

— Послушай, как я уже сказал, Вулф и Паркер находятся у твоего угла ринга, так же как и ваш покорный слуга. Против нас не выстоят даже объединенные силы полицейского департамента Нью-Йорка и ведомства окружного прокурора.

На мою смелую речь Фред отреагировал слабой улыбкой. Он знал, что по самую шею сидит в болоте, кишащем аллигаторами. Я, кстати, тоже это знал.

Глава 6

Когда Вулф спустился из оранжереи, то обнаружил на своем столе аккуратно свернутый свежий выпуск «Газетт». Я, естественно, успел ее прочитать. Напечатанный двухдюймовыми буквами заголовок кричал: «УБИЙСТВО В СОБОРЕ!» Подзаголовок, набранный шрифтом чуть помельче, возвещал: «Обвиняется частный детектив». Три колонки занимала фотография Храма с Серебряным Шпилем, под которой были подверстаны портреты Бэя, Мида и Фреда Даркина. Статья занимала десять дюймов на первой полосе и, перескочив на последнюю страницу, захватывала еще две полные колонки. Я не нашел в ней ничего нового для себя, кроме того, что покойному было сорок семь лет, что он женат на деловой женщине с Уолл-стрит, что у него один ребенок и что он служил в храме с момента его основания. Даркин характеризовался как «...независимый нью-йоркский частный детектив, которого часто привлекал к работе легендарный Ниро Вулф. На сей раз, однако, Даркин действовал самостоятельно, хотя и был рекомендован храму помощником Вулфа Арчи Гудвином, тоже частным детективом.

В сопутствующей статье, написанной редактором «Газетт» по вопросам религии Томом Уолстоном, сообщалось, что Мид был «...динамичной личностью и являлся вторым после Бэя лицом в Храме с Серебряным Шпилем. Как утверждают осведомленные круги, Мид определенно унаследовал бы пост Бэя, если бы последний решил оставить место духовного пастыря этого всемирно известного храма».

Пока Вулф читал, я молчал, но как только он закончил, я дал ему полный отчет о моей беседе с Фредом, чем заслужил всего лишь сердитый взгляд.

— Какие будут инструкции? — поинтересовался я, когда он попытался укрыться за книгой.

Ответа не последовало — ни в тот момент, ни во время ужина (что было нормально), ни после того, как мы вернулись в кабинет, чтобы насладиться кофе.

— Полагаю, что мне хоть раз в неделю придется навешать Фанни и ее детишек, чтобы поддержать их дух, — заявил я. — Хотя Сол и я могли бы делать это по очереди. Каждый раз я буду захватывать с собой по одной орхидее, чтобы сделать ее жилище веселее. Помнится, Фанни больше всего нравились желтые, так что онцидиум варикозум окажется...

— Арчи, когда вы наконец уберетесь к дьяволу и избавите

меня от вашего вздора? — спросил Вулф, отложив книгу и одарив меня свирепым взглядом.

Я ответил ему таким же взглядом, но при этом еще и вскинул брови.

— Все размышляю о том, что случится с хозяйством Даркинов, когда Фред отправится в Аттику. Даже при поддержке Паркера его шансы получить пожизненное заключение не меньше, чем три к одному, и я полагаю...

— Хватит! — взревел Вулф. — Слушайте инструкции.

Вот таким образом в одно прекрасное весеннее утро через несколько дней после похорон Ройяла Мида я оказался на борту неуклюжего парома, со скрипом подползающего к причалу на Стейтен-Айленде. Согласно инструкциям Вулфа я должен был появиться в церкви только после похорон.

— Нет смысла появляться там раньше, — сказал он, — Даже через неделю после похорон люди будут слишком взбудоражены, но дольше ждать мы не можем.

Прежде чем выйти из дома, я позвонил в храм, чтобы справиться, как до него добраться.

Секретарша прощебетала:

— От парома до церкви не больше двадцати минут ходьбы, а экскурсии по Храму с Серебряным Шпилем проводятся каждые полчаса.

Она подробно объяснила, как пройти к храму. Я записал названия улиц на листок бумаги и теперь держал его перед собой, стоя у здания мэрии на Ричмонд-террас, с которой открывался вид на порт и на далекие небоскребы Уолл-стрит.

«Деловой центр» Стейтен-Айленда — если это можно назвать центром — скорее напоминал маленький портовый городок, нежели часть муниципального округа Нью-Йорка, округа, который долгое время служил помойкой для остальной части города и который время от времени возвышает голос, добиваясь самостоятельности. Каковы бы ни были аргументы за и против отделения, это место определенно не было похоже на Нью-Йорк. Здесь не слышалось шума автомобилей, а тротуары были почти безлюдны. Редкие прохожие неторопливо брели по улочкам, застроенным одно-двух-этажными зданиями. Это был даже не сонный город. Это был город, который едва дышал.

Определив направление дальнейшего движения, я двинулся на юг, поднимаясь по Шуйлер-стрит. Именно поднимаясь.

Если я когда-нибудь и знал, насколько холмист остров, то начисто забыл это важное обстоятельство. Через десять минут я оставил позади и далеко внизу крошечный деловой район и вступил в утопающие в зелени жилые кварталы, где по меньшей

мере две трети домов умоляли о покраске и выглядели так, словно служили моделями для карикатур Чарльза Адамса. Особенно те, ставни которых болтались картинно криво, повиснув на единственном гвозде. Я шел по извилистым улицам, и все они вели наверх. Наконец, задыхаясь, я добрел до открытого и к тому же ровного пространства. В центре огромной площади примерно в квартале от меня возвышался Храм с Серебряным Шпилем, отдаленно напоминающий свою фотографию в «Газетт».

Мое первое впечатление можно было выразить двумя словами — «ничего особенного». Кубическое массивное здание из бетона и стекла на первый взгляд не впечатляло, но потом я сообразил, что в этом виноват шпиль. По сравнению с ним само здание казалось чересчур приземистым. Кроме того, меня отделяло от храма расстояние по меньшей мере в три футбольных поля. Свободное пространство оказалось огромной парковкой — акры и акры асфальта, расчерченного желтыми линиями. Из асфальта на равном расстоянии друг от друга торчали столбы с мощными прожекторами. На каждом столбе был указан номер сектора и проезда, как на стоянках у торговых центров, на тот случай, если молящиеся забудут, куда поставили свой семейный седан. По мере того как я шел по полю, храм все рос и рос, и когда я достиг входа — четырех дверей с серебряными ручками в форме креста — пришлось признать, что передо мной все же нечто особенное.

Толкнув дверь, я вступил в фойе. Оно по размерам раза в два превосходило спортивный зал в моей старой школе и было украшено люстрой, которую каким-то непостижимым образом забыл купить Дональд Трамп для своего казино в Атлантик-Сити. Под люстрой в центре круглой хромированной стойки восседало рыжеволосое светлоглазое создание в броском зеленом наряде. Просияв улыбкой, создание заговорило:

— Доброе утро, сэр. Желаете присоединиться к экскурсии?

— Не сегодня, — ответил я с улыбкой, узнав голос, который уже слышал, когда звонил. — Мне хотелось бы встретиться с Ллойдом Морганом.

Эти слова эхом раскатились по фойе, в котором мои шаги звучали так, словно во мне было по меньшей мере восемь футов роста, а на ногах сапоги с подковами.

Она спросила, ожидают ли меня. Я отрицательно покачал головой, но назвал свое имя и сказал, что мистер Морган меня знает. Девица подняла трубку и набрала номер.

— Мистер Морган. К вам пришел некий мистер Гудвин. Да... Говорит, что вы его знаете... Да... Хорошо.

Возвращая трубку на место, она подарила мне еще одну улыбку; на ее щечках возникла пара веселых ямочек.

— Мистер Морган через минуту будет здесь, а пока вы можете присесть, мистер Гудвин.

Выразив улыбкой свою благодарность, я отправился на экскурсию по фойе. Мое внимание привлек большой портрет Барнаби Бэя в хромированной раме. Его образ излучал успех и искренность. Светлые волосы Преподобного были стильно уложены, глаза казались голубее, чем океан на большом глобусе в кабинете Вулфа, а в источающей человеческое тепло полуулыбке отсутствовал даже намек на самодовольство. Я все еще был поглощен созерцанием лика, когда цокот шагов по сверкающему полу возвестил о появлении Моргана. Он явно не светился счастьем от новой встречи со мной.

— Почему вы здесь? — поинтересовался он сердитым полушепотом, так, чтобы его не могла услышать рыжеволосая с ямочками на щеках. Я обратил внимание на серебряный в форме церковного шпиля значок, приколотый к лацкану его пиджака.

— Чтобы поговорить с вами, естественно. И с мистером Бэем. Я...

— Надо обладать бесконечной наглостью, чтобы явиться сюда после того, что случилось, — выпалил он, забыв о необходимости изъясняться шепотом. — Я пришел к вам с искренними намерениями, а когда вы и мистер Вулф отказались мне помочь, я всем сердцем поверил вашей рекомендации.

— Моя рекомендация была в высшей степени здравой, — ответил я. — Именно это обстоятельство и привело меня сюда. Фред Даркин не убивал Мида, и мистер Вулф намерен выяснить, кто это сделал.

— Абсолютная чушь! — прошипел Морган. — Полиция произвела арест, там был его пистолет, и он...

— Прошу тайм-аут, — прервал его я, поднимая руку. — Вы же провели некоторое время с Фредом.

— Более чем достаточно. Само собой, явившись сюда, он поговорил прежде всего со мной. Кроме того, мы беседовали еще пару раз — правда, не очень долго.

— И?..

— Что и?..

— Какое впечатление он на вас произвел? — спросил я.

Морган пожал плечами. Мои вопросы определенно выводили его из себя.

— Он показался мне... Ну хорошо. Было ясно, что он далеко не гений, но при этом он мне показался человеком порядочным. Это еще раз говорит о том, что каждый человек время от времени может обмануться.

— Фред весьма достойная личность, мистер Морган. Я

знаком с ним уже много лет и видел его в весьма сложных ситуациях. Фред Даркин — не убийца.

— Вот как! А факты говорят об обратном, — непреклонным тоном заявил он. — А теперь прошу у вас извинения. У меня чрезвычайно много дел.

— Я хотел бы встретиться с Бэем.

— Невозможно. Он очень занят.

— Ему известно, что я здесь?

— Нет. Но даже если бы он знал об этом, то уверяю вас, не захотел бы встречаться. Теперь извините, я опаздываю на совещание.

Морган повернулся и решительно зашагал туда, откуда появился. Сделав ручкой рыжеволосой, я устремился вслед за ним.

— Мистер Гудвин, — он повернулся ко мне, возмущено сопя, — я должен предупредить вас, что если вы не покинете храм, я буду вынужден просить охрану вывести вас из помещения. Рискуя показаться невежливым, я заявляю, что ваше присутствие здесь нежелательно.

— Да, это действительно крайне невежливо. О'кей. Я не стану испытывать возможности вашей частной полиции, но обещаю, что вы и ваш добрый Преподобный отец еще услышите обо мне и о Ниро Вулфе. Пока.

С этими словами я отсалютовал, но приветствие отскочило от его широкой спины, потому что он уже шагал по фойе, якобы торопясь на совещание.

Так или иначе, но из храма меня в некотором роде выставили. Согласно инструкции Вулфа, я должен был попытаться встретиться с Бэем, но отнюдь не настаивать на этом. Я и не настаивал, однако моя обида была столь огромна, что, направляясь к дверям, я едва-едва улыбнулся светлоглазой рыжульке в зеленом наряде. Возвращаясь к паромному терминалу и проходя по парковке, я заметил кучку людей, переминающихся у других дверей огромной церкви. Я притормозил, заметив, что одна из женщин в группе машет мне рукой и что-то говорит. Я не расслышал слов и подошел ближе.

— Вы ищете экскурсию? — спросила она, когда я оказался от нее на расстоянии броска подковы в нашей национальной игре. — Я сейчас поведу группу.

Я хотел было отказаться, но тут же прикусил язык.

— Это как раз то, что я ищу. Огромное спасибо.

Гидом оказалась очень приятная леди лет шестидесяти на вид с безукоризненно причесанными седыми волосами и в безупречно подходящем к ее годам костюме ручной работы.

Рядом с ней полумесяцем почтительно разместились экскурсанты в количестве восьми душ, шесть из которых были женщины. Все они были примерно в том же возрасте, что и их гид.

— Мне показалось, что у вас какой-то потерянный вид, — сказала мадам гид с милостивой улыбкой. — Меня зовут Нелла Рейд, и я только что начала рассказывать нашим гостям историю создания Храма с Серебряным Шпилем.

— Мне не хотелось бы вас прерывать. Умоляю, продолжайте.

— Ничего страшного. Я приступила всего минуту назад. Как я уже сказала, наш основатель и руководитель Барнаби Бэй начал проповедовать восемнадцать лет назад в маленьком городке на побережье Нью-Джерси. Он был молод тогда, да и сегодня, с моей точки зрения, он по-прежнему молод, — со смешком добавила она. — В следующий день рождения ему исполнится сорок девять. Барни — Преподобный любит, когда его так называют, — был вначале помощником пастора в двух церквах Джорджии, откуда он родом. Услышав призыв Господа, он двинулся на север. Собрав нехитрый скарб, Барни со своей красавицей женой переселился в известный курортный район к северу от Кейп-Мэй. Примерно четыре года он в теплое время года читал проповеди собирающимся на пляже отдыхающим. Зимой он выступал перед местной публикой. Его аудитория в старом, пустовавшем годами полуразрушенном церковном здании, конечно, была меньше, чем летом. Вам известно, что Господь наш заявляет о себе самым чудесным образом. О Барни услышали в журнале «Тайм» и опубликовали там большой очерк о «босоногом проповеднике». Так его нарекли в журнале. После этой публикации отовсюду начали притекать деньги, и Барни сумел построить в том маленьком городке новую прекрасную церковь, которая действует и по сей день.

Весело обежав взглядом свою аудиторию, Нелла Рейд спросила:

— А теперь кто из вас назовет мне самый безбожный город во всей Америке?

Высокий костлявый человек с изборожденным глубокими морщинами лицом и прядью седых волос, спадающей на один глаз — позже я узнал, что его зовут Макферсон, — прогудел:

— Это не трудно. Мы сейчас в нем находимся. Это наше старое доброе «Большое Яблоко».

— Мы сами из Сиу-Фоллз, — гордо добавила его жена, как бы стараясь придать дополнительный вес словам супруга.

— Есть ли желающие прокомментировать данное утверждение? — с улыбкой спросила Нелла Рейд.

— Я тоже проголосовала бы за Нью-Йорк, — со смехом

заявила женщина неопределенного возраста с лицом, похожим на полную луну. — Проголосовала бы, несмотря на то, что приехала аж из самою Кентукки, чтобы взглянуть на этот город.

— Я добавлю и свой голос, — бросила еще одна дама, тощая, в огромных очках с темной оправой и стрижкой в стиле Принца Отважного — героя детских комиксов и мультфильмов, — а мне ведь дважды довелось побывать в Лас-Вегасе.

— Барни не был бы удивлен, услышав ваше общее мнение, — произнесла Нелла Рейд с интонацией, которая появлялась у миссис Каннингхэм, моей первой учительницы, когда та хотела похвалить одного из нас за случайно выдавленный правильный ответ. — Он разделял и разделяет ваше чувство. Еще находясь в Нью-Джерси, Барни услышал призыв Господа прийти в Нью-Йорк, в котором для Всевышнего было и есть столько дел.

Она выдержала паузу, однако у нее хватило актерского мастерства на то, чтобы пауза выглядела естественной:

— Однако я хочу добавить, что Нью-Йорк заселен совершенно замечательными, великолепными людьми, многие из которых являются столпами нашей общины. Но там же обитают многие и многие тысячи тех, кто отчаянно нуждается в прикосновении руки Божией. Барни знал это четырнадцать лет назад, когда прибыл сюда, он еще лучше знает это сегодня, несмотря на безмерный прогресс, которого он добился здесь, в Серебряном Шпиле.

— Вы видите это? — спросила она, сделав выразительный взмах рукой в сторону кирпичной, утопающей в зелени церквушки на противоположной стороне автомобильной стоянки. Остроконечная крыша церкви была раза в четыре ниже большого шпиля. —Это наша Канская часовня — первое здание, которое построил Барни, явившись сюда. Часовня получила свое имя в ознаменование первого чуда, свершенного Христом, когда он превратил воду в вино на пиру в Кане Галилейской. Барни считал, что сооружение церкви в Нью-Йорке, на Стейтен-Айленде, — событие под стать божественному чуду. Мы посетим часовню позже, а сейчас настало время осмотреть храм. Пожалуйста, следуйте за мной.

Мы покорно потащились за ней, а Макферсоны тем временем завели между собой спор, пытаясь установить точную дату их первой, и единственной, экспедиции в опасные дебри Нью-Йорка. Думаю, что победа осталась за супругой, но точно в этом не уверен, так как совершил плавный дрейф на противоположное крыло группы. На сей раз мы вошли в здание через другую дверь, не ту, которой я пользовался ранее. Нелла Рейд провела нас в зал высотой в два этажа и подняла руку, чтобы прекратить все

разговоры.

— Сейчас мы находимся в нартексе — западном притворе нашей святыни, — благоговейно произнесла она. — Я знаю, что он выглядит ужасно дорогостоящим из-за прекрасного белого мрамора стен и гранитного пола, но вам следует знать, что камень и большая часть стоимости строительных работ были оплачены одним джентльменом — членом нашей общины. Он строитель и познал Бога благодаря Барни. Теперь пройдем в святилище.

Поверьте, зал являл собой весьма впечатляющее зрелище. Огромные хоры. Стеклянная стена двадцати футов в высоту и сорока в ширину позади кафедры. Сама кафедра как бы выглядывала из зарослей ивняка над живописным озерцом, какие изображают на пасхальных открытках с парой лениво плавающих лебедей. Над кафедрой висел большой крест из стекла или прозрачного пластика. Его, очевидно, подвесили на тонкой проволоке, которой не было заметно. Нелла по меньшей мере трижды повторила, что в зале более трех тысяч шестисот мест, причем это были не скамьи, как в подавляющем большинстве церквей, а мягкие театральные кресла. При этом, подчеркнула она, зал трижды утром в воскресенье заполняется прихожанами чуть ли не под самые стропила. То же происходит и на вечерней службе. Нелла показала нам телевизионные камеры и будку на балконе, откуда регулируются звук и свет.

— Наша вторая утренняя служба передается по кабельному телевидению более чем на двести студий в США и транслируется через спутник в несколько зарубежных стран. Барни, если не находится в отъезде, читает проповеди каждое воскресенье. Иногда он сопровождает службу показом отрывков фильмов или видеоклипов, — с гордостью сообщила она. — В кафедру вмонтирован пульт управления, что дает ему возможность гасить свет, задвигать жалюзи на большом окне, опускать огромный экран, обычно скрытый в потолке, и включать проектор на балконе. Когда по воскресеньям у нас выступает приглашенный известный певец или музыкант, его изображение проецируется при помощи видео на большой экран, чтобы даже в последних рядах все было хорошо видно.

— Подлинный космический век, — одобрительно произнес мистер Макферсон из Сиу-Фоллз.

— Думаю, что так можно сказать, — подхватила наш гид. — Мы не выдумываем ничего экстравагантного, однако Барни считает, что множество церквей прилагают недостаточно усилий для привлечения прихожан. У него постоянно рождаются все новые и новые идеи. Например, вы, возможно, заметили, что

кафедра находится практически на театральной сцене, Барни спроектировал храм со сценой вместо традиционного алтаря, потому что иногда для разнообразия частью воскресной службы может быть отрывок из какой-нибудь драмы или пьесы иного жанра. Сама кафедра при помощи гидравлического устройства может быть убрана под сцену, и в таком случае ее совершенно не видно.

— Ваш храм не совсем совпадает с моим представлением о церкви, — заметила, покачивая головой, луноликая леди из Кентукки, — но в этом определенно что-то есть.

— Нам очень хотелось бы верить в это, — ответила Нелла, безуспешно пытаясь казаться скромной. — Но мы также знаем, что к Богу ведет множество дорог.

— Аминь, — произнесла дважды побывавшая в Лас-Вегасе дама с мультфильмошной прической. — Скажите, работает ли Барнаби Бэй здесь по будням?

Наша хозяйка энергично затрясла головой.

— Конечно. Ежедневно. Одно из крыльев здания полностью отведено под рабочие помещения и аудитории программы христианского обучения. Программа включает в себя воскресные школы для взрослых и детей и вечерние классы по будним дням. Кроме того, у нас есть дневной детский садик для более чем трехсот детишек.

— Рабочие помещения... так, значит, именно там... — самоуверенная и напористая миссис Макферсон не закончила фразу, наткнувшись на жесткий взгляд своего супруга.

— Да. — Нелла плотно сжала губы и, опустив глаза, принялась изучать свои очень удобные черные туфли-лодочки. — Именно там мистер Мид был убит частным детективом. Ужасная трагедия.

Я хотел было ответить на это ничем не обоснованное замечание, но вовремя прикусил язык. Посерьезнев после упоминания об убийстве, мы вышли из огромного святилища и направились в учебное и рабочее крыло здания. Нелла продемонстрировала нам пару классных комнат, которые заставили бы позеленеть от зависти большинство университетов. Когда мы шествовали по коридору, нам повстречалась ослепительной красоты брюнетка.

— Привет, Нелла, — произнесла она с улыбкой, способной растопить все полярные льды. — Как поживают ваши милые внучата?

— Превосходно, Элиз. Благодарю, — ответила Нелла, и брюнетка энергичной и изящной походкой продолжила свой путь по коридору. И тут же жизнь показалась мне более тусклой.

— Кто эта красивая женщина? — прошептала леди из Кентукки, обращаясь ко всем одновременно.

— Элиз Бэй — жена Барни, — сказала Нелла. — Она столь же мила характером, сколь и красива. Очень активно участвует в деятельности храма. В свое время получила титул Мисс Каролина. Как говорят, должна была стать Мисс Америка, а вовсе не занять второе место... Но, увы, во все вмешивается политика. Вы знаете, как это бывает.

Дружно кивнув, мы продолжили путь. Я подумал, не стоит ли незаметно отколоться от группы, чтобы провести небольшое собственное исследование, но, взвесив все, отказался от этой затеи. Вулф постоянно твердит, что мне не хватает терпения. Кроме того, у него имеется свой план действий. Во всяком случае, он так утверждает.

Глава 7

Когда я вернулся в особняк из бурого известняка, Вулф, покончив с ленчем, уже наслаждался в кабинете своим кофе и книгой. Фриц, да благословит его Господь, сохранил для меня тарелку запеченных в масле рисовых оладьев и немного черносмородинового джема. Обдумав очередность своих действий, я, прежде чем отправиться на доклад к Вулфу, уселся в кухне и прикончил оладьи с джемом, добавив к ним два куска пирога с черникой. Я знал, что Вулф откажется меня слушать, пока я не подкреплюсь. Если бы мой босс имел девиз, то он звучал бы так: «Пища прежде всего, а остальное может подождать».

Когда я с чашкой кофе в руках добрался наконец до кабинета, Вулф был готов меня выслушать. Я представил ему полный отчет обо всем, включая экскурсию по зданию и прилегающей территории. Пока я докладывал, он сидел, смежив веки. Несколько раз он взглянул на меня и лишь однажды скривился, услыхав, что Нелла Рейд самолично вершила суд над Фредом и безапелляционно вынесла приговор. Когда я закончил, Вулф втянул воздух полной грудью и медленно выдохнул.

— К дьяволу! — буркнул он и нажал на кнопку звонка, требуя пива. — Соедините меня с этим попом.

Вулф почему-то считает, что я могу связаться с кем угодно, просто подняв трубку и объявив, что беседовать будет сам Ниро Вулф. Я набрал номер церкви, и мне вновь ответила рыженькая, восседавшая в роскошном фойе. Я попросил Бэя, и меня соединили, не задав ни единого вопроса.

— Приемная доктора Бэя, — ответил приятный женский голос.

— Говорить будет Ниро Вулф, — сказал я, кивая Вулфу. Тот поднял трубку параллельного аппарата.

— Как мне доложить о нем? — последовал вежливый вопрос.

— Думаю, что мистер Бэй знает его, — ответил я, и мы стали ждать соединения. Из трубки нам в уши лилась мелодия церковного гимна, напомнившая мне о днях, проведенных в воскресной школе в Чилликоте. Не знаю, какие чувства пробудились в Вулфе, который вообще не любит пользоваться телефоном, а священных песнопений просто терпеть не может. Но вот гимн прервался и голос с очень легким южным акцентом произнес:

— Барни Бэй слушает.

Я продолжал держать трубку у уха.

— Мистер Бэй, это — Ниро Вулф. Надеюсь, вы слышали обо мне.

— Ну конечно, — ровным голосом ответил Бэй, — мне известна ваша репутация.

— Сейчас я хочу использовать эту репутацию, чтобы оказать на вас давление, сэр. Мне сегодня же необходимо побеседовать с вами.

— У меня как раз выдалось несколько свободных

минут...

— Это должна быть личная беседа, и, рискуя показаться навязчивым, я настаиваю, чтобы мы встретились в моем доме, так как я весьма редко покидаю его.

— Прошу прощения, мистер Вулф, — сказал Бэй еще более ровным голосом, — но у меня менее чем через полчаса должно состояться важное совещание, а вечером я веду занятия в церковной школе для взрослых.

— В таком случае завтра, — произнес Вулф отнюдь не вопросительным тоном.

Бэй молчал. Затем раздался вздох.

— Полагаю, это связано со смертью Роя Мида и с вашим парнем по фамилии Даркин?

— Именно, сэр. И беседа со мной будет только в ваших интересах и в интересах вашей церкви. Уверяю, что без необходимости я не стану затягивать нашу встречу. Мое время, так же как и ваше, бесценно.

Еще один вздох.

— Ну хорошо. Завтра утром я смогу зайти, скажем... в десять тридцать.

— В одиннадцать, — скорректировал время Вулф и назвал собеседнику наш адрес. Бэй согласился без всякого энтузиазма.

— О'кей. Вы добились своего, — произнес я после того, как трубки легли на место. — Я был готов поставить три к двум на то, что ничего не выйдет. Поздравляю.

Вулф, как всякий, любит похвалу, хотя никогда не сознается в этом. Его губы скривились, что могло сойти за улыбку, и затем он обратился к своим книге и пиву. Я же занялся обновлением файла цветочных почек.

На следующее утро Вулф появился в кабинете все же раньше Бэя, обскакав последнего не больше чем на полкорпуса. Было ровно одиннадцать часов, когда скрип лифта возвестил о том, что великий человек совершает восхождение из оранжереи. Едва он переступил порог кабинета, как у входной двери раздался звонок.

— Устраивайтесь как дома, — сказал я ему, — я еще раз сыграю роль дворецкого.

Через стекло двери я увидел Барнаби Бэя, облаченного в такой сногсшибательный светло-серый костюм, что мне сразу захотелось узнать адрес портного. Преподобный был удивительно — вплоть до теплой, но самодовольной полуулыбки — похож на портрет, который я видел сутки назад в храме. Он в одиночестве возвышался на ступенях, хотя за рулем скромного темно-синего седана, стоявшего у тротуара, виднелась чья-то фигура.

Я распахнул дверь и жестом пригласил гостя войти.

— Мистер Бэй, меня зовут Арчи Гудвин, я помощник Ниро Вулфа.

— Ах да, конечно. Ллойд упоминал о вас, — сказал он мягким южным говором, одновременно твердо пожимая руку. — Он сказал, что вы вчера посетили храм. Сожалею, что не смог с вами встретиться, но весь мой день расписан по минутам. Если бы меня предупредили заранее...

Я попросил его не беспокоиться и сказал, что участвовал в экскурсии. Тем временем мы добрались до кабинета, где состоялось взаимное представление. Бэй, почувствовав, что Вулф не поклонник рукопожатий, ограничился кивком и легко опустился в красное кожаное кресло.

Вулф откинулся на спинку своего кресла, внимательно изучая гостя.

— Не желаете ли чего-нибудь выпить? Сам я выпью пива.

— Воды со льдом, пожалуйста, — ответил Бэй. Как и у Моргана, к лацкану его пиджака был приколот серебряный значок в форме шпиля.

— Ваше подлинное имя — Роберт Бэйли, — продолжил Вулф, после того как нажал кнопку звонка, вызывая Фрица. — Почему вы его изменили?

Если этот вопрос и застал Бэя врасплох, то он не подал вида.

— Боюсь, что даже служителям церкви не чуждо тщеславие, — ответил он, пожимая плечами.

Я отметил про себя, как здорово Бэй может смотреться по телевизору. У него было располагающее лицо, а все жесты казались естественными и изящными.

— Еще учась в семинарии в Джорджии, я восхищался Варнавой. Он был сподвижником святого Павла в Антиохии и...

— Мне прекрасно известно, кем он был, — заявил Вулф, прерывая начало лекции по истории религии в свойственной ему изящной манере. — «Муж добрый и исполненный Духа Святого и веры. И приложилось довольно народа к Господу».

Бэй кивнул с улыбкой столь белозубой, что она была способна ослепить собеседника.

— Деяния. 11:24. Вы великолепный знаток Библии.

— Я знаток литературы. Но почему вы изменили фамилию?

— Похоже, вас очень интересуют имена, — благодушно ответил Бэй. — Могу объяснить: мне показалось, что Бэй звучит ярче, чем Бэйли. Но это только часть правды. Главная причина в том, что мой отец оставил семью, когда мне было восемь лет. Никто из нас его с той поры не видел. Моя мама вырастила четверых, работая в двух местах, что отняло у нее по меньшей мере десять лет жизни. Я не мог простить этого человека и не желал носить его имя.

— Но вы весьма заметный представитель веры, в которой прощение — одно из наиболее превозносимых достоинств.

Бэй фыркнул и шлепнул себя ладонью по бедру.

— Мне по сердцу ваша прямота, мистер Вулф, — заявил он без всяких признаков раздражения. — Конечно, вы правы. Неспособность преодолеть гнев на отца приносит мне боль уже много лет. Лишь недавно я сумел, по крайней мере в небольшой степени, побороть злобу. Однако, — добавил он с легкой улыбкой, — за все эти годы я свыкся с именем, которое дал себе в семинарии. Но, насколько я понимаю, вы пригласили меня не для того, чтобы обсуждать мое прошлое.

— Конечно. Наша проблема целиком и полностью относится к настоящему. Я намерен доказать, что Фред Даркин не убивал вашего коллегу.

— Тем не менее все, кажется, свидетельствует об обратном, — сказал Бэй, театрально понизив голос.

— Как бы вы могли охарактеризовать ваши отношения с мистером Мидом? — спросил Вулф после того, как попросил Фрица принести холодной воды Бэю и пива себе.

—- Мы, естественно, были близки.

— Одна из газет предполагает, что он мог стать вашим наследником.

Бэй скрестил руки на груди и прикрыл глаза. Я даже засомневался, не покинул ли он мысленно наше общество.

— Мистер Вулф, — наконец произнес он, — мне крайне трудно говорить о Рое так скоро после... после того, что произошло. Вы не можете представить, какое количество газетчиков и телевизионщиков обрушилось в последние дни на наш храм. И полиция, само собой... Когда вы позвонили, первым моим желанием было отказаться прийти сюда, но, поскольку Ллойд обращался к вам по поводу этих злосчастных записок, я решил, что обязан встретиться с вами.

— У вас передо мной нет никаких обязательств, сэр. Но коль скоро вы затронули этот вопрос, то прошу поделиться своими соображениями по поводу записок.

— Думаю, что это дело рук какой-то эксцентричной личности. Как ни печально, но такие вещи случаются в каждой церкви. Я получал их в свое время даже в своем крошечном приходе в Нью-Джерси.

— Не было ли других недружелюбных посланий в последнее время?

Бэй, как бы размышляя, воздел взор к потолку и затем, опустив свои голубые глаза на Вулфа, ответил:

— О, совсем немного, в основном с критикой содержания проповеди, выбора псалмов для пения или с выражением несогласия по теологическим вопросам. Но ни разу не было последовательной серии, подобной этой. И никогда записки не содержали угроз. Думаю, что только необычность ситуации вынудила меня дать Ллойду согласие на встречу с вами. Но если честно, то они — записки — серьезно меня не беспокоили. Меня не просто запугать, мистер Вулф. Кроме того, в Серебряном Шпиле каждое воскресенье бывает более двенадцати тысяч молящихся, и среди них обязательно должно быть несколько... ну, скажем, не совсем обычных людей.

— Как вы смотрите на гипотезу мистера Даркина о том, что записки написаны кем-то из вашего окружения?

— Немыслимо! — фыркнул Бэй, отмахиваясь от этой идеи, как от комара. — Это нелепое заявление и послужило причиной последующего скандала. Если бы он не произнес тех слов, Рой был бы сейчас жив.

Вулф отхлебнул пива и промокнул губы носовым платком.

— Действительно ли мистер Мид мог считаться вашим признанным преемником?

Бэй тем временем успокоился и поудобнее устроился в кресле. На его лицо вернулась телевизионная улыбка.

— Я уже сказал этому полицейскому инспектору Крамеру, что мы не устанавливали формального порядка преемственности.

— Но ведь могла существовать и негласная договоренность?

Несколько помрачнев, Бэй склонил голову набок.

— Если даже это и так, то я ни словом, ни делом не намекал на подобное. Хотя можно допустить, что Рой, учитывая круг его обязанностей, мог думать о такой возможности. Другие, естественно, тоже могли так считать. Но, по правде сказать, я просто еще не размышлял о преемнике своего дела. Возможно, это не лучший стиль управления, но я, мистер Вулф, еще не достиг и сорока девяти и чувствую, что мне еще долгие годы предстоит быть простым пастырем прихода, которым, по существу, и является Серебряный Шпиль, несмотря на общенациональную известность и еженедельные воскресные

телевизионные передачи. Я не больше чем обычный священник, хотя и написал несколько книг.

Если эти слова показались вам отрепетированной речью, то вы не одиноки, а делите компанию со мной. Именно так все прозвучало для меня, хотя парень, надо отдать ему должное, умеет с максимальной отдачей использовать богатые модуляции своего голоса. Я слушал его выступление чуть ли не с восторгом.

— Допустим, вы решились оставить свой пост. Выбрали бы вы в таком случае мистера Мида своим преемником?

Прежде чем ответить, Бэй выждал несколько мгновений, изучая свои руки и элегантные, без всяких излишеств часы.

— Рой разделяет... разделял мои труды много лет. Являясь старшим помощником пастора, он в некотором роде был моим начальником штаба. Он был лояльным и надежным служителем нашего дела — подлинным солдатом Всевышнего.

— Но не генералом?

— Я этого не говорил, — Бэй позволил себе застенчивую улыбку.

— А в этом и не было необходимости, — заметил Вулф. — Кстати, как члены вашего «кружка веры» относились к мистеру Миду?

Бэй отпил глоток воды и, аккуратно вернув стакан на маленький столик рядом с креслом, ответил:

— Мистер Вулф, Рой обладал рядом великолепных качеств. Он трудился денно и нощно. По правде говоря, мне иногда приходилось уговаривать его отправиться домой к жене и сыну. Он являлся образцовым проповедником, его проповеди были прекрасно подготовлены, отличались логичным построением и обладали большой убедительной силой. Он часто занимал мое место, когда я находился в отъезде, если мы на это время не приглашали какого-нибудь известного пастыря. Рой постоянно требовал, чтобы все было как положено — можно сказать, что он во всем стремился к совершенству — а это, согласитесь, никому не добавляет популярности.

— Все достигающее совершенства гибнет.

— Это определенно не Библия, — сказал Бэй, вопросительно подняв брови. — Шекспир?

— Браунинг[3], — сказал Вулф. — Вы ответили на мой вопрос?

— Полагаю, да, — кивнул Бэй. — Уверен, из моих слов вы поняли, что Рой частенько не проявлял разумной гибкости и имел склонность к чрезмерной требовательности. Остальных это нередко раздражало.

— Вам приходилось вмешиваться в эти конфликты?

— О мистер Вулф, конечно. Рой и я беседовали (и молились) по поводу излишней жестокости — пожалуй, это будет лучшее определение его характера. Он знал свой недостаток и, я уверен, честно старался его исправить.

— Но все же к вам поступали жалобы?

— Время от времени. — Он пожал плечами.

— От кого?

— Мистер Вулф, вы вступаете в область, где уместна конфиденциальность, — заметил Бэй, приподнимая бровь. — Боюсь, что я не смогу вам ответить.

— Человек обвиняется в предумышленном убийстве. Не опасаясь впасть в преувеличение, я могу сказать, что ставкой является его жизнь.

— В этом штате нет смертной казни.

— Простите, сэр, но это — лицемерие. Длительное тюремное заключение уничтожает личность столь же эффективно, как петля палача или смертельный газ.

— Ну хорошо, — сказал Бэй, протягивая руку к стакану, но не поднося его к губам, — все члены «кружка веры», включая мою жену, в то или иное время жаловались на Роя.

— В чем состояла суть жалоб?

— В большинстве случаев это была нетерпимость и жестокость Роя, о которых я уже упоминал. Он бывал порой исключительно резок с людьми. Чтобы вы лучше все поняли, я немного поясню. Я создал «кружок веры» как своего рода неформальный консультативный совет — нечто вроде «кухонного кабинета министров», которые когда-то формировали наши президенты. Все члены кружка участвовали в деятельности храма практически с самого начала. Элиз, естественно, работала со мной значительно дольше, мы состоим в браке без малого двадцать пять лет. Так или иначе, но кружок имел для меня огромное значение как источник духовной поддержки и как консультативный совет. Кружок помогал нам всем ощутить близость друг к другу, служил опорой и поддержкой. К сожалению. Рой, вместо того чтобы крепить наши узы, частенько ставил их под угрозу. Он постоянно держал себя таким образом, но только в последние месяцы меня начал по-настоящему беспокоить разрушительный характер его поведения. — Бэй тяжело вздохнул, словно этот монолог лишил его последних сил.

— И вы говорили ему о своей озабоченности? — спросил Вулф, опорожнив свой стакан и с кислым видом изучая остатки пены на дне.

Плечи служителя церкви беспомощно опустились.

— Несколько раз. И наконец недели две тому назад в моем

кабинете состоялся продолжительный разговор. Надо сказать, что встреча была весьма напряженной. Рой просто не мог понять, почему его методы столь огорчительны для меня. Он сказал, что я чересчур либерален. Может быть, иногда я действительно затрачиваю слишком много сил на то, чтобы избежать конфликтов, но ничего не поделаешь — таков мой стиль.

Мистер Вулф, я, если использовать популярное выражение, предпочитаю «позитивное мышление» и не собираюсь извиняться за это. Мы в Серебряном Шпиле называем свой метод «теологией вдохновения» — так, кстати, озаглавлена книга, написанная мной несколько лет назад. Согласен, что название звучит не очень ярко, но книга пользовалась успехом, да и сейчас расходится неплохо. «ТВ» — так мы сокращенно называем свой подход, — помимо прочего, требует, чтобы каждый человек больше всего ценил уважение к личности других и оказывал своему ближнему всяческую поддержку. Наше кредо — избегать конфронтации там, где это возможно. Я любил Роя Мида и тоскую по нему как по личности и как по брату во Христе. Но не раз его поведение вступало в противоречие с нашими принципами. Он всегда торопился найти чужую вину и указать на нее как прямо в лицо виноватому, так и — что самое скверное — осудить его за спиной. Не раз он резко критиковал своих коллег в присутствии посторонних, включая секретарш и даже добровольцев-помощников из числа прихожан. Критика, осуществляемая с добрыми намерениями, вовсе не плохая вещь, как вам известно. Но критика Роя зачастую была груба и... скажем, оскорбительна. А если духовные пастыри не всегда являют собой добрый пример, что же спрашивать с паствы? — Бэй поднял ладони, слегка разведя руки. Похоже, что он затратил немало времени, шлифуя этот жест до совершенства. Вулф, не скрывая раздражения, спросил брюзгливо:

— И как долго мистер Мид сотрудничал с вашим храмом?

— С того самого момента, когда я перебрался из Нью-Джерси на Стейтен-Айленд — почти четырнадцать лет. Но мы знакомы еще по семинарии, я учился на два класса старше.

— И что он думал о записках?

— Они волновали его даже меньше, чем меня, — ответил Бэй. — Рой возражал против идеи Ллойда привлечь постороннюю помощь, заявляя, что они — записки — дело рук какого-то несчастного и не заслуживает внимания, тем более беспокойства. Я в целом с ним соглашался.

— Вернемся к той серьезной беседе, которую вы провели с ним две недели назад. Не могли бы вы передать ее содержание?

Бэй поставил стакан на столик, наклонился чуть вперед,

положил ладони на колени и, внимательно глядя на Вулфа, начал:

— Я сказал, что, по моему мнению, он должен, обязан сменить стиль руководства и обуздать свой характер. Толчком для разговора послужило столкновение Роя с Роджером Джиллисом. Речь шла о каких-то накладках в новом расписании занятий для взрослых. Пустяк, мелочь, но Рой вел себя так, будто случилось нечто из ряда вон выходящее. Он уничтожал бедного Роджера в присутствии посторонних, заявляя примерно следующее: «Мы не можем терпеть подобной тупости, боюсь, нам не избежать персональных изменений!»

— Имелись ли ранее недочеты в работе мистера Джиллиса? — спросил Вулф.

— Ничего особенного, — подчеркнуто медленно протянул Бэй. — Конечно, время от времени он упускал из вида те или иные детали, но эти недочеты с лихвой перекрывались упорным трудом и изобилием новых идей. Ему за последние четыре года удалось утроить количество учащихся на курсах для взрослых. Он сумел привлечь к работе у нас прекрасных и очень разных преподавателей: известных университетских профессоров, специалистов по детской психологии, крупнейших знатоков Библии и нескольких ведущих теологов из учебных заведений Манхэттена. Однажды он даже сумел пригласить ведущего полузащитника «Гигантов». Молодой человек три воскресенья подряд рассказывал о роли религии и веры в спорте. Зал был переполнен.

Вулф явно не был потрясен столь выдающимся событием.

— Вы сказали, чтобы мистер Мид держал в узде свой характер. Что бы произошло в том случае, если бы он не сумел сделать этого?

— Разговор не зашел так далеко. Как я уже имел возможность упомянуть несколько минут назад, я пытался избегать конфликтов. В тот день я сказал ему, что мы будем почаще встречаться тет-а-тет, чтобы побеседовать и вознести молитвы о его... проблеме. Он поклялся, что попытается исправиться.

— Удалось ли вам заметить изменения к лучшему за те немногие дни, которые прошли между вашей беседой и его смертью?

— Честно говоря, нет, — печально произнес священник, проводя ладонью по светлым волосам.

— Сэр, как вам известно, мистер Гудвин вчера попытался посетить ваш храм, но мистер Морган отказался пропустить его.

Сейчас...

— Да-да, знаю. Я уже выразил мистеру Гудвину сожаление по поводу того, что не имел возможности встретиться с ним. Мы все чувствуем некоторую нервозность после смерти Роя, — сказал Бэй. — Ллойд просто перестарался, оберегая меня и своих коллег.

— Я вполне способен это понять, — произнес Вулф. — Кроме того, как мне известно, мистер Гудвин появился у вашего порога без предварительного уведомления. Однако теперь мне хотелось бы договориться с вами о его новом визите в храм и о возможности побеседовать с людьми.

— Вы требуете слишком многого, — ответил Бэй, искоса поглядывая на часы. — Мне уже пришлось две назначенные на утро встречи отменить и одну отложить. Что же касается моих коллег, то они и так уже подавлены обилием полицейских и репортеров, сновавших по храму. А теперь и вы хотите отнять у них время.

— Ваша забота о коллегах вызывает восхищение, сэр. Но если смотреть на вещи по существу, то мистер Даркин сотрудничает со мной столько лет, сколько не насчитывает ваш храм с момента основания.

Бэй кивнул и сложил свои длинные пальцы домиком.

— Так вы по-прежнему убеждены в том, что мистер Даркин невиновен? Но его невиновность — если таковая будет доказана — означает, что кто-то из служителей храма является убийцей.

— Совершенно верно, — сказал Вулф. — Но если вы столь уверены в виновности мистера Даркина, то вам не надо опасаться бесед сотрудников с мистером Гудвином. Что же касается времени, то заверяю вас, он не станет беспокоить ваших коллег без необходимости.

— Ну хорошо, и хотя идея мне не по вкусу, — ответил Бэй, — я попрошу всех встретиться с мистером Гудвином. Однако я не могу сказать, насколько откровенны будут мои коллеги. — Обращаясь ко мне, он спросил: — Когда вы намерены встретиться с ними?

— Завтра, — безапелляционно заявил Вулф, — завтра утром.

— Очень короткий срок на то, чтобы всех предупредить, — возразил Бэй. — Боюсь, кого-то может не оказаться на месте.

— Убежден, что вам удастся все организовать, — сказал Вулф, поднимаясь с кресла. — Прошу меня извинить, но у меня назначена встреча.

Он величественно удалился, оставив меня совершать ритуал прощания с гостем, который смотрел ему в спину со смешанным чувством изумления и гнева.

— Мистер Вулф вовсе не хотел обидеть вас, — принялся

заверять я. — Он — гений, а когда ум гения чем-то загружен, то этика общения отходит на второй план.

Я, естественно, не стал сообщать ему, что Вулф отправился в кухню на встречу с Фрицем, чтобы проконтролировать ход приготовления фаршированной телячьей грудинки для нашего ленча. Как будто Фриц нуждается в каком-то контроле.

Глава 8

На следующий день ровно в десять утра я вновь оказался в Храме с Серебряным Шпилем, проделав путешествие на пароме и совершив, несмотря на протест моих икроножных мышц, утомительное восхождение на холм.

— Привет. Это ведь вы приходили сюда вчера? — прощебетала солнечным голосом моя любимая рыжулька с ямочками на щеках, когда я легкой иноходью вступил в фойе.

Признав себя виновным в этом проступке, я спросил о Бэе. Завершая свой визит в особняк из бурого известняка, он попросил меня встретиться с ним, прежде чем я приступлю к другим беседам,

— Будет лучше, если я сумею всех подготовить, — сказал он. — Они и без того сильно возбуждены случившимся. Убежден, что вы их понимаете. Когда вы придете, я смогу сказать, какой прием вас ожидает.

Мне, конечно, больше по душе был бы не такой формальный и не столь сильно афишируемый визит, но поскольку Вулф удалился в кухню, чтобы сунуть нос в кастрюли Фрица, и не принял участия в дискуссии, я согласился с предложением Бэя. Девушка нажала кнопку на телефоне, прошептала несколько слов, вернула трубку на место и объявила с улыбкой, такой же лучезарной, как и голос:

—Доктор Бэй ожидает вас. Его офис — в конце этого длинного коридора, — проворковала она, показывая направление прекрасно ухоженным пальчиком. — После лестницы и лифта — первая дверь налево. Вы не ошибетесь, хотя, наверное, лучше сказать не дверь, а двери. Они двойные и сделаны из замечательного дуба.

Я выразил благодарность, надеясь, что моя улыбка столь же лучезарна, как и ее. Насчет дверей она не ошиблась: они напомнили мне иллюстрации к книжке о короле Артуре, читанной мной в далеком детстве. Для полного сходства не хватало только рва и подъемного моста. Потянув створку двери на себя, я оказался вновь в нашем времени в залитой светом люминесцентных ламп приемной с полом, покрытым серым паласом от стены до стены. За двумя письменными столами сидели две женщины, самоотверженно отбивающие дробь на пишущих машинках.

— Мистер Гудвин? — поинтересовалась более юная секретарша, осчастливив меня своим вариантом лучезарности. — Доктор Бэй ждет вас. Проходите, пожалуйста.

Я отворил еще одну дубовую дверь — на сей раз не столь впечатляющую, как ее сестры, — и оказался в помещении не менее обширном, чем кабинет Вулфа. Пол здесь покрывал мягкий, цвета бургундского вина ковер, по двум стенам возвышались до потолка книжные полки, а кремовые драпри обрамляли оба окна. Восседающий за огромным черного дерева столом Бэй поднял на меня глаза и знаком пригласил занять одно из мягких кресел с обивкой в тон ковра. Его улыбка показалась мне несколько отрешенной.

— Мистер Гудвин, вы явились точно в назначенное время. — одобрительно произнес он, наклоняясь над столом, чтобы пожать мне руку. Бэй сидел без пиджака, и узел его галстука был чуть ослаблен. — Занимаюсь тем, что сочиняю проповедь, — пояснил он, кивнув на стоящий справа от него компьютер. — Вы им пользуетесь?

Я сказал, что пользуюсь, чем заслужил еще один одобрительный кивок.

— Замечательная вещь. Ну да ладно, вы явились не для того, чтобы обсуждать достоинства персональных компьютеров. Я переговорил со всеми членами «кружка», и они... согласны побеседовать с вами сегодня.

— Но при этом не горят энтузиазмом, не так ли?

— В данных обстоятельствах вряд ли от них можно ждать взрыва энтузиазма, — пожал плечами Бэй. — Поначалу я думал, что лучше всего будет начать с Ллойда. Вы с ним уже знакомы и, несмотря на вчерашнее, он, похоже, полностью примирился с неизбежностью вашего пребывания здесь. Впрочем, также, как и все остальные. Однако сейчас Ллойд проводит заседание нашего финансового комитета и освободится только ближе к полудню, так что вначале вы встретитесь с Роджером Джиллисом — руководителем нашей образовательной программы. Я сказал всем, что вы отнимете у них не более получаса. По правде говоря, надеюсь, что на самом деле встречи окажутся даже короче.

Я пообещал сделать для этого все возможное, и Бэй, подняв трубку, поспешно набрал номер.

— Роджер, пришел мистер Гудвин. Не могли бы вы поговорить с ним прямо сейчас? Хорошо, он через минуту будет у вас.

Бэй вывел меня из кабинета и немного провел по коридору. Он постучал в очередную дубовую дверь, и мы вошли в офис, который по площади едва ли дотягивал до трети кабинета Бэя. Фред говорил, что Джиллис молодо выглядит, но я тем не менее был поражен. Служитель церкви вполне мог сойти за студента младших курсов, особенно принимая во внимание его стиль

одежды. На нем были брюки цвета хаки, пиджак спортивного покроя, бежевый свитер, из-под которого виднелся воротник рубашки в крупную клетку. На ногах парня были туфли яхтсмена.

Когда мы вошли, он тотчас вскочил из-за стола и, обежав его вокруг, потряс мне руку.

— Мистер Гудвин, я Роджер Джиллис, — мрачно заявил он раньше, чем Бэй успел приступить к процессу формального представления. Руководитель образовательной программы был дюйма на два выше меня и, наверное, фунтов на пятнадцать легче, из-за чего казался ужасно долговязым. Его вытянутая физиономия прекрасно гармонировала с общим обликом, а с копной волос морковного цвета вряд ли могли справиться все инструменты парикмахерского ремесла — будь то гребень или щетка любого размера, спрей или гель.

— Оставляю вас наедине, — сказал Бэй, закрывая за собой дверь.

Я занял кресло, стоящее у стола Джиллиса, а он расположился в точно таком же напротив меня.

— Не люблю, когда между мной и собеседником находится стол, — заявил Джиллис с ужасно серьезным видом. — Он похож на стену.

Я выразил полное согласие и затем без нажима приступил к делу, спросив, как давно он трудится в Серебряном Шпиле и в чем состоят его обязанности.

На свои вопросы я получил более чем лаконичные ответы: «девять лет» и «руковожу образовательной программой для взрослых и детей».

После пяти минут подобного рода беседы — моих вопросов и его сверхкратких ответов — я поднял руку.

— Послушайте, вы сказали, что письменный стол подобно стене разделяет собеседников. Между нами нет стола, но стена существует, и именно вы воздвигли ее. Я понимаю, что вам, видимо, надоело отвечать на вопросы. Вначале это был Фред Даркин, затем полиция и представители прессы...

— Все контакты с прессой осуществлял только Барни, да благословит его Господь, — фыркнул Джиллис.

— Отлично. Но все же и вам немало досталось. И вот появляюсь я. Я обещал вашему боссу, что не займу времени больше, чем необходимо, но вы не очень-то способствуете мне в этом.

— Я отвечал на все ваши вопросы, — воинственным тоном заявил он, приглаживая костлявой лапой свою лохматую гриву.

— Едва-едва. Чем быстрее я буду удовлетворен, тем раньше избавлю вас от моего присутствия.

Джиллис, помрачнев, потер ладонью узкий подбородок.

— Мистер Гудвин, я говорю с вами только потому, что об этом попросил Барни. Честно говоря, я не вижу никакого смысла в нашей беседе. Всем ясно, что Фред Даркин застрелил Роя. И вот появляетесь вы, чтобы спасти своего человека, попытавшись обвинить кого-то из нас.

— Значит, вы уверены, что никто из вашей братии не стрелял в Мида?

— Ясное дело, уверен! — Его брови взлетели вверх, а нижняя челюсть двинулась в противоположном направлении.

— Следовательно, у вас нет причин для волнения.

Помрачнев еще сильнее, он заявил:

— Ненавижу, когда кто-то сознательно пытается исказить картину, чтобы переложить вину на невиновного.

— Мистер Джиллис, в контексте нашей беседы за словом «кто-то» стоят Ниро Вулф и я. Повторяю, у вас нет причин беспокоиться, если никто из служащих храма не виновен. Полиция и окружной прокурор убеждены, что уже нашли преступника. Потребуются исключительно веские доказательства противного, чтобы заставить их изменить свою позицию.

— И вы намерены найти такие доказательства, — осуждающим тоном произнес он.

— Если они существуют. Я уверен, что ни вы, ни ваш духовный пастырь не захотели бы, чтобы невинного человека отправили в пожизненное заключение.

Выражение вытянутой физиономии Джиллиса несколько смягчилось, и он кивнул.

— Хорошо, мистер Гудвин. Вы меня убедили. Постараюсь отвечать так полно, как могу.

— Благодарю. Как бы вы охарактеризовали отношение к Миду членов «кружка веры»?

— Я не могу говорить за них, — ответил он, пожимая плечами.

— Бросьте. Хотя бы в общих чертах вы имеете представление об их настроении. Вы работаете вместе и встречаетесь на заседаниях уже много лет.

По выражению лица парня было ясно, что в его душе кипит жаркая схватка с самим собой. Выдержав несколько мгновений этой борьбы, он издал нечто среднее между вздохом и стоном.

— Рой являлся... не самой популярной личностью. Бывал резок со своими коллегами. Но я уверен, что он поступал так только потому, что хотел полностью использовать потенциальные возможности храма, однако...

— Я весь внимание.

— Рой обладал способностью выводить людей из себя.

— И вас тоже?

Щеки Джиллиса залила краска, и он пробормотал:

— Может быть, иногда.

— Не могли бы вы привести пример?

Сначала он изучил ногти, потом ладони. Если он там что-то искал, то явно не нашел желаемого.

— Ну что же... Это случилось на собрании «кружка веры» несколько недель назад, — проговорил он, растягивая слова, но не столь заметно как Бэй.

Я решил, что он родом из Теннесси или Северной Каролины, однако меня вряд ли можно считать экспертом по особенностям южного произношения.

— Рой тогда привел данные о посещаемости классов для взрослых за последние несколько месяцев. Цифры несколько снизились, и он высказал предположение, что объем работы превышает мои возможности и что «...настало время найти для бедного Роджера помощника». Надо было слышать как презрительно, каким покровительственным тоном это произносилось... Вообще-то он говорил о снижении посещаемости уже несколько месяцев, но тогда он в первый раз прямо вменил это мне в вину.

— Посещаемость действительно упала?

— Ну да... упала, но совсем немного. Между тем в последние два года темп прироста выражался двузначными цифрами. В какой-то момент рост должен был прекратиться. Количество прихожан, между прочим, тоже перестало увеличиваться. Община Серебряного Шпиля последние десять лет росла наподобие сказочного боба. Даже в сказке это не может продолжаться вечно, не говоря уж о церковной образовательной программе.

—- Но, очевидно, Мид смотрел на вещи по-иному?

— Мистер Гудвин, Рой чертовски хорошо понимал, что нельзя ожидать вечного расширения образовательной программы. И без того более семидесяти процентов членов общины привлечены по меньшей мере к одному курсу. Готов держать пари на любую сумму, что это — предел для каждой крупной церкви любого вероисповедания.

— И он избрал объектом критики только вас одного?

—- Нет. Сэм, Сэм Риз, неоднократно получал выволочку от Роя за прекращение роста числа прихожан.

— И чего же Мид хотел добиться своей критикой?

Джиллис нервно отбросил упавшую на глаза прядь волос и решительно наклонился ближе ко мне.

— Могу сказать. Он пытался подкопаться под каждого. Он

жаждал власти и не терпел, когда других за что-то хвалили. Он был вторым после Барни, но всегда рвался к большему. Он... — Джиллис резко оборвал себя и закончил словами: — Я сказал больше чем достаточно.

Подождав, пока он окончательно выпустит пар, я спросил:

— Что вы думаете о записках, которые находили в мешках с воскресными пожертвованиями?

Он покачал головой.

— Мне они крайне не нравились. Некоторые члены «кружка» полагали, что они безвредны — работа какого-то бедного чудака. Но меня записки беспокоили. В теперешние дни среди нас бродит множество опасных безумцев. Я был доволен, когда Ллойд уговорил Барни пригласить к нам настоящего детектива. Правда, теперь, оглядываясь на то, что случилось... Но почему вас интересуют эти записки?

Я ответил вопросом на вопрос:

— Не считаете ли вы, что между записками и смертью Мида существует какая-то связь?

— Никоим образом, — энергично замотал головой Джиллис. — Абсолютно не считаю. Достаточно скверно то, что умер Рой, — я ужасно жалею о нем, несмотря на то, о чем говорил вам минуту назад. Но есть еще какой-то неизвестный, угрожающий Барни. И поверьте мне, мистер Гудвин, это весьма реальные угрозы. Зло — вокруг нас.

— Похоже на то. Не могли бы вы описать ход собрания в тот вечер, когда был убит Мид?

— Это было отвратительно, — скривившись, ответил он. — Ваш мистер Даркин заявил, что угрозы исходили от кого-то из нашего круга. Уже это выглядело достаточно мерзко. Но затем Рой принялся... оскорблять его, и мистер Даркин ответил тем же и произнес ужасные слова, по-настоящему ужасные. Тут Барни призвал нас к молитве, и затем мы разошлись на четверть часа по своим кабинетам для медитации.

— И вы пришли в этот офис?

Он утвердительно кивнул.

— Где расположен кабинет Мида?

— На противоположной стороне коридора, через две двери отсюда.

— Вы слышали выстрелы?

— Нет, и это неудивительно. Стены хорошо проштукатурены, и до меня никогда не доносится ни звука из соседних кабинетов. И вы, конечно, заметили, насколько массивны здесь двери.

— Как вы узнали, что Мид застрелен?

— Сэм Риз пришел и сказал об этом.

— Что думают о Миде остальные члены «кружка веры»?

Джиллис сморщил свой длиннющий нос и заявил:

— Мистер Гудвин, прошу извинить, если мои слова покажутся вам слишком резкими или даже грубыми, но я просто не желаю продолжать разговор о Рое. И так уже было сказано больше, чем достаточно, и мне действительно необходимо вернуться к работе. Думаю, что Барни знает, с кем вам надо встретиться после меня.

Я понимал, что меня выставляют за дверь старым добрым способом, но возражать не стал. По-видимому, я получил от Джиллиса максимум возможного, по крайней мере на данный момент. Я вернулся в приемную Бэя, где меня уже ожидала секретарша, та, что помоложе.

— Мистер Гудвин, мистер Бэй просил меня проводить вас в кабинет мистера Риза, — радостно сообщила она. — Мистер Риз ждет вас.

Я поблагодарил девушку и по пути выяснил, что ее зовут Дианой. Мы подошли к одной из дубовых дверей недалеко от кабинета Бэя и Диана постучала. Из-за тяжелых панелей глухо донеслось «войдите», я распахнул дверь и понял, что мне предстоит беседа не с одним человеком, а сразу с двумя.

Глава 9

Они сидели бок о бок на бежевом диване в глубине кабинета. Над ними в рамке висела большая цветная фотография храма. Солнце ярко сверкало в серебре шпиля. Риз практически полностью соответствовал описанию, данному Фредом: незаметный, лысоватый, с изрядным брюшком. Для его благоверной прекрасной характеристикой служили слова Фреда «на грани вульгарности». Она была явно моложе мужа, хотя, конечно, уже и не дитя. Мне показалось, что платиновый цвет ее волос (нехватки которых не замечалось) несколько усилен при помощи искусственных средств. Но как бы то ни было, конечный результат меня вполне устраивал.

Сэм Риз с мрачной физиономией представил себя и ее. Карола одарила меня полуулыбкой.

— Со слов Барни я знаю, что вы желаете говорить со всеми по отдельности, — заявил Риз после того, как я, развернув немного кресло, уселся перед ними. — Но мы являемся командой и беседовать будем только вдвоем.

Его тон ясно давал понять, что места для спора не остается. Пришлось кивнуть в знак согласия, выдавив при этом подобие улыбки.

— Справедливо. Вам обоим известно, с какой целью я здесь, поэтому не будем ходить, как говорится, вокруг да около. Как вы относились к Ройялу Миду?

— Как прикажете понимать ваш вопрос? — выпалил Риз. — Как, по вашему мнению, мы могли к нему относиться, проработав вместе более десяти лет. Мы здесь связаны друг с другом очень тесно. Карола кивнула, что я воспринял как согласие со словами супруга. Однако по лицу дамы нельзя было понять, каковы ее подлинные чувства к Миду.

— Отлично. Ставлю вопрос еще более прямо: вам он нравился?

Риз вознамерился было вскочить, но Карола остановила этот порыв, положив ладонь на руку мужа.

— Послушайте, мистер Гудвин, — процедил он сквозь стиснутые зубы, — мы тратим время на вашу чушь только потому, что нас попросил об этом Барни. Я же, ей-богу, считаю ваши действия неприличными и недостойными.

— Похоже, что в этом заведении все разделяют вашу точку зрения, — ответил я. — Я способен понять вашу позицию. Но дело в том, что в тех кругах, в которых вращаюсь я, считают, что неприлично и недостойно обвинять в убийстве невиновного.

— Так вы действительно считаете, что ваш мистер Даркин не виноват? — воскликнула Карола Риз, одарив меня взглядом широко раскрытых зеленых глаз, в которых каждый желающий мог прочитать искренность и доверчивость.

— Да. Иначе бы меня здесь не было.

— Ха! — с насмешкой выпалил Риз. — Вы работаете на Ниро Вулфа, а это значит, что вы поступаете так, как он скажет, не считаясь с собственным мнением.

— Не угадали. Правда, я действительно работаю у мистера Вулфа, но я принадлежу и всегда принадлежал только себе. Если вам нужно подтверждение, я представлю вам массу свидетелей, и среди них самого мистера Вулфа.

— Хорошо, — кисло протянул Риз, — вернемся к делу. Вы хотели знать, нравился ли нам Мид. Естественно, нравился.

— Вам обоим?

Карола открыла было рот, но прежде чем оттуда вылетело хотя бы слово, супруг уже ответил:

— Да, нам обоим, и — если мне будет позволено высказаться за других — всем остальным членам «кружка веры».

— Любопытно. А я слышал, что с мистером Мидом было нелегко ужиться.

— Сложности, как мне кажется, время от времени возникают со всеми.

— Кроме того, я понял, что он выступал против вас по поводу сокращения числа прихожан.

На этот раз Риз встал-таки на ноги. Прижал кулаки к груди, жилы на шее набухли.

— Выходит, это стало известно всем? Считалось, что собрания «кружка» носят конфиденциальный характер, но с какого-то времени, очевидно, это правило больше не действует. Что же, количество прихожан действительно сократилось, но сократилось весьма незначительно — менее чем на полпроцента. Кроме того, сокращение наблюдалось всего лишь последние три месяца, так что рано говорить об устойчивой тенденций.

Он сделал паузу, чтобы отдышаться, но Карола потянула его за рукав и произнесла успокаивающе.

— Сэм, пожалуйста, сядь.

Сэм, пыхтя, повиновался, а его супруга обратила на меня взор своих зеленых глаз.

— Мистер Гудвин, мой муж предпочитает ничего дурного о покойниках не говорить, однако я могу сказать. Рой Мид временами бывал низким, мелочным...

— Карола! — возопил Риз. — Достаточно!

— Вовсе не достаточно, Сэм, — сказала она негромко, но

уверенно. — Ни один человек не сделал больше, чем ты, для возвеличивания этого храма. Единственным возможным исключением является Барни, и подчеркиваю: возможным. — Она ни на секунду не отрывала от меня своих изумительных глаз. — Я молча сидела на этих бесконечных сборищах «кружка веры», слушая, как Ройял Мид критикует Сэма то за одно, то за другое незначительное прегрешение. Он не делал этого только тогда, когда выбирал своей жертвой кого-то иного. Этот человек упивался своей значительностью — типичный маниакальный эгоист. Не мог терпеть, когда заслуги других получали признание. Вы можете не знать этого, мистер Гудвин, но авторитет, который приобрел в наши дни Серебряный Шпиль, — заслуга сидящего перед вами человека.

— Перестань, Карола, — Риз положил ладонь на руку супруги в неубедительной попытке остановить ее.

— Ему следует знать это, дорогой, — успокаивающе произнесла она, поглаживая мужа по мясистому загривку. — Ведь это была не чья-то, а твоя идея разместить на скоростных дорогах рекламные щиты, популяризирующие храм. С этого по-настоящему и начался период подъема. А кто предложил план финансирования приютов для женщин и бездомных? Конечно, не Рой Мид и даже не Барни, если быть точным. А кто убедил Барни организовать кабельную телевизионную сеть? Не уверена, что он сделал бы это — во всяком случае, в таких масштабах, — не будь ты столь напорист.

— О, я об этом как-то не думал, — пробормотал Риз. Он слушал откровенно хвалебный спич супруги, скромно потупив взор, но с явным удовольствием.

— Но это же так, — стояла она на своем, вновь одаривая меня взглядом широко открытых глаз. — Мистер Гудвин, вы спросили, любили ли мы Роя Мида. Что же, возможно, Сэм и любил — но он гораздо лучший христианин, нежели я, и всегда останется таковым. Именно за это я так обожаю его. Пусть меня осудит Господь, но я искренне ненавидела Роя. Он был...

— Карола, умоляю. Мне кажется, не стоит продолжать, — довольно резко прервал ее Риз.

Она сжала ладонь супруга, и по ее нарумяненной щеке скатилась одинокая слезинка:

— Наверное, ты прав, но я ничего не могу с собой поделать. Это копилось во мне... не знаю, сколько времени... скорее всего годами. Когда Роя убили, я была потрясена — находилась в шоке, как и все остальные. Но в некотором смысле я одновременно... почувствовала облегчение. Знаю, это звучит чудовищно, но что делать? Поверьте, мне стыдно, но такова истина.

— Кто, как вы думаете, убил Мида? — спросил я ее.

— Мы все знаем это, — сердито вставил Риз. — Ваш человек — вот кто!

— С какой стати Фред Даркин станет его убивать? Они же были едва знакомы друг с другом.

— Полагаю, вам известно о собрании в день убийства — собрании, на котором присутствовал Даркин? — спросил Риз. Его лицо вновь налилось кровью. — Язвительность, с которой он обрушился на Роя...

— Рой и сам вел себя не лучшим образом, — вмешалась Карола. — Он источал злобу, говорил гадости о частных детективах вообще и о мистере Даркине в особенности. Мне за него по-настоящему было совестно.

— Я и сам был удивлен несдержанностью Роя, — соглашаясь с супругой, подхватил Риз. — Конечно, мы знали, что он с самого начала выступал против приглашения детектива. Я, кстати, тоже был против, хотя и не говорил об этом так резко, как он. Так или иначе, когда Даркин высказал свое нелепое предположение о том, что эти злобные писания родились в нашей среде, Рой не смог этого вынести. Он взорвался и наговорил грубостей Даркину, который, в свою очередь, утратил контроль над собой и прибег к выражениям, которые... ну скажем... не должны использоваться в доме Бога. Впрочем, как и в любом другом месте.

— Именно в этот момент Бэй начал молиться и затем отослал вас для размышлений в одиночестве, не так ли?

— Да, — ответил Риз. — Я вернулся сюда, а Карола прошла в свободный офис поблизости от конференц-зала. Не правда ли, дорогая?

— Да, в кабинет Эдны Уэйн, одной из наших секретарей. Она, как правило, по вечерам не задерживается. У меня, естественно, здесь собственного помещения нет.

— Понятно. Кто-нибудь из вас слышал выстрелы? Они замотали головами.

— Мистер Гудвин, Барни не скупился, сооружая это здание, — сказал Риз. — Толстенные стены, могучие двери. Он не хотел, чтобы шум внешнего мира нас беспокоил или отвлекал. Цитирую его: «Вершение дел от имени Господа требует концентрации внимания, размышлений и молитв, что невозможно без соответствующей мирной обстановки». Когда мы сидим с закрытыми дверями, до нас не доносится извне практически ни единого звука. А вы знаете, что кабинет Роя как раз напротив моего.

— Как вы узнали об убийстве?

— Марли Вилкинсон вбежал ко мне с диким взором, —

ответил Риз. — Проведя пятнадцать минут в своем кабинете, он вышел в коридор. Там никого не оказалось, и он двинулся в сторону конференц-зала. Дверь была на его пути первой. Он постучал, чтобы сообщить Рою, что наступило время собираться вновь. Не услыхав ответа, он вошел и... вот, собственно, и все.

— А мне сообщила Элиз. Она занимала пустующий кабинет как раз напротив того, в котором находилась я. А она услышала о трагедии от кого-то еще. Не помню, от кого именно.

— Вернемся к запискам с угрозами. Кто, по вашему мнению, мог их написать? — спросил я.

— Одному Богу известно. Вот уж воистину: «Все беды берут начало в совершенно ничтожных событиях». Сколь правдивы эти слова! — простонал Риз, воздев руки и уронив их на колени. — В наш храм приходят тысячи, и среди них неизбежно должны оказаться люди со странностями. И мы сталкиваемся с ними время от времени. Примерно года два назад на наших утренних службах в восемь часов стала появляться женщина. Постоянно занимала место в центре зала. Бедняжке было не менее семидесяти, и сказать, что она одевалась в лохмотья, означает не сказать ничего. Каждый раз в одно и то же время, перед тем как начинался сбор пожертвований, она поднималась на ноги и трижды выкрикивала: «Аллилуйя!» И это был крик что надо. Поверьте, ее голос мог поднять из могил мертвецов на кладбище в полумиле отсюда. И это продолжалось четыре или пять воскресений подряд.

— И что же вы сделали?

— Она оказалась бездомной, — ответил Риз. — Много лет она провела в лечебнице для душевнобольных, но ее, как и многих других в наше время, изгнали оттуда, видимо, из-за недостатка средств на содержание. Родных у нее не оказалось, или мы просто не сумели их найти. В конечном итоге церковь внесла деньги, и ее поместили в очень хорошую лечебницу здесь на острове. Она до сих пор там, и один из наших пастырей еженедельно ее посещает.

— Но, Сэм, она была безобидным существом, — не сдавалась Карола. — А эти записки отравлены ядом зла.

— Если воспринимать содержимое буквально, — согласился он. —- Но я все же продолжаю считать их чьим-то чудачеством.

— Есть ли у Бэя враги?

— Если и есть, то они прекрасно маскируются. Конечно, Барни время от времени получает письма, обычно от телезрителей, критикующих его за неправильное толкование Библии или обвиняющих в чрезмерном либерализме. Впрочем, что это означает, критики обычно не объясняют. В год обычно

приходит двадцать — тридцать подобных посланий.

— И ничего похожего на эти шесть записок?

— Абсолютно ничего. По-моему, самые резкие нападки были несколько лет назад со стороны какой-то женщины из Калифорнии, которая заявила, что он обречен гореть в геенне огненной за недостаточную веру в непогрешимость Священного писания. Мы не приняли это всерьез, потому что никто так трепетно не относится к Библии, как Барни.

— Вернемся к запискам. Как вы думаете, кто может быть автором? — спросил я.

Карола отрицательно покачала головой, а Сэм поднял и опустил плечи, одновременно выпятив нижнюю губу.

— Не знаю, — сказал он. — Я уже говорил, что, по-моему, это работа какого-то чудака. Но почему они вас так интересуют?

— Отнесем это на счет моего природного любопытства, — сказал я, поднимаясь, чтобы уйти. — Разрешите поблагодарить вас за то, что вы нашли возможность встретиться со мной.

— Боюсь, что мы оказались не слишком для вас полезны, — произнес, вставая с дивана, Сэм Риз.

В его голосе я не уловил ни единой нотки сожаления.

— Напротив, вы мне очень помогли, — заявил я, поставив его тем самым в тупик. Затем я вышел в коридор, потянув за собой тяжеленную дверь. Повернувшись, чтобы направиться к Бэю, я увидел спешащего мне навстречу Ллойда Моргана.

— А, мистер Гудвин! Какое удачное совпадение. Я только что закончил длиннейшее совещание с некоторыми членами нашего финансового комитета. Отвратительное дело эти церковные финансы. Большинство прихожан не имеет о них ни малейшего представления. Весьма сожалею, что не мог поприветствовать вас раньше.

И это был тот же парень, который всего сорок восемь часов назад нагло выставил меня отсюда! Я хотел было отпустить замечание по поводу столь сногсшибательного сальто, но Морган меня опередил.

— Я был непростительно груб позавчера и сейчас хочу вымолить у вас прощение. Объясняю все нервным напряжением, хотя меня это, конечно, не извиняет. Мы с Барни разговаривали сегодня утром и пришли к выводу, что вы и мистер Вулф должны получить от нас всяческое содействие. Ведь в конце концов это мы, вернее, я обращался к вам за помощью. В результате ваш коллега оказался в ужасном положении. Прежде чем мы приступим к беседе, скажите, вам уже удалось переговорить с кем-нибудь?

Я ответил, что говорил, и Морган провел меня в свой

кабинет, который располагался рядом с офисом Риза и который вряд ли можно было назвать аскетическим. Он усадил меня в широкое коричневое кресло рядом со столиком-торшером, а сам со вздохом опустился в чуть меньшее по размерам — желтое.

— Как хорошо вернуться в свой маленький благословенный уголок! После этих денежных совещаний, мистер Гудвин, у меня каждый раз случается приступ мигрени. Так чем я могу быть вам полезен?

— Честно говоря, скорее всего ничем, — ответил я, утопая в коричневом кресле. — Но все же я задам пару вопросов. Как вы уживались с Мидом?

— А вы человек прямой, не так ли?

— Моя мама всегда учила меня вести свои дела прямо. Ей очень не нравилось, когда, как она частенько говаривала, «корове крутят хвост».

Он выдавил смешок, но выражение его лица вовсе не соответствовало данному звуковому эффекту.

— Да... Уверен, к этому времени вы узнали о Рое достаточно и поняли, что... что он не всегда вел себя как святой.

— У меня создалось впечатление, что он частенько раздувал пламя раздора.

— Какая изящная фраза. Что же, не ставя под сомнение его преданность делу, следует признать, что в течение многих лет он подбрасывал хворост для поддержания этого пламени. Рой знал, чего хотел, и в большинстве случаев добивался желаемого.

— Власти, например?

Черные внимательные глаза остановились на мне, потом взгляд опустился на запонки из оникса на манжете рубашки.

— Власть — да, но кроме того... стремление быть на виду. Рой обожал, когда Барни уезжал из города — что случалось довольно часто — и он получал возможность выступать с проповедями. Он был первоклассным проповедником, мистер Гудвин. В некоторых отношениях таким же хорошим, как и Барни.

— Но все же не таким?

Подергав задумчиво запонку, он ответил: — Нет. Его проповеди имели логическую структуру и строились на солидной библейской базе, основная мысль выражалась четко, а речь весьма впечатляла. Иногда красноречием он даже превосходил Барни. Но ему не хватало тепла, мистер Гудвин. Обыкновенного человеческого тепла.

— А у Бэя оно есть?

— Боже мой, конечно! Вы очень чуткий человек, мистер Гудвин, и если бы вы послушали обоих, то мгновенно уловили бы разницу. У Барни есть дар, которым обладают очень немногие

люди.

— Вернемся к вам и Миду. Как же все-таки складывались ваши отношения?

Морган откинулся на спинку кресла и потер мочку уха.

— Сносно. Много лет назад стало ясно, что мы никогда не станем неразлучными друзьями, но мы всегда были корректны в отношениях друг с другом.

— Критиковал ли Мид методы вашей работы?

В ответ я получил вздетую бровь и улыбку.

— О, чувствую, откуда дует ветер, — удовлетворенно кивая, произнес он. — Итак, с кем вы беседовали сегодня утром? С Роджером Джиллисом? Сэмом Ризом?

Пришел мой черед утвердительно кивнуть.

Он вновь улыбнулся.

— И вы услышите то же самое, когда будете говорить с Марли Вилкинсоном, конечно, если он решит быть с вами откровенным. Все трое — Роджер, Сэм и Марли — являли собой серьезную угрозу для Роя. Каждый из них обладает огромной властью в своей области: образование, внешние связи и музыка. А Рой завидовал всем, у кого имеется власть.

— А разве у вас нет власти? Ведь вы самый денежный человек в храме, разве не так?

Мои слова вызвали искренний и добродушный смех, слегка смахивающий на гогот. Для моего уха он был весьма приятен, Моргану следовало бы почаще позволять себе подобную вольность.

— Мистер Гудвин, на меня здесь действительно возлагается кое-какая финансовая ответственность, но начнем с того, что, во-первых, я не рукоположен, в отличие от остальных трех, и поэтому не был конкурентом Роя в его стремлении возглавить Серебряный Шпиль. Не уверен, правда, что остальные трое рвутся к этому. Во-вторых, хотя вы, глядя на прекрасное здание храма, можете в это не поверить, не деньги являются главной движущей силой церкви. Церковь живет любовью и верой. Я понимаю, что для человека, занятого борьбой с преступным миром, мои слова звучат нелепо, но это — факт. Частенько, поднимая на заседаниях «кружка веры» или на других собраниях финансовые вопросы, я чувствую себя одним из торговцев, изгнанным Христом со ступеней храма.

— Не испытывает ли в данный момент ваша церковь финансовых затруднений?

Он посмотрел на меня как на безумца.

— Абсолютно никаких! И ни на секунду не испытывала. У нас очень щедрые жертвователи, кроме того, сборы большие во время

служб. Правда, меня иногда заботит, насколько эффективно расходуются фонды. Но никто не желает слушать об этом. Создается впечатление, что все они считают разговоры о деньгах неприличными. Все, включая Роя.

— Но он все же критиковал вашу работу?

— Боюсь, что он считал ее недостойной его критики. К моей роли здесь он относился с презрением, — спокойно ответил Морган. — Для него я был всего-навсего чиновником — чернильной душой.

— Кто мог испытывать желание убить его?

— Действительно, кто? — повторил он вопрос, разводя руками. — Осмелюсь предположить, что никто. И боюсь, вам придется смириться с мыслью о том, что мистер Даркин является не только первым, но и единственным кандидатом на роль убийцы. Он просто взорвался на том собрании, полностью утратив контроль над собой.

— О том собрании... Похоже, это было отвратительное зрелище?

Слегка откашлявшись и прочистив горло, он произнес:

— Не смею спорить с вашей оценкой. Уверен, что вам известна суть дела. Даркин заявил, что записки написаны в храме, Рой обрушился на него, а Даркин ответил. Словарь Даркина, между прочим, больше подходил армейским казармам.

— Невозможно подсчитать, сколько раз я делал ему внушение по этому поводу, — согласился я. — А затем Бэй вознес молитву и вы разошлись по отдельным помещениям?

Морган кивнул.

— Я вернулся сюда и честно провел все время в молитвах и размышлениях. Я еще сидел за столом, когда в кабинет вкатился Сэм со словами о том, что произошло нечто ужасное.

— Вернемся к запискам. Вы были первым, кто придал им большое значение. Что вы думаете о них сейчас?

— Если быть честным, — Морган потер щеку, — я не думал о них с того самого момента, как погиб Рой.

— Вы говорили, что они дело рук опасного психопата. Вы не изменили свою точку зрения?

— Теперь я ничего не могу сказать. Правда. Возможно, что Барни и все остальные были правы. Это вполне мог быть человек с легким сдвигом. — Он громко откашлялся и закончил: — Если так, то Рой заплатил страшную цену за мое необоснованное беспокойство.

— Священники других церквей в округе серьезно завидовали вашему успеху. Не мог ли кто-нибудь из них подбрасывать записки, чтобы запугать духовного лидера Серебряного Шпиля?

Похоже, я зацепил его за больное место.

— Мистер Гудвин, как вы можете говорить подобное о наших братьях-христианах! — вскипел он. — Я совершенно исключаю возможность того, что какой-нибудь церковный деятель мог опуститься до подобного. Более того, недовольство мы вызывали только в первые годы существования храма после начальных успехов. Затем, когда мы утвердились, конфликт — сильно, кстати, преувеличенный прессой — пошел на убыль. Это произошло отчасти потому, что нам удалось привлечь много прихожан с Манхэттена и даже из более отдаленных районов. Мы практически не откусили ни кусочка от близлежащих приходов. Думаю, уже лет семь другие приходы не жалуются на то, что Серебряный Шпиль отнимает у них паству. В любом случае проблемы записок больше не существует — за последние два воскресенья не поступило ни одной.

— Не мог ли Мид быть их автором?

Мое предположение, похоже, ужаснуло его.

— Но это же... абсурд. Скажите, чего мог добиваться Рой, затеяв подобное дело?

Я пожал плечами.

— Ведь он в конце концов хотел здесь всем заправлять, не так ли? Может быть, он хотел запугать Бэя и вынудить его покинуть свой пост?

— Прошу прощения, — поднимаясь с оскорбленным видом, произнес Морган, — но наша беседа начинает принимать крайне неприятное направление. Я не был близок к Рою, однако продолжать дискуссию не желаю. Она унизительна как для него, так и для всего Серебряного Шпиля. Кроме того, я более ничем не могу воспоспешествовать вашему расследованию, а вам еще предстоят встречи с другими. Наверное, с Марли?

— И с Элиз Бэй тоже.

— О да, конечно, Элиз. Насколько мне известно, она появится в храме не ранее полудня, но Марли сейчас должен быть у себя. Я вас провожу.

Я тоже считал, что Морган мне ничем больше не поможет, и отправился вслед за ним к дверям, чтобы встретиться с человеком, который заказывает музыку.

Глава 10

Морган не скрывал желания поскорее избавиться от меня. Когда мы оказались в коридоре, он махнул рукой в сторону кабинета Вилкинсона, даже не изобразив при этом попытки проводить меня.

— Третья дверь налево, за главным административным офисом, — буркнул он. — Если Марли там не окажется, то, возможно, вы его найдете в комнате для хоровых спевок — кто-нибудь из секретарей вам ее покажет.

Я хотел было поблагодарить его, но, поразмыслив, предпочел нецивилизованное поведение. Тем более что Морган так поспешно нырнул в кабинет, захлопнув за собой дверь, что все равно не услышал бы слов благодарности. Даже предоставленный самому себе, я все же ухитрился отыскать дверь с маленькой бронзовой пластинкой, на которой было выгравировано имя в обрамлении нотных знаков. Я стукнул костяшками пальцев в очередную дубовую панель, и до меня донеслось едва слышное «войдите».

Толкнув дверь и переступив через порог, я оказался в еще одном великолепно декорированном интерьере. Здесь властвовали десятки оттенков коричневого цвета. Все, начиная со стен и ковров на полу и кончая портьерами, обивкой мебели и абажурами, было коричневым.

Белоснежные волосы Вилкинсона, как и говорил Фред, производили неизгладимое впечатление. Их обладатель, восседая за письменным столом, сделавшим бы честь даже Овальному кабинету, что-то строчил антикварным вечным пером размером с небольшую базуку. Автоматическая ручка и коричневая тройка в узкую полоску придавали Вилкинсону несколько старомодный вид. Не проявляя никаких чувств, он поднял на меня глаза.

— Да?

— Я Арчи Гудвин. Полагаю, мистер Бэй упоминал мое имя?

— Да, доктор Бэй говорил о вас, — подчеркнул он мою непростительную ошибку, остановив на мне взгляд голубых глаз, не более дружелюбный, чем тон голоса. — Садитесь, пожалуйста. Надеюсь, это не займет много времени?

— Не очень много, — ответил я, опускаясь на одно их двух одинаковых — разумеется, коричневых — кресел, стоящих перед столом. — Всего лишь несколько вопросов.

— У меня и времени «всего лишь на несколько вопросов», — передразнил он меня. — А если по совести, то и это слишком большая роскошь. Однако коль Барни попросил меня встретиться

с вами...

— Обещаю быть максимально кратким. Если я правильно понимаю деятельность этого заведения, то вы возглавляете в нем музыкальную часть.

— Вряд ли было нужно встречаться со мной лишь для того, чтобы получить подтверждение правильности вашего понимания.

— Это была лишь жалкая попытка придать нашей беседе оттенок светскости, — ответил я с широченной улыбкой, самой искренней из моего репертуара. — Скажите, ваша работа вынуждала вас часто вступать в контакт с мистером Мидом?

— Да, часто.

Я подождал пояснения, но оно не последовало.

— И как вам удавалось сотрудничать? — спросил я.

— У каждого из нас был свой круг обязанностей, — довольно резко ответил он. — Мы крайне редко вмешивались в дела друг друга.

— Как вы относились к Миду?

— Какое отношение к делу могут иметь мои чувства к Рою? — презрительно фыркнул он. — Вы меня, видимо, осудите, если я откажусь отвечать?

— Я не стану осуждать вас ни при каких обстоятельствах, — ответил я, продублировав искреннюю ухмылку. — Учитывая мой род деятельности, я вряд ли способен осудить даже самого дьявола.

Вилкинсон хихикнул, и на его вытянутой физиономии расползлась на сей раз подлинная улыбка.

— Должен сказать, что мне по душе ваша прямота, мистер Гудвин. Кстати, вы, случайно, не тенор?

— Не понимаю?

— Мне как раз недостает пары хороших теноров. Одного, к несчастью, его фирма перевела в Филадельфию, а второй решил податься в Колорадо, чтобы там попытаться найти себя, — не знаю, правда, что это означает в наши дни, — фыркнул он. — Да ладно. Вы пришли сюда не для того, чтобы решать мои проблемы. Что же касается моих чувств к Ройялу Миду, то они носили двойственный характер. Рой был чрезвычайно предан делу — настоящий трудоголик. Казалось, он живет в своем кабинете. Он торчал там утрами, вечерами, по всем субботам. Кроме того, он был хорошим проповедником. Но эта его постоянная взвинченность...

— Так что же?

Он некоторое время изучал свое прекрасное вечное перо и затем, сдвинув белоснежные брови, ответил:

— Рой был не способен разрядиться, по крайней мере я

всегда видел его напряженным, всегда на взводе. Уверен, мистер Гудвин, вы оценили масштаб нашей деятельности. Все же я не считаю храм деловым предприятием — таким, как на том берегу. — Он сопроводил свои слова неопределенным жестом в направлении Манхэттена. — Но Рой был единственным среди нас, не считая Ллойда, естественно, кто временами выглядел... не клириком, а бизнесменом. Вы меня понимаете? Точнее всего его характеризует слово «жесткий». Он абсолютно не владел искусством общения с людьми — был нетерпелив и требовал во всем совершенства в том виде, как он его понимал.

— И это не прибавляло ему популярности?

— О, он совершенно не пользовался популярностью. Знаете, внешне все выглядело так, будто мы беззаветно трудимся в одной упряжке, но такое впечатление создавалось потому, что члены «кружка веры» — добрые христиане и следуют учениям веры. Все мы стараемся прощать огрехи в поведении и всеми силами пытаемся избегать конфликтов. К тому же никто, зная, насколько высоко Барни ценит Роя, не хотел жаловаться. Несмотря на это, некоторые из нас время от времени все же беседовали с Барни на эту тему. Я уже говорил, что мои отношения с Роем строились более или менее нормально — музыкальная программа практически стоит особняком. Однако остальные жаловались мне на его резкое и временами даже оскорбительное поведение. Мне казалось, что Барни следовало знать об этом, я говорил с ним, естественно, не называя имен.

— Не сможете ли вы назвать их сейчас?

В ответ я получил ледяной взгляд.

— Конечно, нет.

Расскажите о том вечере, когда произошло убийство.

— Великий Боже, да все газеты и телевидение только и шумели об этом. Что я могу добавить? Фред Даркин практически обвинил кого-то из присутствовавших — он не назвал имени — в сочинении омерзительных записок, адресованных Барни, и Рой злобно на него обрушился. Даркин не остался в долгу и принялся сквернословить. Барни пришлось вмешаться. Он отослал нас на пятнадцать минут, чтобы поостыть. Остальное вам известно.

— Это вы нашли Мида?

— Да, — скривился он. — По истечении пятнадцати минут — на самом деле прошло немного больше времени — я поднялся из-за стола и выглянул в коридор. Так как я дальше всех располагался от конференц-зала, то я решил отправиться туда, предупреждая по пути всех остальных о возобновлении собрания. Дверь Роя была первой на моей стороне коридора, и я дважды постучал в нее. Не получив ответа, открыл дверь и нашел его...

уткнувшимся головой в стол.

— Кто, по вашему мнению, его убил?

Сердито вздохнув, он ответил:

— Перестаньте, мистер Гудвин. Мы все пошли вам навстречу, согласившись на эту идиотскую беседу. Но под крышей этого здания не найдется никого, кто бы не был убежден в том, что Роя застрелил Фред Даркин. Никого, включая Барни. Я восторгаюсь вашей верностью попавшему в беду товарищу, но, увы, верность обращена в ложном направлении. Окажите услугу обществу, откажитесь от нее.

— Считайте меня адептом борьбы за проигранные дела, — ответил я. — Что вы думаете по поводу записок, адресованных Барнаби Бэю?

Еще один сердитый вздох.

— Дело рук человека со странностями. У нас время от времени появляются неприятные люди, что естественно, учитывая еженедельное количество молящихся. Позволю себе, однако, выразить надежду, что вы никоим образом не пытаетесь связать записки со смертью Роя. Это было бы просто нелепо. Теперь же, боюсь, вы должны извинить меня, — произнес он, поднимаясь. — Менее чем через десять минут мне предстоит встреча с руководительницей хора воскресной школы.

Не в моих привычках мешать людям встречаться с женщинами. Я тоже поднялся с кресла, рассудив, что, по крайней мере на данный момент, больше ничего не смогу получить от Вилкинсона. Он проводил меня до дверей и, пожимая руку, холодно произнес:

— Хотел бы пожелать вам успеха, мистер Гудвин, но не зная, что в данном случае это означает, просто скажу гуд бай.

Парень мне не очень понравился, но, во всяком случае, он вел себя честно. Я тоже произнес слова прощания и вернулся в приемную Бэя, где на сей раз оказалась всего одна секретарша — Диана.

— Рада снова приветствовать вас, мистер Гудвин, — весело прощебетала она, поднимая глаза от пишущей машинки. — Вы уже поговорили с мистером Вилкинсоном, не так ли?

Я ответил, что поговорил.

— Значит, остается встретиться только с миссис Бэй? Миссис Бэй сейчас в конференц-зале разбирает документы. Сказала, чтобы вы шли прямо туда, она будет вас ждать. Конференц-зал почти в самом конце коридора слева, как раз за питьевым фонтанчиком.

Поблагодарив, я отправился по коридору в обратный путь к еще одной двери — за последние два часа мне довелось открыть

уже почти все. Хотя табличка на двери и говорила о том, что передо мной конференц-зал, я действовал так, словно входил в личный кабинет, и постучал по дубу. Выждав для благопристойности несколько секунд, я открыл дверь.

Я считал, что встречал в жизни достаточно красивых женщин, чтобы не остолбенеть при виде еще одной. Однако, увидев Элиз Бэй, я почувствовал желание тут же выскочить вон, чтобы купить ей дюжину алых роз. Хоть я уже и встречал ее сорок восемь часов назад, я оказался неготовым к виду прекрасного обрамленного темными волосами улыбающегося лица, которое она подняла на меня, оторвав взгляд от разбросанных перед ней на столе бумаг. Оставалось надеяться, что она не заметила, как перехватило дыхание у изощренного, познавшего все и вся детектива из огромного города.

— Мистер Гудвин, — произнесла она спокойным, полным тепла голосом с тончайшим южным акцентом, — присаживайтесь, пожалуйста. Прошу простить за то, что встречаю вас в конференц-зале, но именно он превращается в мой кабинет, когда я три-четыре раза в неделю заглядываю в храм.

Я заявил, что нисколько не возражаю, и уселся в кресло напротив, тщетно пытаясь подобрать прилагательное, наилучшим образом передающее золотистый оттенок ее глаз. Я не мог распознать ее духи, источающие тонкий аромат, но определенно ощущал желание познакомиться с этим благоуханием поближе.

— А я и не представлял, что вы занимаете здесь какой-то пост, — произнес я, чтобы положить непринужденное начало беседе.

Она улыбнулась и развела в стороны ладошки с наманикюренными пальчиками, воспроизводя жест, который я видел у ее мужа.

— Должна признаться: у меня здесь нет никакого поста. Меня просто можно назвать добровольцем, занятым полный рабочий день. Я организую работу групп, посещающих членов общины на дому, что требует ужасающего количества писем и телефонных звонков, — она показала на стоящий рядом телефонный аппарат. — По-моему, я вас уже видела. Ах да. В одной из экскурсионных групп Неллы Рейд. Это было позавчера, не так ли?

— У вас превосходная память, миссис Бэй, — улыбнулся я.

— Вас нетрудно заметить, мистер Гудвин.

— Я воспринимаю ваши слова как комплимент, конечно, если не услышу из ваших уст, что это не так, и, пожалуйста, зовите меня Арчи.

— Это само собой комплимент, а меня зовут Элиз. Кстати, Арчи от Арчибальда или от Арчера?

— Просто Арчи. Ваш муж сказал, с какой целью я здесь?

— Да, — утвердительно кивнула она. — Постараюсь вам помочь. Правда, не знаю, как и чем.

— Прежде всего каково ваше мнение о Ройяле Миде?

Она обвела взглядом комнату, по-видимому, пытаясь сформулировать ответ.

— Вопрос гораздо сложнее, чем может показаться, мист... Арчи. У меня нет единой оценки для Роя.

— Меня интересует все.

Она послала мне улыбку — видимо, одну из тех, которая несколько лет назад превратила в студень колени Берта Парка в Атлантик-Сити.[4]

— Рой был очень сложной личностью. Думаю, никто из нас, включая Барни, не понимал, насколько он непростая натура. Первое и самое главное — он был неутомимым работником. Боже, какой труженик! — воскликнула она, всплеснув руками и закатив глазки. — Мы просто надрывались, чтобы угнаться за ним. Мне никогда не приходилось встречать столь энергичного человека, хотя, поверьте, Барни по части энергии сам может дать сто очков вперед кому угодно.

— Иногда даже самое лучшее качество может оказаться в переизбытке, — заметил я.

— Да, и боюсь, что это самое «иногда» как раз имело место у Роя. Он был ужасно, ужасно взвинчен. Думаю, из-за этого он плохо уживался с людьми и часто ссорился с ними.

— И с вами в том числе?

Ее щечки слегка порозовели.

— Случалось. Рой обожал точность в деталях, а я в этом отношении не так хороша, как следовало бы. Это время от времени его раздражало, хотя дело выеденного яйца не стоило. Правда, надо сказать, что до открытого конфликта наши отношения никогда не доходили.

— И каким же образом он демонстрировал свое недовольство вами?

Элиз, нахмурившись, прикусила нижнюю губу сияющими зубками телевизионной звезды. Даже ее мрачный вид был неотразим.

— Знаете, возможно, я просто все раздуваю. Мне не хотелось бы представлять Роя каким-то злодеем или людоедом.

— Поверьте, вы его вовсе таким не рисуете.

— О'кей, — произнесла она, попытавшись улыбнуться. — Наверное, я немного нервничаю. Мне никогда не приходилось беседовать с частным детективом, и я не знаю, как говорить.

— Не стоит волноваться, тем более что по поводу убийства

Мида вас уже допрашивала полиция. Разве не так?

— Да. Но они, похоже, были уверены, что Роя застрелил Даркин, вы же считаете, что это сделал кто-то другой. Значит, убийца, по-вашему, один из нас?

— Возможно, — ответил я, пожимая плечами. — Вы начали мне рассказывать, как Мид проявлял свое недовольство вами.

— Пока не начала, Арчи, но расскажу. Рой действовал очень хитро или считал, что действует хитро. Обычно он в присутствии других людей говорил весьма снисходительным тоном что-нибудь вроде: «Учитывая вашу загруженность, можно понять, почему вы упустили из вида вот это и это». Это произносилось с таким видом, чтобы все видели, как я разбрасываюсь.

— А это действительно так?

— У нас четверо детей, хотя они уже вышли из младенческого возраста — двое ходят в колледж, а еще двое заканчивают школу. Но когда они были поменьше, мне приходилось большую часть времени проводить дома. Сюда я могла приходить не чаще раза в неделю. Теперь, когда этой заботы нет, я стала намного свободнее. Я состою в попечительском совете одного из приютов для женщин и три или четыре раза в неделю прихожу сюда. Я не чувствую себя перегруженной.

— Но почему Морган говорил, что вы буквально разрываетесь на части?

Она взглянула на кольцо с бриллиантом в два карата, украшающее ее безымянный палец, и произнесла, не поднимая глаз:

— Рой вообще не хотел, чтобы я работала в храме, даже в роли добровольной помощницы. Ему также не нравилось, что я вхожу в «кружок веры». При этом он старался не говорить ничего такого, что могло бы спровоцировать прямое столкновение с моим мужем. Но тем не менее Барни совсем недавно пришлось потолковать с Роем об отношении того к членам «кружка» и остальным сотрудникам.

— Сдается, что Мид приносил больше вреда, чем пользы, — заметил я.

— Но каким он был проповедником! — прошептала Элиз, подняв наконец глаза. — Он выполнял работу целой армии.

— Думаю, вы не удивитесь, узнав, что все мои познания о церкви можно уместить на небольшом листке бумаги, — сказал я, — ноя все же не могу понять, почему ваш муж не подыскал себе помощника, который лучше уживался бы с остальными членами экипажа. Каким бы замечательным проповедником Мид ни был, вы не сможете убедить меня в том, что он был незаменим.

Печально покачав головой, она произнесла:

— Нет, нет. Я не стану убеждать вас в этом. Незаменим лишь один Господь. По-видимому, никто не говорил вам о том, что произошло, когда они учились вместе в семинарии.

— У меня такое впечатление, что я вот-вот все узнаю.

— Об этом деле говорят очень редко. Я даже не уверена, что все члены «кружка веры» знают об этом давнем случае, — почти прошептала Элиз. Мне захотелось привстать и успокаивающе погладить ее по руке.

— Это случилось за несколько месяцев до того, как я познакомилась с Барни, — продолжила рассказ Элиз. — Он был на последнем курсе семинарии в Джорджии, а Рой учился двумя курсами младше, Они были приятелями, хотя и не близкими. На какие-то праздники, а может быть, на каникулы, точно не помню, они отправились в облюбованный студентами курортный городок на флоридском побережье Мексиканского залива — в Панама-Сити, если память мне не изменяет. И вот однажды Барни, который никогда не был хорошим пловцом, заплыл слишком далеко, и его увлекло подводное течение. Рой бросился в воду и вытащил его. Барни был без сознания — весь посинел, как говорил Рой, и спаситель применил искусственное дыхание, не знаю, какой метод использовался в те давние годы. Собралась толпа любопытных. Барни рассказывал: первое, что он увидел, придя в сознание, были лица склонившихся над ним людей. Рой оказался героем.

— Значит, ваш супруг обязан ему жизнью?

— Да, Арчи, — холодно произнесла она, — и по этому долгу Барни расплачивается без малого четырнадцать лет. Но я не хочу казаться ожесточенной, поэтому нам лучше оставить эту тему. Простите.

— Здесь нечего прощать. Полагаю, ваш муж взял Мида в помощники в счет погашения долга.

Элиз провела пальчиком по прекрасно очерченной брови.

— Это случилось примерно через год после того, как Барни переехал сюда. В то время здесь была лишь крошечная церквушка. Мы называем ее Канской часовней, вы видели ее позавчера с группой Неллы. Одним словом, Рой искал работу. После окончания семинарии он успел сменить несколько мест, последним был пост помощника пастора маленького прихода где-то в горных районах Теннесси. У него там ничего не получилось из-за расхождения в философских взглядах со своим шефом. Он попросил Барни дать ему работу, об остальном вы легко можете догадаться сами.

— Барни не смог сказать «нет».

— Именно, — ответила она, воинственно выдвинув подбородок. — Тогда мы здесь только начинали и не могли позволить себе иметь еще одного пастора, но вы точно сформулировали, Барни не смог сказать «нет». Я пыталась убедить его не нанимать Роя. Напоминала, что они не были близкими друзьями до того случая на море, но муж меня не слушал и твердил свое: «Я перед ним в долгу».

— Но это решение не повлекло за собой дурных последствий, если принять во внимание, как с того времени преуспел храм.

Элиз откинулась на спинку стула, и ее плечи поникли. Несмотря на это, она по-прежнему выглядела ослепительно.

— Я вовсе не считаю то решение ошибкой. Рой столько сделал для успеха Серебряного Шпиля, но...

— Но вы никогда не любили его.

Ее плечи опустились еще ниже, что заставило меня задуматься о том, как бы ее развеселить.

— Да, вы правы, — продолжила она. — Надеюсь, я любила его как христианка христианина. Я молилась за него так же, как за всех остальных членов «кружка веры». Но он мне никогда по-настоящему не нравился. Я хотела возлюбить его, очень хотела. — Неожиданно замолкнув, она с удивлением взглянула на меня: — Как вам это удается?

— Что именно?

— Заставить людей разговориться. За последние десять лет я меньше высказывалась о своем отношении к Рою, чем за время нашей беседы. Исключением был Барни, да и с ним я не осмеливалась говорить с такой прямотой. И вот появляетесь вы, едва успеваете задать вопрос, и я начинаю извергаться, как «Верный старик»[5].

— Этому фокусу я обучился много лет назад на Востоке, — сказал я с тонкой улыбкой. — Теперь, после того как я позволил вам пофонтанировать, расскажите мне о том вечере, когда был застрелен Мид. Собрание проходило в этом помещении, не так ли?

Она кивнула, окинув взглядом длинный стол.

— В этом зале. Уверена, вам известно, что «кружок веры» собрался здесь в полном составе. Мистер Даркин, естественно, тоже присутствовал. Я не хочу, чтобы вы подумали, будто у меня есть парапсихологические способности, но в тот вечер у меня возникли дурные предчувствия еще до начала собрания.

— Почему?

— Не знаю. Определенно причиной послужили не записки, полученные Барни. Они с самого начала меня не очень-то беспокоили, и я считала, что приглашать из-за них частного

детектива — глупость. Итак, записки или, вернее, тот, кто их написал, меня не пугали. Любой общественной фигуре такого масштаба, как Барни, неизбежно приходится иметь дело с ненормальными. Не знаю. Просто у меня было такое чувство... что должно случиться нечто ужасное.

— Кто, по вашему мнению, автор записок?

Она прикусила большой палец и покачала головой.

— Очевидно, кто-то не совсем здоровый. Время от времени у нас появляются довольно жуткие типы. Не знаю, может быть, их тянет сюда потому, что службы транслируются по телевизору... Может быть, еще что-то. Вообще я радуюсь тому, что мы имеем хорошую рекламу, все есть благо, что привлекает заблудшие души к Богу. Хотя при этом возрастает опасность появления людей, способных написать те отвратительные послания.

— Насколько я понимаю, вы не видите никакой связи между записками и убийством Мида?

— Боже мой, конечно, нет. Арчи, я знаю — он ваш друг, но я ни на секунду не сомневаюсь в том, что Роя убил Даркин.

Я откинулся назад, скрестил пальцы на затылке и сказал:

— Но ведь любой из присутствовавших на собрании имел возможность сделать это. Разве не так? Пока вы сидели по отдельным помещениям, предаваясь размышлениям, времени для убийства было более чем достаточно.

— Да, технически такое возможно, — заметно помрачнев, ответила она, — но добрые христиане, каковыми, по моему убеждению, являются все члены «кружка веры», не убийцы. Во-вторых, с какой стати кто-то из них — кто-то из нас — вдруг станет убивать Роя? И в-третьих, как мы могли узнать, где мистер Даркин оставляет свой пистолет?

— Прекрасные вопросы, Элиз, и я не могу на них ответить. Да это и не входит в мои обязанности. Я всего лишь коллекционирую факты. На вопросы же отвечает мистер Вулф. Я могу сказать лишь одно: Фред Даркин тоже не убийца. Как вы узнали о том, что Мид застрелен?

— От Марли Вилкинсона, который чуть ли не в истерике ворвался в комнату, где я находилась. Это он обнаружил Роя.

— Вы занимали свободный кабинет?

— Да, один из тех, которым пользуются секретари. Как раз рядом с офисом Роя.

— Но выстрелов вы не слышали?

— Нет, — ответила она, качая головой. — Но через эти стены вообще ничего невозможно услышать. Помню, как-то мы с Барни сидели в его кабинете, а Сэм Риз, чей кабинет рядом, выдвинул одновременно слишком много ящиков из высокого шкафа с

документами, и тот рухнул, едва не придавив беднягу. Сэм говорил, что падение произвело страшный шум, но до нас не долетело ни звука.

— Интересно. Что вы сделали после того, как Вилкинсон сообщил вам о Миде?

— Я помчалась к Рою в надежде, что смогу чем-то помочь, но там Барни уже делал ему искусственное дыхание. Я побежала сказать мистеру Даркину и Кароле о том, что случилось.

— Как отреагировал на это Фред?

— Он удивился. Или сделал вид, что удивился. Помню, я спросила его, не выходил ли он из кабинета. Думаю, что подсознательно я сразу стала подозревать его.

— Понятно. Я хотел бы ненадолго вернуться к запискам, потому что именно с них все началось. Их находили в этих... как вы их называете, «дарственных сумах»?

— Да. Шесть недель подряд.

— Что делают с сумами после завершения воскресных служб?

— Их относят в комнату этажом ниже — и там запирают до понедельника. В понедельник приходит специальная группа, которая подсчитывает наличные и сортирует чеки. Затем все поступления депонируются в банк.

— Замок открывается набором цифр?

— Да, — кивнула Элиз, — при помощи диска.

— Кому известна комбинация? — поинтересовался я.

— Всем членам «кружка веры» и больше никому, насколько я знаю. Но о чем это говорит?

— Возможно, ни о чем, — поднимаясь, ответил я. — Помните, я только сборщик фактов. Мне даже неизвестно, какие из собранных мной фактов окажутся полезными для мистера Вулфа. Я могу всего лишь напитать его сведениями и предоставить возможность гению идти своим путем. Однако вам предстоит еще масса дел, и я покидаю вас. Не беспокойтесь, выход я сумею найти самостоятельно.

Она улыбнулась, отчего у меня на миг вновь возникло желание броситься в ближайший цветочный магазин и купить дюжину роз «американская красавица» на длинных стебельках. Думаю, в наших краях найдется множество парней, обожающих посылать розы чужим женам, но я в их число почему-то не вхожу.

Глава 11

Когда я вернулся в дом на Тридцать пятой улице, было почти три часа дня. Вулф находился в кабинете, и, когда я вошел, он нехотя оторвал глаза от книги. В его взгляде я прочитал вопрос: «И что же?»

— Могу приступать к докладу?

— Вы уже питались?

— Нет, я...

— К дьяволу! Пустой желудок означает пустую голову, а у меня достаточно проблем с вашими умственными способностями и при набитом брюхе. Фриц приберег для вас тарелку своего фирменного блюда. Встретимся в шесть.

Значит, после того, как он расстанется со своими орхидеями, что меня как нельзя более устраивало. Мы с Вулфом были едины во мнении, что шедевр Фрица — запеченная в тесте с орехами подслащенная телятина — стоит того, чтобы ради него пожертвовать любым, даже самым важным делом. Во второй раз после вторжения Серебряного Шпиля в нашу жизнь мне пришлось есть за маленьким столом в кухне. Я расточал комплименты искусству Фрица, что всегда заставляло его краснеть.

— Как продвигается дело, Арчи? — спросил он, нервно сжимая полотенце. Фриц постоянно беспокоится, когда у нас нет работы, а когда работа имеется, он опасается, что нам не заплатят.

— Движется понемножку, — ответил я. Мне не хотелось ему говорить, что дело с каждым днем все более становится упражнением pro bono[6]. Я разделался с телятиной, добавил к ней кусок яблочного пирога и с чашкой кофе отправился в кабинет. Там я уселся за свой стол и прокрутил в памяти от начала до конца результаты моих «раскопок». Из всех разговоров следовало, что Ройял Мид ухитрился восстановить против себя всех членов «кружка веры», хотя и в разной степени. Но с какой стати, задавал я себе вопрос, церковник, пусть даже самый свирепый противник Мида, вдруг решил застрелить парня? Бесспорно, даже по самой мягкой оценке, он сидел у всех занозой в заднице. Но таких людей тысячи и тысячи, а они почему-то не становятся мишенью.

На листке блокнота я вывел печатными буквами имена всех членов «кружка веры». Первым шел ужасно серьезный, неуверенный в себе и немного параноидальный Роджер Джиллис, абсолютно убежденный в том, что Мид жаждал скинуть его с поста руководителя образовательной программы. Очень трудно

представить Джиллиса, убивающим что-нибудь больше паука, и при этом паука крошечного. Но Мид унижал его публично, что и тихоню может вывести из себя. Я помню одного «тихого книжника» — автослесаря из Ньюарка, который стал известен всей стране тем, что принялся палить во все стороны из «узи» только из-за того, что босс оскорбил его в присутствии клиентов.

Может быть, и Джиллис был таким зарядом динамита, ожидающим запала?

А как насчет Сэма Риза — этой динамо-машины маркетинга? Парень был возмущен тем, что Мид, как ему казалось, пытался оттеснить его в сторону. Весьма перспективный кандидат в преступники. Я без труда мог представить его с улыбкой нажимающим на спусковой крючок и наблюдающим, как Мид валится головой на стол. Но достаточно ли у него характера или, если на то пошло, мотивов, чтобы прикончить Мида?

Но, по-моему, Карола Риз выглядела еще более перспективным кандидатом. Во-первых, совершенно ясно, что прежде чем сочетаться браком с Сэмом, она уже успела пробежать несколько кругов по стадиону жизни. Во-вторых, либо она была первоклассной актрисой, либо действительно искренне возмущалась отношением Мида к мужу. Второе было более вероятно. Мне нравятся женщины, способные поднять щит, прикрывая мужа. Разве не мог стать таким щитом пистолет тридцать восьмого калибра? Итак, леди определенно заслуживала дальнейшего внимания.

Рядом с именем Марли Вилкинсона я поставил большой вопросительный знак. Признаться честно, он был очень неприятным, высокомерным типом. Я недолюбливаю людей, которые заявляют, что моя «уверенность обращена в ложном направлении». Но, увы, ни один из этих недостатков не позволял квалифицировать его как убийцу. И если принять слова Вилкинсона на веру, то Мид не совал свой нос в музыкальную программу. Правда, внутренний голос шептал, что отношения между этими ребятами были не так просты, как уверял меня Вилкинсон. Вопросительный знак оставался.

Несмотря на попытку Ллойда Моргана стать нашим клиентом, я не стал пока исключать его из круга лиц, заслуживающих внимания. Хотя, пожалуй, он выглядел слишком чванливым и консервативным для того, чтобы задумать столь решительное действие, как убийство, а уж тем более чтобы осуществить его. Кроме того, я совершенно не видел мотивов, по которым он мог бы прикончить Мида. Поэтому я поставил его одним из последних в списке.

Оставалась супружеская пара Бэй. Я решил оставить самого

падре в стороне, по крайней мере на время. И без этого все выглядело достаточно скверно — кто-то стоящий достаточно высоко в церковной иерархии застрелил священника, — и мне пока не хотелось видеть убийцей Самого Ценного Игрока Лиги.

Теперь Элиз — потрясная Элиз. Она серьезно недолюбливала Мида, и чтобы сообразить это, вовсе не требовалось умственной мощи Вулфа. Не нужна гениальность и для того, чтобы увидеть за великолепным экстерьером существо с мертвой хваткой и стальным характером. Принимая во внимание ее абсолютную преданность мужу, можно допустить, что каждый, кто представляет для него хотя бы потенциальную угрозу, автоматически становится ее врагом. Логично? Да, но все же я не представляю Элиз с пистолетом Фреда, наведенным на Мида. И вовсе не потому, что она ослепила меня своим видом, хотя это именно так. Я знавал красоток, которые использовали револьверы для решения своих проблем. Среди них оказалась и та, которая, как я тогда надеялся, могла бы стать классной миссис Гудвин. Но эту историю я расскажу как-нибудь потом.

Еще раз изучив список, я покачал головой. Ничего не прояснилось. На какую-то секунду я даже допустил мысль о том, что Фред Даркин действительно мог нажать на спусковой крючок, но тут же возненавидел себя за такое предположение. Фред не мог быть убийцей.

Фред питает отвращение к насилию, даже когда того требует дело. Может быть, поэтому он и не добился больших успехов в нашем бизнесе. Прелесть жизни, по его представлению, заключалась в том, чтобы смотреть по вечерам телевизор вместе с Фанни и ребятишками. Он даже несколько раз отказывался от прекрасной, но требовавшей отлучек из города работы.

Только раз на моей памяти я видел Фреда пытавшимся застрелить человека. У меня имелись веские основания запомнить этот эпизод. Несколько лет назад владелец транспортной компании обратился к Вулфу с просьбой выяснить, кто разворовывает из фургонов груз — главным образом компьютеры и другую электронную аппаратуру. Вулфа загадка не очень заинтересовала, но наш банковский счет в тот момент оказался на редкость худосочным, и мне продолжительным нытьем удалось заставить его взять дело. Оно оказалось более сложным, чем я предполагал, и нам пришлось прибегнуть к помощи Сола Пензера и Фреда Даркина, чтобы вести наблюдение за складом и погрузочной площадкой в Бруклине, где, как считали Вулф и я, товар изымался с грузовиков.

Однажды ночью я дежурил с Фредом. Мы оба были вооружены. Склад был величиной с квартал, и в нем было темно,

как в чреве кита. Около полуночи мне показалось, что я слышу какой-то шум. Я оказался прав, но, увы, чересчур медлителен. Я обнаружил вора, или, вернее, он обнаружил меня. До сих пор в памяти стоит ослепительная вспышка света карманного фонаря. «Молись, да побыстрее, тебе крышка», — прошипел бандит. Я услышал выстрел и замер, ничего при этом не почувствовав. Фонарь со стуком упал на пол, раздался стон. Когда я подскочил к парню, тот корчился на полу, зажав рану на правой руке. На рукаве уже начало проступать алое пятно, и рядом валялся пистолет.

Я навел на него свое оружие и осторожно посветил фонарем вокруг себя. В полосу света вступил Фред, в его опущенной руке был револьвер.

— Арчи, ты в порядке?

— Да. Это ты стрелял?

— Я. Разок.

— Бог мой, какой выстрел! Ты же вмазал ему точно в руку.

— Отвратительно, Арчи, — он присвистнул, глядя на корчившегося на полу бандита. — Я изо всех сил старался сразить гада наповал.

Сейчас не время говорить об этом, но не один Бэй находится в неоплатном долгу перед кем-то.

Я все еще клял себя за мысль, что Фред может быть убийцей, когда телефонный звонок вернул меня к действительности.

— О мистер Гудвин, как я рада, что застала вас, — в голосе Каролы Риз чувствовалось напряжение. — Мне надо с вами поговорить.

— Сейчас самое удачное время. Приступайте.

— Нет. Я хочу... я хочу сказать, что нам следует встретиться. Я бы предпочла, чтобы это был не телефонный разговор. Я нахожусь на Манхэттене, на паромном терминале. Готова встретиться в любом назначенном вами месте так скоро, как меня сможет домчать туда такси.

Я подумал, не пригласить ли ее к нам, но сообразил, что Вулф может появиться в самый неподходящий момент, в разгар беседы. Карола и без того казалась взволнованной, и присутствие Вулфа не прибавило бы ей смелости. Не говоря уж о его отношении к визиту дамы. В особняке из бурого известняка женщин терпели только тогда, когда не было иного выхода.

— Слушайте, — начал я, бросив взгляд на часы, — сейчас четыре тринадцать. На юго-западном углу Третьей авеню и Двадцать девятой улицы есть кофейня. Тихое чистое местечко с уютными кабинками. Я буду ждать вас там, ну, скажем, без четверти пять. У вас куча времени, чтобы туда добраться.

Она рассыпалась в благодарностях, что показалось мне некоторым перебором. Повесив трубку, я заглянул в кухню сообщить Фрицу, что отправляюсь в путешествие, но к ужину обязательно вернусь.

Фриц воспринял это известие без всякого энтузиазма.

— Арчи, ты слишком часто пропускаешь прием пищи, — сказал он с такой горечью, словно я только что сообщил ему о смерти близкого родственника. — Это очень плохо.

Заверив Фрица в том, что не намерен остаться без его омаров в соусе из белого вина, я выбрался на улицу. Небо затянула серая пелена, но я рискнул, поставив на то, что дождя не будет, и зашагал на восток по Тридцать пятой улице. На Третьей авеню свернул направо и показался в кофейне без двадцати пять. Карола еще не пришла, и я, оккупировав одну из кабинок, заказал кофе.

Но я едва успел сделать три глотка, как появилась Карола в огромных солнечных очках с розовато-фиолетовой оправой. У нее был такой вид, будто она только что высадилась на берег в стране, о языке которой не имеет ни малейшего представления. Заметив меня, она судорожно вздохнула, улыбнулась и, занимая место напротив, произнесла:

— Благодарю вас за то, что вы нашли возможность встретиться со мной без предварительного договора. Надеюсь, вы не рассердились?

— Свой гнев я экономлю для более серьезных неприятностей, — ухмыльнулся я, — для тех случаев, когда «Мете» проваливает игру или таксист не знает, как проехать от Херальд-сквер до Рокфеллеровского центра. Теперь скажите, какова повестка дня нашей встречи.

— Я чувствую себя так глупо, — слабо улыбнулась она, — но, право, не знаю, что делать. Следует начать с того, что моя жизнь... что я не всегда вела правильный образ жизни... вы, надеюсь, понимаете, что я хочу этим сказать.

— Миссис Риз, до сих пор мне не удалось встретить ни единого человека, ведущего абсолютно правильный образ жизни.

— Вы очень милы, мистер Гудвин, — ответила она, отпив кофе из только что поставленной перед ней чашки, — но это действительно так. Я говорю сущую правду. До того как я стала посещать службы в Серебряном Шпиле и встретила там Сэма, я шагала по жизни кривой дорожкой.

— Почему вы именно сейчас решили облегчить душу?

Она посмотрела вниз на чашку, потом сняла темные очки и снова нацелила на меня взгляд своих зеленых глаз.

— Из-за того, что мне сказал Рой Мид.

— Я весь внимание.

— Мне трудно говорит об этом, но сегодня утром, когда вы беседовали со мной и Сэмом, я поняла, что вы из тех людей, которые... которые прислушаются к моим словам. Я не знаю, каков мистер Вулф, но вы мне кажетесь человеком справедливым, не стремящимся сразу осудить ближнего.

Я не смог изобрести подходящего ответа и промолчал. Она опять улыбнулась, на сей раз искренне и широко, и продолжила:

— После того как мы с Сэмом поженились — шесть лет тому назад, — я почувствовала, что появилась возможность начать жизнь сначала. Скажу по совести, я этот шанс использовала. Жизнь стала меняться сразу после того, как я начала петь в церковном хоре. У меня хороший голос, мистер Гудвин, и я много лет выступала в ночных клубах — здесь, в Поконосе, в Кэтскиллсе и даже в небольших заведениях Вегаса. Можете себе представить, среди какого рода людей я вращалась в те дни.

Она сделала паузу, чтобы вздохнуть и отпить еще кофе. Чашка так сильно тряслась в ее руке, что казалось, кофе сейчас расплещется.

— Но вам, наверное, не хочется выслушивать всю эту чепуху.

— Я готов выслушать все, что вы пожелаете сказать.

За эти слова известный психотерапевт доктор Арчи был награжден еще одной улыбкой.

— Мы познакомились с Сэмом месяца через три после того, как я начала петь в хоре, — сказала Карола. — Это произошло на одном из приемов с кофе и сладостями после воскресного хорового концерта. К этому времени он уже четыре года был вдовцом и... между нами возникли отношения. Вы понимаете?

Я кивнул сочувственно и спросил:

— А что же насчет Роя Мида?

— Ах да. Вас интересует, что он мне сказал... Примерно через год после того, как мы с Сэмом сочетались браком, Барни создал «кружок веры». Я была несказанно удивлена, когда Барни попросил меня войти в него. Я решила, что он пригласил меня только как жену Сэма, и сказала, что это очень мило с его стороны, но я не могу принять эту дань вежливости.

«Нет, Карола, — заявил он, — я хочу, чтобы в труппу входил не только ваш супруг, но и вы. Ваш путь к вере может вдохновить многих, и не принижайте себя из-за своего, как вы полагаете, непростого прошлого. Ваш жизненный опыт наградил вас более глубоким пониманием мира, и я убежден, что он только укрепляет вас на вашем пути к Богу».

Так я вошла в «кружок веры», но уже на первом собрании я смогла почувствовать, что Рой категорически против этого, хотя причины его недовольства не могу понять до сих пор.

— Вы никогда его не спрашивали?

— Нет. Я всегда старалась по-своему избегать конфликтов. Но мне кажется, что это каким-то образом связано с моим замужеством. Рой знал первую жену Сэма, и, может быть, по его меркам я была значительно ниже ее. Не исключено, что он не одобрял моего образа жизни до того, как я открыла путь к Господу, и его чувства в таком случае легко понять. Рой и я редко разговаривали друг с другом, ограничиваясь ничего не значащими словами вроде: «Привет. Прекрасная погода, не правда ли?» Как-то, примерно месяцев восемь тому назад, я сортировала по конвертам нашу корреспонденцию в одном из свободных помещений — я занимаюсь этим раза два в неделю, когда храму требуется дополнительная пара рук. Дверь оставалась открытой, а по коридору проходил Рой. Увидев меня, он вошел, прикрыв за собой дверь.

— Не совсем понятный поступок, учитывая сложившиеся между вами отношения?

— Весьма. И это изумило меня. Он подошел к столу, мрачно взглянул на меня сверху вниз и сурово спросил: «Как вы уживаетесь с Марли?» Я не поняла, куда он клонит, и ответила: «Прекрасно». — «Еще бы, — произнес он отвратительным тоном. — Бедный, бедный Сэм». Тут я, конечно, уловила, на что он намекает — иногда я туго соображаю, поднялась из-за стола и громко спросила, что он, собственно, имеет в виду. Я вся дрожала, с трудом сдерживаясь от слез. Но он лишь ухмыльнулся, фыркнул и ушел. Это было ужасно.

— Просто так, для справки, каков характер ваших отношений с Марли Вилкинсоном?

Карола мрачно кивнула и произнесла:

— Уместный вопрос. Марли великолепный хормейстер — немного жесткий, но прекрасный. И наши отношения — это только отношения дирижера и певицы, не более того. Не хочу, чтобы вы подумали, будто я хвастаю, но он счастлив видеть меня в хоре. Во-первых, я действительно хорошо пою, и во-вторых, ему не приходится мне платить, что весьма полезно для бюджета. В нашем хоре работают несколько платных солистов, но я в их число не вхожу. Я миссис Карола Риз и хочу оставаться только ею. Мне нравится петь — в том числе и соло, — но только на добровольной основе.

— Вы передали мужу слова Мида?

Отведя взгляд в сторону, Карола сказала:

— Нет... никогда. Я уже говорила, что не люблю конфликтов, и мне не хотелось огорчать его. Я готова на все, лишь бы избавить его от любых неприятностей.

— А если бы вы сказали, он поверил бы в вашу невиновность?

Держа чашку двумя руками, Карола нерешительно взглянула мне в глаза.

— Да, я... почти уверена, что поверил бы, — тихо сказала она. — Я хотела сказать ему, но потом решила действовать обходным путем. Несколько раз я спрашивала, не провожу ли я, по его мнению, чересчур много времени в хоре, и он постоянно отвечал что-то в таком роде: «Нет, если ты, конечно, не слишком там устаешь». Ему нравилось, что я пою, и он гордился моим вкладом в общее дело.

— Не говорил ли Мид Вилкинсону нечто подобное тому, что сказал вам?

— Насколько я знаю, нет. Не могу представить, что бы Марли промолчал, услышав такое. Он наверняка зачитал бы Рою акт об объявлении войны и тут же отправился бы к Барни, чтобы сообщить об этом.

— Кому-нибудь, кроме вас, было известно о словах Мида?

— Не думаю, хотя я все время опасалась, что обо всем узнают — хотя на самом деле узнавать было нечего.

— Как вы думаете, почему Мид решил сказать это?

Она пожала плечами и покачала головой.

— Не знаю. Конечно, он был не очень приятным человеком и...

Ее глаза расширились, словно она увидела привидение, и конец фразы повис в воздухе. Обернувшись, я увидел высокого широкоплечего парня с беспорядочной гривой курчавых темных волос. Было заметно, что он уже успел где-то перебрать. Он таращился на Каролу, изумленно моргая.

— Будь я проклят, — заплетающимся языком выговорил он, — если это не наша огненная певичка собственной персоной. Боже, сколько же времени я не видел тебя, детка. Вот это удача!

— Привет, Дерек, — упавшим голосом ответила она.

— Похоже, ты не больно-то рада встретить старого друга? — сказал он с ухмылкой, опираясь руками о стол и косясь на меня.

Содержание алкоголя в окружающей нас атмосфере тут же подскочило до сорока пяти градусов.

— Дерек, это Арчи Гудвин. Арчи, это Дерек Маккеи.

— Можешь не вставать, приятель, — сказал Маккей, шлепнув меня по плечу мясистой лапой. Повернувшись к Кароле, он продолжил: — Слышал, что ты смылась на Стейтен-Айленд и отхватила там какого-то попа. Это он, что ли?

Карола съежилась, откровенно желая спрятаться под стол.

— Нет, Арчи просто мой друг, — пробормотала она.

— Да, он не сильно смахивает на проповедника, — заржал

Маккей. — Все ясно, бэби. Ты разом захомутала и мужа, и дружка. Славно сработано!

Я бросил на него один из самых сердитых взглядов, имеющихся в моем репертуаре.

— Послушайте, — сказал я Дереку, — почему бы вам не выйти на улицу подышать свежим воздухом? Миссис Риз и мне надо обсудить кое-какие дела.

Он заржал.

— Так, значит, она теперь миссис Риз? Держу пари, вам обоим есть о чем потолковать. О приятных делишках. И почему тебе так везет, приятель?

— Не слишком ли рано, дружок, ты приложился к веселящему соку сегодня? По-моему, тебе пора сваливать, — сказал я, поднимаясь на ноги.

Он был дюйма на два выше меня и примерно на столько же превосходил длиной рук. Но Дерек пребывал под градусом, и это создало у меня ложное ощущение безопасности. Когда он нанес удар правой, я запоздал с реакцией, и его кулак врезался мне в скулу, отбросив меня назад. Парочка из соседней кабинки и старикан вскочили со своих мест и откатились на безопасное расстояние, официантка же, открыв рот, взирала на нас из-за стойки.

Я сграбастал правую руку Маккея и, вывернув ее одним быстрым движением, взял в замок, точно так, как учат все руководства по рукопашной борьбе. Он взвыл и наградил меня парочкой весьма ярких эпитетов, я же тем временем повел его к дверям, приговаривая:

— Пойдем, дружок, на улицу, посмотрим, какая сегодня погода.

Я толкал его перед собой, так, чтобы на меня не попала мерзость, капающая из его пасти.

— Есть два возможных исхода, приятель, — продолжил я, когда мы оказались на тротуаре. — С одной стороны, я могу посмотреть, как далеко завернется твоя рука, прежде чем сломается, а с другой — могу ее отпустить, и ты пойдешь дальше, как будто ничего не случилось. Но если я тебя отпущу, а ты попытаешься совершить очередную глупость, то имей в виду — окажешься на асфальте быстрее, чем успеешь произнести свое самое любимое нехорошее слово. — Для убедительности я слегка дернул его лапу.

— Господи! Хорошо, хорошо. Пойду, пойду!

Я отпустил его руку, и этот дурачок вознамерился снова ударить прямой справа. Но на сей раз я был настороже. Без труда парировав удар, я двинул его правой в челюсть и левой в

солнечное сплетение. Он сложился как перочинный нож. Я был готов провести еще одну серию, но он лишь выл, зажав брюхо обеими руками. Наша однораундовая схватка собрала небольшую, но горластую аудиторию. Покажи ньюйоркцу что-нибудь забавное, и он сразу забудет про все дела.

— Знаю, знаю. Ты собираешься сообщить мне, что если бы был трезв, то уложил бы меня тремя, ну в крайнем случае четырьмя ударами, — сказал я. — Не исключено, но маловероятно.

Выругавшись еще раз, он распрямился, скрипя зубами и сверля меня взглядом. Для меня осталось неясным, какого эффекта он хотел добиться этими действиями. Но спросить я не успел, так как он, все еще сквернословя, потащился по Третьей авеню.

Когда я вернулся в заведение, Карола бросилась мне навстречу.

— С вами все в порядке? — взволнованно спросила она. — О, я вижу, что не все — посмотрите на ваше лицо! — намочив бумажную салфетку в стакане с водой, дама приложила ее к моей щеке.

Я скривился от боли, что вполне могло сойти за улыбку.

— Это одна из причин, почему мистер Вулф столь щедро оплачивает мои труды.

Я обратил внимание на то, что многие посетители оставили свои места, а официантка пялится на меня так, словно я болен ветрянкой.

— О, прошу прощения, — пробормотала Карола, отнимая от моего лица салфетку, на которой виднелось небольшое красное пятнышко. — Он... Дерек— один из тех, о ком я недавно говорила, человек из прошлого, — пояснила она, когда мы уселись за свой столик. — Я не видела его много лет и не имела представления, что он живет в Нью-Йорке. Это еще раз говорит о том, что от прошлых ошибок скрыться невозможно. Они так или иначе настигнут тебя.

— Не согласен, и вам не советую верить в это. Самое время припомнить то, что я слышал много лет назад в воскресной школе о прощении грехов. Откуда вы знаете Маккея?

— Дерек был барменом в Кэтскиллсе, когда я там пела. Он все время клеился ко мне, но безрезультатно. Даже тогда, почти десять лет назад, он крепко пил.

— Вот как. С той поры он, видимо, не исправился. Приходилось ли вам встречать других из той прошлой жизни?

— Никогда. Это первый случай после моего замужества. Надеюсь, что и последний.

Я тронул скулу салфеткой: щека вздулась, но кровотечение прекратилось.

— Вернемся к Миду. Как вы полагаете, почему он это сказал?

— Не имею понятия. Когда появился Дерек, я как раз начала говорить, что Рой не был приятным человеком, но вам это уже известно из разговора с Сэмом и мной.

— Помнится мне, что в этой связи были употреблены слова «низкий» и «мелочный». Не могли Мид сказать что-то мистеру Ризу о вас и Вилкинсоне?

Внимательно изучив свои ногти, она задумчиво произнесла:

— Не думаю. Сэм рассказал бы мне.

— Но вы-то с ним не поделились?

— Нет.

— Хотя и были уверены, что он не усомнится в вас?

На глазах Каролы выступили слезы, и ее начала бить дрожь.

— Я испугалась. Я хочу сказать, что он знает... о моем прошлом. Так же как все остальные в «кружке веры». Я рассказывала, и все, кроме Роя, проявили понимание и морально поддержали меня. Но я по-прежнему стыжусь тех лет и считаю, что я хуже, чем все остальные.

— Почему вы выбрали именно меня, чтобы рассказать о мерзкой выходке Мида?

Она вытерла слезы очередной бумажной салфеткой.

— Наверное, потому, что вы можете узнать об этом от кого-нибудь другого.

— Следовательно, вы подозреваете, что он говорил и с остальными о вас и Вилкинсоне.

Она вздохнула, и из ее нефритовых глаз выкатились две слезинки.

— Думаю, что да. Но это еще не все.

— Слушаю.

— Много лет назад у меня был ребенок. Я была не замужем, но отец, естественно, имелся. Он совершенно не интересовался ни мной, ни младенцем, но был готов платить за мое молчание. Я не захотела брать деньги — он был отвратительным типом, Арчи. Правда, я тоже была далеко не золото. — Сделав паузу, чтобы вздохнуть и глотнуть давно остывшего кофе, Карола продолжила: — Так или иначе, но я отдала младенца — это была девочка — для удочерения. Не имею представления, где она теперь. Ей исполнится пятнадцать. Об этом эпизоде моей жизни я не говорила в Серебряном Шпиле никому, даже Сэму. У меня не хватило мужества сделать это. Но Рою Миду удалось пронюхать и о ребенке.

— Каким образом?

— Этот год для меня — год так называемых старых друзей. Я сказала, что никого не встречала, но это не совсем так. Дерек — второй. Отец моего ребенка вылез из какой-то норы недель шесть назад. Он увидел мою фотографию и статью о церковном хоре в одной из местных газет. Теперь он не женат, нуждается в средствах и...

— И он стал шантажировать вас?

Карола с трудом сглотнула и сказала:

— Он прислал письмо в храм, адресованное «Старшему пастору — лично». Получилось так, что его распечатал Рой. Барни в это время сочетал приятное с полезным, отдыхая и выступая с проповедями в Австралии, поэтому вся почта шла через Роя.

— Готов держать пари — Миду эта корреспонденция очень понравилась, — заметил я.

— Конечно, — мрачно согласилась Карола. — Он примчался ко мне с письмом в руке. Автор требовал пятьсот долларов за «обещание помалкивать о том, что могло бы поставить Храм с Золотым Шпилем в неловкое положение». Эта скотина — его зовут Кайл — даже не мог назвать правильно цвет шпиля. Я уж не говорю о том, что ни один человек в здравом рассудке не станет шантажировать церковь. Меня — да, но не церковь же.

— Похоже, этот Кайл — настоящая лапочка. Что сказал Мид, показывая вам письмо?

— Рой с трудом скрывал свой восторг. Он с большой помпой заявил о том, что мог бы показать послание всем остальным, но делать этого не станет. Сказал, что разберется с Кайлом сам. При этом все время кривился и фыркал. Затем — Господи, как я ненавидела Роя Мида — он произнес: «Пусть, Карола, это послужит вам уроком. Я, конечно, исповедую всепрощение, как учит нас Господь, но все же должен сказать, мне трудно поверить в то, что вы отреклись от своих прошлых прегрешений. Один неверный шаг с вашей стороны, и я буду вынужден решать, как мне следует поступить с этим письмом». Рой Мид не понимал одного, Арчи. Никто, включая Сэма, не знал до конца о том, что происходило в те годы. Если бы Рой имел более полное представление об этом, он превратил бы мою жизнь в сущий ад.

— Вы не знаете, как Мид «разобрался» с Кайлом?

Она покачала головой и, опустив взгляд, ответила:

— Думаю, Рой просто запугал его. Как я сказала, Кайл — настоящая скотина. Во всяком случае, был таковым в то время, когда я его знала. Судя по письму, он с тех пор к лучшему не изменился. В основе своей он трус, и Рой сумел припугнуть его. Я не стала спрашивать. Письмо, которое он, очевидно, сохранил, страшно беспокоило меня. Но еще больше беспокоило меня то,

что Рой Мид в некотором роде держал меня в своих руках.

— Но какая ему от этого могла быть польза? — спросил я.

— Честно говоря, не знаю. Больше он с этим ко мне не подходил, — с горечью произнесла Карола. — Он обожал манипулировать людьми. Стремился всех держать под контролем.

— Это вы убили Мида? — поинтересовался я, выдерживая тон обычной беседы.

Она дернулась; взмахнув руками и опрокинув чашку, в которой еще оставался добрый глоток кофе.

— Конечно, нет! — прошипела Карола. — Иначе бы я вам всего этого не рассказывала. — Она посмотрела на меня с таким видом, словно я отвесил ей пощечину.

— Иногда виновные бывают весьма разговорчивыми, — ответил я. — Может быть, потому, что хотят пустить кого-то по ложному следу...

— Значит, вы мне не верите? — Карола забыла про осторожность, и мы вновь оказались в центре внимания всех присутствующих. Она заплакала и попыталась выскользнуть из кабинки.

— Я не говорил, что не верю, — успокоил я ее, поднимая ладонь. — Было ли найдено среди вещей Мида письмо Кайла?

Она вновь опустила взгляд и начала наманикюренным ногтем указательного пальца рисовать круги на пластмассовой столешнице. Когда она открыла рот, ее «нет» было едва слышно.

— Наверное, было непросто его найти?

Она тяжело подняла голову и посмотрела на меня. На сей раз в ее взгляде я не увидел тепла.

— Что вы хотите этим сказать?

— Пусть мой юный вид не вводит вас в заблуждение, — ухмыльнувшись, произнес я. — Хотя я и кажусь пареньком, который недавно снял значок скаута, но, признаюсь, мне уже приходилось несколько раз заходить в незнакомые кварталы не только для того, чтобы помочь пожилым леди перейти через дорогу... Письмо Кайла вы нашли в ящике стола Мида. Разве не так?

Кароле явно хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Где угодно, но только не здесь. Надо все же сказать, что она достойно приняла удар. Повертев некоторое время в пальцах чашку, она откинула со лба непокорную прядь и подняла на меня свои прекрасные зеленые, вновь наполнившиеся теплом глаза.

— Да, оно оказалось в его письменном столе. Я подождала, пока полиция не закончит осмотр кабинета. Надо сказать, они не очень старались, роясь в его вещах. Видимо, были уверены, что уже нашли виновного.

— Похоже на то. И много времени вам потребовалось, чтобы найти письмо?

Она залилась краской. Никому не хочется выглядеть человеком, сующим нос в чужие дела, каковы бы ни были мотивы.

— Нет, не много. Я решила, что оно должно находиться в одном из ящиков стола, а не в шкафах с бумагами, и оказалась права. Через два дня после убийства Роя я рано утром пришла в храм. Сэму я сказала, что хочу прорепетировать соло. Письмо я нашла меньше чем за пятнадцать минут. Оно оказалось среди других бумаг на разные темы.

— Где оно сейчас?

Она улыбнулась, но в улыбке не было радости.

— Где оно может быть? Я уничтожила гнусное послание, порвала в мелкие кусочки и развеяла с парома по заливу.

— Следовало бы арестовать вас за умышленное загрязнение гавани города Нью-Йорка, — сказал я, — но я воздержусь от этого. Теперь, когда письма нет, какой смысл рассказывать мне о нем? Похоже, что тайна сохранится, если Кайл не наберется храбрости и не состряпает еще одно.

— А если Рой сделал копию? — хрипло сказала она.

— Не исключено, — согласился я. — Но зачем все-таки рассказывать?

Карола нервно провела рукой по волосам.

— Да потому, что мне надо было рассказать кому-нибудь просто для того, чтобы не свихнуться. А если не ошибаюсь, вы привыкли выслушивать секреты и умеете их хранить. Кроме того, вы не похожи на человека, который бегает по соседям, осуждая ближних своих.

— Боюсь, мне придется взять плату за получасовой сеанс психотерапии, — улыбнулся он. — О'кей, что теперь, после того как вы облегчили свою душу?

— Теперь?.. Теперь по крайней мере я чувствую себя лучше, — сказала Карола, отвечая на улыбку улыбкой.

Несколько мгновений я изучал ее отлично подкрашенное лицо, размышляя, чему из сказанного можно верить, потом предложил уйти. Официантке были оставлены приличные чаевые, чтобы компенсировать спад деловой активности в результате моего спарринга с Маккеем. Девица не изменила своей кислой гримасы — некоторые люди органически не понимают шуток.

Выйдя на улицу, я остановил такси и, открывая дверцу, заверил миссис Риз еще раз, что она вовсе не хуже всех остальных, подвизающихся в храме. Карола благодарно улыбнулась, хотя ее сомнения, видимо, не развеялись окончательно. Не исключено, что сам источник заверений не

внушал ей полного доверия.

Глава 12

Домой я вернулся пешком, взбежал по ступеням и, зная, что Фриц запирает дверь на цепочку, нажал кнопку звонка. Дверь отворилась только после второго звонка.

— Ваше лицо... — произнес он, прежде чем пропустить меня в дом.

— Фриц, вы обладаете удивительной способностью замечать очевидное, — бросил я, переступая через порог.

— Но ваше лицо... с ним надо что-то сделать, — печально сказал он.

— Могу лишь повторить свой комментарий, — заявил я и отправился в кабинет, где Вулф сражался с кроссвордом из воскресного выпуска лондонской «Таймс».

Увидев меня, он хмыкнул и сказал:

— Ваше лицо...

— Видимо, все дело в доме, — объявил я. — Всего лишь тридцать секунд назад я переступил его порог, а уже двое встреченных мной обитателей приветствовали меня словами «ваше лицо». Сейчас я отправлюсь в оранжерею к Теодору. Он почти никогда не удостаивает меня беседой, лишь ворчит без повода, но на сей раз Тедди наверняка произнесет: «Ваше лицо — я узнаю его».

— Боюсь, что инспектор Крамер прав, утверждая, что вы не прекратите паясничать даже на собственных похоронах, — проворчал он. — Что случилось?

— Я наткнулся на кулак. Но только один раз. Тому парню повезло меньше.

— Кто бы сомневался. Идите приведите себя в порядок. Потом расскажете.

Пройдя в свою комнату и посмотревшись в зеркало, я оценил нанесенный мне ущерб. Синяк на левой скуле был размером с полудолларовую монету и приобрел цвет спелой сливы. Намочив полотенце в холодной воде, я прижал его на полминуты к больному месту. Затем осторожно подсушив ссадину, я заклеил ее пластырем. Только после этого вернулся в кабинет. Вулф, одолев кроссворд, занимался самогипнозом, наблюдая за всплывающими пузырьками в бокале с пивом.

Я плюхнулся в кресло за своим письменным столом, повернулся лицом к боссу и произнес:

— Итак, начнем с самого начала.

После этого последовал подробный устный отчет о последних восьми с лишним часах моей жизни, начиная с визита в

Серебряный Шпиль и кончая посадкой Каролы Риз в такси. Не обошел я вниманием и свою короткую схватку с Маккеем. Он слушал, закрыв глаза и сцепив руки на своем необъятном брюхе. За все время повествования Вулф не произнес ни слова.

В последующие полминуты его гениальность также ничем не проявила себя, поэтому мне пришлось продолжать:

— Забавно, что после стольких лет Карола именно сегодня встретилась с парнем.

Он едва заметно шевельнул плечами, что должно было означать их пожатие.

— Может, и забавно. Но она говорит, что редко посещает Манхэттен и встреча с Маккеем может быть простым совпадением. Как вы полагаете, между ней и мистером Вилкинсоном в самом деле только профессиональные отношения?

Вулф почему-то непоколебимо убежден, что я способен проникнуть в самые потаенные глубины женского сердца и ума. Он, естественно, ошибается, но мне не хотелось бы его разочаровывать.

— Пятьдесят на пятьдесят, — сказал я, — с легким перевесом в сторону того, что кое-что имеется. Уж очень она рьяно все отрицала.

Он вновь смежил веки.

— О'кей, — бросил я через полминуты, — что теперь?

— Время ужина. Омары под соусом из белого вина.

При всей загадочности натуры Вулфа его приоритеты хорошо известны. Мы поступили с омарами Фрица, как и следовало поступить, и за это время я выслушал монолог о том, почему железные дороги послужили важнейшим фактором продвижения американцев на запад в конце восьмидесятых годов прошлого столетия.

Когда мы вернулись в кабинет, чтобы выпить кофе, я потребовал от Вулфа дальнейших инструкций. Он промычал нечто напоминающее «никаких» и открыл книгу Стивена Фрезера «Труд будет править». Я приготовился высказать в нескольких ярких выражениях, что думаю по этому поводу, но звонок у входа не позволил мне излить душу.

— Открою, — во весь голос заявил я. — Не исключено, что это потенциальный клиент — дама, которая желает, чтобы вы отыскали ее чихуахуа, сорвавшегося с поводка на Бликман-плейс.

Но нашим посетителем оказался инспектор Крамер.

— Входите, — радушно произнес я, распахивая перед ним дверь, — а мы как раз собирались заняться метанием в цель швейцарского армейского ножа Вулфа. Но не беспокойтесь, мы

можем сделать это и в другое время.

— Вы, Арчи, патентованный трепач, — бросил он, вваливаясь в дом и устремляясь к кабинету. — Что случилось с вашим портретом?

— А я-то опасался, что вы не заметите. Случайно оказался на пути старушки, катившей на роликовых коньках в «Мейсиз»[7] на большую весеннюю распродажу.

Не могу сказать, улыбнулся ли Крамер, так как он не оборачиваясь вбежал в кабинет и бросился в кресло из красной кожи. Вулф выглянул из-за книги и вскинул брови.

— Да-да. Я и сам удивляюсь тому, что оказался здесь. Если бы мне захотелось посмеяться, то я предпочел бы сидеть дома и смотреть по ящику сериал из жизни полицейских, а не выслушивать остроты вашего придворного шута, — сказал Крамер и для пущей убедительности ткнул большим пальцем в мою сторону.

— Не могу не согласиться с вами в том, что юмор Арчи носит рудиментарный характер, — со вздохом произнес Вулф. — Я беседовал с ним на эту тему неоднократно — в том числе и сегодня вечером. Большое испытание для разумного человека.

— Да. Но хотите верьте, хотите нет, я пришел не для того, чтобы обсуждать достоинства и недостатки Гудвина. Я желаю знать, что происходит с делом Даркина.

Вулф отхлебнул пива и сказал:

— Мне известно, что Фред обвиняется в убийстве. Получило ли следствие дальнейшее развитие?

— Бросьте, Вулф, валять дурака! Вы прекрасно знаете, о чем я толкую. Гудвин сегодня провел более четырех часов в этом религиозном монстре на Стейтен-Айленде. Почему-то я не верю, что он там предавался молитвам.

— Визит Арчи в храм вовсе не должен вас удивлять. — Вулф помахал ручкой. — Как я заявлял ранее, мы намерены установить личность убийцы мистера Мида.

— Угу... И что же вы нашли?

— Положа руку на сердце, ничего, что позволило бы выступить с обвинением.

— Не приходится удивляться, — раздраженно бросил Крамер, — учитывая, что нужного парня уже прихватили.

— Нет, сэр, мы оба знаем, что это не так. Если бы вы были убеждены в виновности Фреда Даркина, то вряд ли стали бы тратить драгоценное время ваших людей на слежку за Арчи.

— Абсолютно верно, — я включился в разговор, весьма смущенный тем, что не заметил хвоста в Серебряном Шпиле. Мне захотелось спросить Крамера, не видел ли его филер, как я

нокаутировал Маккея на Третьей авеню, но, подумав, решил не дразнить инспектора.

— Что же, мы действительно послали кое-кого за Гудвином, — ответил капитан, вытянул из кармана сигару и сунул ее в рот. — Я совершенно вам не доверяю, особенно, когда речь идет о спасении шкуры вашего человека.

— Ну зачем же так, мистер Крамер? — сказал Вулф, укоризненно шевельнув указательным пальцем и чуть подвинувшись в кресле. — Вы глубоко заблуждаетесь, если полагаете, что мы способны взвалить ответственность на невинного.

— Но это же единственный способ спасти Даркина.

— Полагаю, что не единственный. Я настолько бесцеремонен, что хочу просить у вас содействия. Я намеревался позвонить вам сегодня вечером и задать три вопроса. Во-первых, провели ли ваши люди тщательное обследование кабинета мистера Мида?

— Любопытно, что вы об этом упомянули. Один из моих ребят нашел нечто интересное в пачке бумаг на дне ящика стола — фотокопии шести записок с угрозами, адресованных Бэю.

— И что вы по этому поводу думаете? — спросил Вулф, приподняв брови.

Крамер почесал затылок.

— Не исключено, что Мид хотел отправить босса в преждевременную отставку, чтобы самому возглавить дело.

— Ах вот как, сэр? Вы действительно верите в то, что Мид являлся автором записок?

— Посмотрите, что получается. Мы узнали — полагаю, и Гудвину это удалось, — что Мид отравлял всем существование и к тому же был дьявольски честолюбив. Но если вы хотите связать записки с убийством, то это пустой номер. Выкладывайте остальные вопросы.

— Вы беседовали с вдовой мистера Мида?

— Рауклифф потолковал с ней у нее дома — на острове, примерно в миле от церкви. Она занимает большой пост в брокерской фирме на Уолл-стрит. Рауклифф говорит, что дама — крепкий орешек, держалась отлично. Заявила, что не понимает, почему кому-то понадобилось убивать ее мужа. Правда, так говорят все. Рауклифф выжал из нее не много. Надо сказать, что он не очень и старался, ведь Даркин уже был за решеткой. По словам жены, Мид любил свою работу и проводил в церкви очень много времени. Ну и что из того? Я тоже торчу на службе. Думаете, где я нахожусь каждый вечер до половины девятого?

— Когда же вы успеваете смотреть телесериалы из жизни полицейских? — пробормотал Вулф. Похоже, что человеческая

натура никогда не переставала изумлять его.

Крамер покосился на измочаленную сигару с таким видом, словно впервые заметил ее.

— Ладно, — начал он, — сдается мне, что вы прилипли к этому делу и не бросите его. За эти годы я изучил вас достаточно и понимаю, что в мире не существует способа заставить вас отказаться от того, во что вы вцепились. Кстати, кто вам платит?

— Никто, — ответил Вулф,

— Невероятно. Сюжет для Рипли[8]. Хорошо, если вы случайно набредете на интересную информацию — хотя я ничего не ожидаю и подчеркиваю если — то, надеюсь, вы со мной поделитесь.

— Резонная просьба, сэр.

— Я тоже так считаю. Ваш третий вопрос?

— Вы провели эксперимент, подтверждающий, что выстрел, произведенный в кабинете мистера Мида, невозможно услышать при закрытых дверях?

— Да. Это сооружение —- настоящая крепость. Один из моих людей стрелял в том кабинете холостыми из пистолета тридцать восьмого калибра, и ребята в коридоре говорили, что слышали шум, похожий на стук упавшей на ковер книги — маленькой книги. Мы также разместили людей во всех прилегающих кабинетах. Так эти парни не слышали ничего — ни звука.

— Прежде чем я уйду, хочу, чтобы вы внимательно выслушали мои слова, вы оба, — сказал Крамер, поднялся с кресла и встал рядом со столом Вулфа. — Это важно, потому что ваш Даркин в дерьме по самые уши.

— Вам прекрасно известно, что я предпочитаю видеть глаза собеседника на одном уровне с моими, — проворчал Вулф.

— Ничего, я постою, — прорычал в ответ Крамер. — Кроме того, вашей шее упражнение пойдет только на пользу. Так или иначе, но вам следует знать две вещи. Во-первых, департамент в Олбани[9], выдавший вам, ребята, лицензии, получил дней десять назад письмо от некоего Ройяла Мида из муниципального округа Ричмонд. Муниципальный округ Ричмонд, к вашему сведению, — не что иное, как Стейтен-Ай-ленд, говорю на тот случай, если вы, парни, прогуляли урок географии, на котором это проходили. В письме (второй экземпляр под копирку был направлен Даркину) говорилось, что он, Даркин, не может в силу своих качеств обладать лицензией на частный сыск в штате Нью-Йорк. В качестве иллюстрации приводились примеры его действий в Серебряном Шпиле. Так, он якобы методом запугивания пытался заставить двух женщин познакомить его с личными делами некоторых служащих. Обе, естественно, отказались и доложили

обо всем Миду. По просьбе из Олбани я направил своего человека в храм проинспектировать деятельность Даркина, и там еще одна женщина-секретарь, работающая неполный день, сказала ему, что слышала, как Даркин произнес: «Я прикончу этого выродка». Слова были сказаны в коридоре после шумного спора с Мидом.

Вулф чуть приподнял плечи.

— Пустая болтовня рассерженного человека.

— Конечно. Но как, по вашему мнению, это будет выглядеть, когда шестидесятилетняя милая маленькая женщина — в ней не более четырех футов одиннадцати дюймов — процитирует Даркина на суде перед присяжными?

— И это все? — спросил Вулф.

— Вам этого недостаточно, черт побери? — проревел Крамер, грохнув кулаком по крышке стола перед носом Вулфа. — Ваш Даркин — горячая голова, ходячий ствол и так далее... Не надо меня провожать. Я знаю, где выход.

Все же я проследовал за ним через прихожую и запер дверь.

— Не очень приятная новость, — сказал я Вулфу, вернувшись в кабинет. — По-моему, она огорчила и Крамера. Во-первых, он не швырнул свою изуродованную слюнявую сигару в корзину и, во-вторых, по дороге к выходу не оскорблял меня. Вообще не проронил ни слова, хотя возможности сострить обычно не упускает.

— Наши точки зрения, Арчи, совпадают весьма редко. Сейчас я с тобой согласен. Инспектор, по большому счету, честный человек. Методы его работы, так же как и умственные способности, зачастую не соответствуют стандартам, однако этого нельзя сказать о его совестливости. Мистер Крамер действительно обеспокоен, потому что, несмотря на его слова и заявления, он так же, как и мы, убежден в невиновности Фреда. Однако, являясь одновременно и прагматиком, инспектор понимает, что продолжить официальное следствие, по существу, значит признать, что один преданный слуга церкви прикончил другого не менее преданного слугу. Допустить подобное предположение весьма рискованный шаг для высокопоставленного чиновника. Начальство постарается превратить его в посмешище, не говоря о том, что сделают с ним наименее ответственные представители средств массовой информации. — Вулф вздохнул и закончил: — Нам одним придется извлекать Фреда из трясины, которая, к сожалению, становится все глубже.

— О'кей, — сказал я. — Приступим к извлечению. Каков будет наш следующий шаг?

Вулф позвонил, чтобы принесли еще пива, и, уместив

поудобнее свою тушу, произнес:

— Навестите завтра миссис Мид. Используйте все ваше искусство следователя, чтобы узнать отношение ее мужа к своей работе и коллегам. Затем вернитесь в церковь и попросите у Бэя разрешения провести обыск в офисе мистера Мида. Если он откажет в просьбе, позвоните мне.

— Что мне следует искать?

— Да, действительно... — Он пожевал губами и продолжил: — Безусловно, многие — включая убийцу — уже изрядно похозяйничали в бумагах мистера Мида, так что улики, если они и существовали, могли быть уничтожены. Тем не менее может случиться, что некоторые крошки избежали щетки. Используйте свой интеллект, помноженный на опыт.

— Мне, похоже, где-то уже доводилось слышать последние слова, — ухмыльнулся я.

— Мудрый совет не страдает от повторений, — произнес он с высокомерным видом. — Обратите особое внимание на Библии мистера Мида. Уверен, что на полках их будет несколько. Пролистайте их, обращая внимание на заметки на полях, подчеркивания или страницы с загнутыми углами.

— Так вы все-таки считаете, что это он писал записки с угрозами Бэю?

— Я этого не говорил, — ответил Вулф. — Да, и еще одно дело.

— Какое?

— В воскресенье посетите службу в храме мистера Бэя.

— А это еще зачем? С таким же успехом я могу посмотреть по телевизору, что, кстати, не заказано и вам.

— Мне хотелось бы располагать плодами ваших наблюдений и непосредственных реакций, — изобразив недовольную гримасу, ответил Вулф. Он отхлебнул пива и скрылся за книгой.

Я подумал было о достойном отпоре, но, по здравом размышлении, промолчал. В конце концов я получил что хотел — оперативный приказ, а от того, что я восстановлю против себя фельдмаршала, никакой дополнительной пользы ожидать не приходилось.

Глава 13

Когда Вулф отдает приказы, он редко задумывается над тем, как их следует выполнять, полагая, что именно за это он мне платит. Поэтому на следующее утро, сразу после завтрака, я уже сидел в кабинете, набирая номер телефона, который уже много лет помнил, как «Отче наш».

— Отдел расследования убийств, — пролаял грубый голос.

Я сообщил, что желаю говорить с Крамером, и через секунду-другую услышал его фирменное сердечное:

— Да!!

— Говорит Гудвин. Мне необходимо узнать парочку вещей: имя босса миссис Мид и ее адрес на Стей-тен-Айленде.

— С какой стати я должен вам их сообщать?

— А почему бы и нет? Насколько это касается вас, расследование закончено. Разве не так?

— Скажу вам по секрету — имеется такая штука, как закон о защите частной жизни граждан.

— Бросьте, инспектор. Я без труда могу выяснить это из других источников. Подумал, что проще узнать у вас. По старой дружбе.

Он произнес слово, которое заставило бы покраснеть его престарелую матушку, и затем добавил:

— Не старая дружба, а старая задница... Если припомнить все те неприятности... Господи, да стоит ли сотрясать воздух? Вы же все едино ничего не поймете. Ждите!

Он замолк и возник через несколько секунд с искомыми сведениями. Я начал благодарить, но тут же осознал, что беседую с брошенной трубкой.

По телефону, сообщенному Крамером, я позвонил в брокерскую контору на Уолл-стрит. Мне ответил скрипучий женский голос:

— Миссис Мид будет отсутствовать до конца следующей недели. Желаете, чтобы ваше сообщение было записано?

Я отказался от этого предложения. Итак, на Стейтен-Айленде мне придется побывать по двум адресам. Зайдя в кухню, я сообщил Фрицу, что отбываю по делу, которое займет большую часть дня.

— Но это же означает, что вы пропустите еще один прием пищи? — Он в изумлении потряс головой. Похоже, что особняк из бурого известняка населен людьми, которых не перестают удивлять странности человеческой натуры.

Пообещав, что впредь стану вести себя лучше, я отправился в

соседний квартал, в гараж, где нашел пристанище наш «мерседес». Светило солнце, уличное движение, слава Богу, было сносным на всем пути через тоннель в Бруклин и оттуда до самого Стейтен-Ай-ленда. Моя верная карта «Пять графств» безошибочно привела меня к Каслтон-авеню, а с нее к заканчивающейся тупиком улочке, на которой в кленовой рощице приютился белый с голубыми ставнями двухэтажный особняк Мидов, построенный в голландском колониальном стиле.

Запарковавшись на единственном свободном месте во всем квартале — рядом с пожарным гидрантом, я с помощью зеркала заднего вида поправил галстук, подаренный мне Лили Роуэн на день рождения, и, поднявшись по ступеням парадного входа, надавил на кнопку звонка.

— Да?

Ее лицо, обрамленное русыми волосами, несмотря на усталый вид, было неплохо ухожено. Голубые глаза изучали меня без особого интереса. Она была одета в длинную мужскую рубашку и синие джинсы.

— Миссис Мид?

— Да, я Сара Мид.

Всю дорогу от Манхэттена я обдумывал, как лучше разыграть свою партию. И начал так:

— Меня зовут Арчи Гудвин. Я частный детектив, работающий на Ниро Вулфа. Не исключено, что у вас нет ни малейшего желания беседовать со мной, не говоря уж о том, чтобы пригласить в дом. Я вполне понимаю ваши чувства, но хочу сказать: мистер Вулф глубоко убежден в том, что ваш супруг погиб от руки не того человека, который сейчас обвиняется в убийстве.

Уголок ее рта дрогнул, но выражение глаз не изменилось.

— И вы согласны с вашим работодателем, мистер Гувин? — спросила она голосом негромким, но в то же время строгим.

— Согласен.

Я могла бы попросить вас удостоверить личность, если бы ваше имя и внешность не были мне знакомы. Ваше фото ведь появлялось в газетах?

— Да, пару раз было такое...

— Гораздо больше, чем пару раз, как мне кажется.

— Входите, пожалуйста, — сказала она и, отступив в сторону, пропустила в дом.

Мы вошли в просторную гостиную с темными деревянными балками потолка, камином и мебелью в колониальном стиле.

— Присаживайтесь. Не желаете ли кофе? Я только что налила себе. Надеюсь, вы ничего не имеете против желудевого?

Я кивнул и поблагодарил, а когда она вернулась с дымящейся чашкой в руках, я уже устроился в более или менее удобном кресле.

На столике у моего локтя стояла фотография в никелированной рамке. На снимке были запечатлены Сара Мид, ее муж и светловолосый мальчишка тинейджер, видимо, их сын.

— Я, конечно, знаю из газет и телевизионных передач, что мистер Даркин — коллега, ваш и мистера Вулфа, — сказала она, опускаясь на диван. — Поэтому вы так убеждены в его невиновности?

— Не могу отрицать этого и не сомневаюсь, что мистер Вулф скажет то же самое, если вы спросите непосредственно его. Но именно потому, что Фред наш коллега, и потому, что мы знаем его очень давно, мы убеждены, что он не убийца. Подобное абсолютно не вписывается в его характер.

Она нахмурилась и отпила кофе.

— Но он же детектив. И он носит оружие.

— Верно. Но мне ни разу не приходилось видеть, чтобы он использовал его кроме как в целях самообороны. — Я предпочел не упоминать о том, какую пользу я однажды извлек из этого действия.

— Но у него очень горячий нрав.

Я кивнул, с удовольствием попивая кофе. Сам Фриц одобрил бы меня.

— Да, миссис Мид, это так. Но скажу еще раз: наверное, я знаю Фреда Даркина лучше, чем другие, за исключением членов его семьи и, возможно, Ниро Вулфа. Время от времени мне приходилось видеть проявления его темперамента, но, насколько мне известно, он никогда — подчеркиваю, никогда — в состоянии гнева не прибегал к насилию. Это просто не в его стиле.

— Даже когда он чувствует себя оскорбленным? — Сара Мид аккуратно поставила чашку на столик и наклонилась вперед. — Я любила мужа, мистер Гудвин, очень любила. Но мне были прекрасно известны его недостатки, так же как и ему мои. Несмотря на духовный сан, Рой мог быть чрезвычайно язвительным и колким. Насколько я понимаю, он наговорил грубостей вашему другу в тот вечер... в присутствии остальных членов «кружка веры».

— Мне это известно. Но я абсолютно уверен в том, что слова вашего супруга, обращенные к Фреду, могли заставить последнего дать только словесный отпор, что он, как вы знаете, и сделал.

Пожевав с несколько отрешенным видом свой палец, она

спросила:

— Хорошо, если Фред Даркин не стрелял, то кто же это сделал? Неужели вы предполагаете, что один из членов «кружка веры»? В храме, кроме них, не было ни души.

— Мистер Вулф не исключает такую возможность. Именно поэтому я здесь. Не говорил ли ваш муж в последние несколько месяцев о каком-нибудь конфликте между ним и одним из его коллег? Это могло быть случайное замечание, нечто такое, чему вы в свое время не придали значения.

Она в раздумье постучала пальцами по краю чашки.

— Вы очень откровенны со мной, мистер Гудвин. Я весьма ценю это и отвечу так же прямо. Я уже говорила, что Рой отличался склонностью к безжалостной критике. Он был чрезвычайно требователен к работающим с ним людям и выходил из себя, когда они не оправдывали его ожиданий. Время от времени он жаловался мне практически на всех своих коллег, начиная с Барни.

— Какова была суть этих жалоб?

— О, они были весьма разнообразны, — ответила она, разводя в стороны ладони. — Особенно резко он был настроен против Роджера Джиллиса, что меня огорчало, так как Роджер кажется честным, серьезным и преданным делу молодым человеком. Но Рою казалось — и, как мне видится, он был прав, — что Роджер уже не справляется с руководством образовательной программой. Не раз Рой публично заявлял, что Роджер плохой организатор и скверный руководитель. Муж хотел убрать его с этого поста, но не мог убедить Барни сделать это.

— Ваш муж действительно считал, что Бэй слишком снисходительно относится к персоналу?

— Да, в этом и была суть дела. Рой для характеристики Барни придумал фразу «Он терпит посредственность во имя спокойствия» и частенько повторял ее. Правда, я думаю, что он говорил это только мне, и никому более.

— Не похоже, что он популяризировал свой афоризм в храме. Ваш муж когда-то спас жизнь Бэя, не так ли?

Она кивнула. Теперь она выглядела очень усталой.

— Да, он вытащил Барни из воды много лет назад, в их бытность студентами. Однако Рой очень не любил, когда затрагивалась эта тема: он опасался, что все станут думать, будто Бэй взял его на работу только из чувства благодарности.

— А это было действительно так?

— Возможно, — пожала она плечами. — Но думаю, Рой уже давно доказал свою полезность.

— Говорил ли он с вами об остальных членах «кружка веры»?

— Иногда. От бессилия что-то исправить. Он считал, что Сэм Риз манкирует своей работой, что Морган заурядный функционер-крохобор, а Марли Вилкинсон правит музыкальной программой как независимым королевством, отказываясь отчитываться перед кем-либо.

— А как насчет миссис Риз и миссис Бэй?

Она разразилась весьма приятным для уха смехом:

— Господи, я похожа на деревенскую сплетницу. Хорошо, что вы не записываете нашу беседу на пленку.

— Я не делаю заметок даже на бумаге.

— Прекрасно. Карола ему никогда не нравилась — он чувствовал в ней какую-то фальшь, хотя и признавал, что она отличная певица. Что же касается Элиз, то я не помню существенной критики в ее адрес. Он просто жаловался, что ей не следует входить в кружок, что она введена в него только из-за своего семейного положения. То же самое он говорил и о Кароле.

— Не знаете ли вы, не испытывал ли кто-либо из членов «кружка веры» финансовых трудностей?

Она сморщила лоб и ответила:

— Насколько помнится, Рой ни разу не упоминал об этом. Вы недавно спросили о конфликтах между ним и остальными. Пока мы беседовали, я припомнила слова Роя, сказанные несколько недель назад. Не помню, как возникла эта тема, но... Ага, вспомнила! Я пожаловалась ему на одного из моих служащих, который провалил дело. Я сказала, что уже дважды предупреждала этого типа, но он не исправился, и, похоже, мне не остается ничего другого, кроме как уволить его. На это Рой заметил, что у него самого имеются проблемы с персоналом, и эти проблемы нельзя оставить без внимания.

— Не могли бы вы припомнить его слова как можно точнее?

Она закрыла глаза и пощелкала языком.

— Сейчас... кажется, он сказал что-то вроде: «У меня тоже возникла скверная ситуация. Так или иначе, но я должен разобраться с ней в ближайшие недели. Я уже установил крайний срок».

— Вы спросили его, в чем дело?

— Да, — кивнула она. — Но Рой не пожелал развивать тему и замолчал.

— Это было необычным для него поведением?

— Не сказала бы. Из того, что я вам наговорила, создается впечатление, что он постоянно жаловался мне на состояние церковных дел. Это вовсе не так. Просто я суммировала сейчас все, что он говорил в течение многих лет. По правде, он вовсе не любил толковать о делах. Я выкладывала о своей работе гораздо

больше, чем он.

— И к этой теме он больше не возвращался?

— Никогда.

— Не был ли он в последнее время угнетен сильнее, чем обычно?

Она тяжело вздохнула и ответила:

— Нет. Я ничего не заметила, хотя, как мне кажется, всегда хорошо чувствовала его настроение.

— И последнее: ходили ли вы в церковь, чтобы разобрать вещи вашего мужа?

— Да. Я заскакивала, чтобы забрать одну коробку, и мне придется заезжать еще раз... Пока я взяла только вещи, связанные с семьей... фотографии мои и сына... — Голос при последних словах оборвался. Маска спокойствия начала осыпаться, и я поднялся на ноги.

— Я отнял у вас массу времени, миссис Мид. Благодарю вас за то, что вы согласились побеседовать со мной. — Вручив ей визитку, я добавил: — Если вы вспомните что-нибудь, с вашей точки зрения, важное, был бы вам весьма признателен за звонок.

— Наверное, будет не совсем честно, если я вам от всего сердца пожелаю удачи, — негромко произнесла она, проводив меня к двери и крепко пожав руку, — но я хочу быть уверена, что наказан действительно виновный, будь то мистер Даркин или кто-то иной.

— Совершенно с вами согласен, — сказал я через плечо, спускаясь по лестнице и размышляя, каким образом такая женщина могла выйти замуж за столь необаятельного типа, как Мид.

Глава 14

Через десять минут после того, как я покинул Сару Мид, я уже подруливал к обширной автомобильной стоянке Храма с Серебряным Шпилем. Если не считать десятка машин, сгрудившихся у входа в храм, стоянка была пуста, как стадион в середине зимы. Я занял место в двадцати шагах от парадных дверей и вступил в фойе, где рыженькая секретарша мусолила журнал «Пипл» и, энергично работая челюстями, жевала резинку.

Она подняла глаза и, продемонстрировав белоснежные зубы и ямочки на щеках, радостно вскричала:

— Привет! Это опять вы? Видимо, вам здорово у нас понравилось!

— Само собой. Правда, половину удовольствия я получаю при виде вас и вашего наряда. Эта голубая штучка очень впечатляет.

— Спасибо, — сказала она, залившись краской, словно младшекурсница на первом свидании. — Это любимый цвет моего приятеля.

— У него отличный вкус. Не могли бы вы звякнуть Диане и сказать, что пришел Арчи Гудвин и что он хотел бы встретиться с доктором Бэем?

— С удовольствием. И вы могли не называть своего имени, я его и так запомнила.

Я выразил свою бесконечную благодарность и подождал, пока она беседовала по телефону.

— Она говорит, чтобы вы шли прямо туда, — сказала рыженькая, возвращая трубку на место. — Дорогу вы знаете.

— Хэлло, мистер Гудвин, — пропела Диана, когда я вошел в помещение. Создавалось впечатление, что сообщество секретарш храма не было потрясено недавним убийством. — Доктор Бэй проводит совещание, но он извещен о вашем приходе и просит подождать. Совещание скоро закончится.

Это оказалось правдой. Высокий тощий лысый тип, которого я не видел раньше, возник из кельи Бэя, мрачно кивнув Диане и ее коллеге, которая за все время так и не оторвала взгляда от пишущей машинки.

— Вы можете пройти, — сказала Диана.

Ее улыбка была не столь ослепительной, как у рыжульки, но определенно более искренней. Я тоже улыбнулся в ответ.

— Приветствую вас, мистер Гудвин, — нейтральным тоном произнес Бэй, когда я приблизился к его столу. — Простите, что заставил вас ждать, но у меня была встреча с нашим заведующим финансовой частью. Вопросы долларов и центов, — улыбнулся

он. — Никто, даже церковь, не может прожить без денег.

— И насколько же могуч ваш поток наличных? — спросил я.

Он развел ладони в своем традиционном жесте.

— Общие поступления совпадают с нашими предварительными наметками, даже несколько превышают их. Мы слегка недобрали наличности — это в основном деньги от воскресных даяний непостоянных посетителей, не являющихся членами общины. Ее постоянные члены переводят деньги, выписывая чеки ежемесячно или даже ежеквартально. У каждого делового предприятия возникают финансовые проблемы, а мы, как я не устаю напоминать, тоже в некотором роде являемся деловым учреждением.

Я сказал Бэю, что хотел бы провести несколько минут в кабинете Мида.

— Я не собираюсь ничего похищать; если вам угодно, вы можете приставить ко мне наблюдателя.

— Что вы ищете? — спросил он с улыбкой, но прищурив глаза.

— Не знаю, до тех пор пока не увижу. Если увижу вообще.

Бэй скрестил руки на груди и произнес:

— Похоже, что вы отправляетесь ловить рыбу, но не знаете, будет ли клев. До сих пор мы шли навстречу вам и мистеру Вулфу, однако всему наступает предел.

— Не думаю, что после этого у нас к вам останется много просьб. И я проведу там не более часа.

— Сара... миссис Мид уже забрала некоторые личные вещи, и она хочет заехать еще раз, когда у нее будет настроение. Ллойд, Сэм и Диана просмотрели всю переписку Роя и другие документы, чтобы никакие важные церковные дела не затерялись. Совершенно не представляю, что же такое вы рассчитываете обнаружить, что поможет вам в вашем... изыске.

Неторопливо поднявшись, Бэй подошел к занавешенным окнам, потянул за шнур, раздвинул кремовые шторы и бросил взгляд на асфальтовую парковку и Канскую часовню, уютно угнездившуюся вдали среди деревьев.

— Вы действительно считаете, что это необходимо? — тихо спросил он.

— Не исключено, что это поиски черного кота в темной комнате, — признался я. — Но ни вы, ни ваша церковь от этого ничего не теряют. У Мида не было оснований что-то прятать, не так ли? Но если даже я не прав, то Морган, Риз, Диана или его жена к настоящему времени уже обнаружили бы припрятанное. Предполагаю, что после его смерти кабинет не запирался?

— Естественно, он был открыт, — с оскорбленным видом

ответил Бэй. — Ну хорошо, мистер Гудвин, — продолжил он, пытаясь не очень успешно скрыть раздражение, — действуйте. Мне все это крайне не нравится, но надеюсь, вы действуете честно и с добрыми намерениями.

Он нажал кнопку звонка, и через мгновение перед нами возникла Диана со своей вечной улыбкой на лице.

— Мистер Гудвин желает бросить взгляд на кабинет Роя, — сказал ей Бэй. — Проводите его, пожалуйста, и покажите, где что находится, после чего возвращайтесь к своим делам. Он проведет там примерно час.

Я последовал за Дианой. Офис Мида был немного больше, чем кабинет Вилкинсона, но обставлен не столь изощренно. Одну стену от пола до потолка занимали книжные полки, на письменном столе находились две пачки бумаг, каждая высотой не менее фута.

— Мистер Морган, мистер Риз и я рассортировали часть корреспонденции и документов мистера Мида, но осталось еще ужасно много, в основном в шкафах с папками, — разъяснила Диана. — И я совершенно не представляю, что делать со всеми его книгами. Вы только взгляните, сколько их!

— Настоящая библиотека, — согласился я. — А что это за пачки на столе?

— То, что мы просмотрели и что не является срочным. А также те документы, с которыми мы не знаем, как поступить. Миссис Мид может все просмотреть, если захочет. Большую часть бумаг следовало бы выбросить, но мистер Бэй считает, что следует дождаться решения миссис Мид.

Я поблагодарил Диану, и она ушла, закрыв за собой дверь. Моя первая остановка была у книжных полок. Мид хранил свои Библии, шесть штук, на самой нижней. Усевшись за столом, я внимательно пролистал каждую. Вулф распорядился изучить заметки на полях и подчеркнутые строки, но таковых не обнаружилось. Или парень не часто обращался к Священному писанию — что весьма сомнительно, — либо он не делал на нем никаких пометок. Наверное, в нежном возрасте патер был из тех детишек, которые дарят учителям открытки на день рождения и не пачкают учебников.

Быстренько просмотрев полки — в большинстве книжных заглавий наличествовали слова «христианский» и «христианство», — я принялся за пачки документов на столе. Там оказались брошюры о предстоящих в Серебряном Шпиле конференциях и семинарах, листовки, рекламирующие новые религиозные издания, десяток журналов, в основном церковного содержания, несколько писем от пастырей из других штатов, видимо,

регулярно переписывающихся с Мидом, и пара почтовых каталогов, пестрящих цветными изображениями предметов церковного обихода, начиная от мебели и кончая канделябрами и мантиями — белыми, черными и пурпурными.

Там же я обнаружил блокнот бланков с именем и телефоном Мида. На некоторых бланках были нацарапаны имена каких-то людей. Ни одного из них я не знал. Между страницами блокнота оказался листок желтой линованной бумаги. Листок был сложен пополам, и, развернув его, я увидел записи, сделанные той же рукой. Посмотрев внимательнее, я понял, что это указания на строки Библии. Отложив находку в сторону, я быстро посмотрел остальные бумаги, но ничего заслуживающего внимания не нашел.

Когда я сунул голову в приемную Бэя, Диана увлеченно стучала на машинке.

— У вас не найдется копировального аппарата? — поинтересовался я.

Она подняла на меня ясный взор, встала со стула и провела в конец коридора в стерильное, залитое светом люминесцентных ламп помещение без окон.

— Это наш печатный центр, — гордо заявила она, указывая на три персональных компьютера и несколько других образчиков высоких технологий, в одном из которых я узнал ксерокс.

— Мы самостоятельно набираем и печатаем почти все наши издания, — продолжала Диана, — включая бюллетени воскресных служб, еженедельную газету, рассылаемую прихожанам, и репринты проповедей мистера Бэя, которые мы отправляем телевизионным зрителям по их просьбе. Бывают недели, когда мы отправляем сотни репринтов — бесплатно, разумеется. На стороне мы печатаем лишь наш ежемесячный журнал «Беседы под Шпилем». Вы его видели?

Я сказал, что не видел, и она пообещала подарить мне экземпляр, почитать на досуге дома. Поблагодарив, я скопировал листок со ссылками на Библию и те страницы из блокнота Мида, на которых были записаны имена и телефоны.

— О'кей. Я сделал то, что хотел. Не пройдете ли вы со мной в кабинет, чтобы я мог вернуть при вас взятые документы на место?

Диана покраснела, растерянно улыбнувшись.

— Думаю, в этом нет необходимости, — хихикнула она.

— Только ради меня. Я хочу, чтобы вы могли сообщить боссу, что я ничего не утащил. Конечно, вы отсутствовали в то время, когда я просматривал бумаги, так что только Богу известно, что я успел умыкнуть. Не желаете ли меня обыскать?

Она снова залилась краской.

— О мистер Гудвин, вы такой шутник.

— Есть немного. Но я настаиваю на том, чтобы вы прошли со мной в кабинет мистера Мида. Если вы это сделаете, я обещаю не только взять экземпляр вашего журнала домой, но и прочитать его.

Пожав плечами и улыбнувшись, она отправилась вслед за мной.

— Это почерк Мида? — спросил я, показав ей листки, которые только что скопировал и теперь возвращал на место, где их нашел.

Она изучила записи и утвердительно кивнула.

— Да, вне всяких сомнений. Мистер Мид не любил диктовать. Он передавал мне написанные от руки черновики писем для перепечатки, и я прекрасно знакома с его почерком. Это его записи. Видите, это характерное «а»? Поначалу я ужасно мучилась, разбирая его каракули. Удивительно, что эти ссылки на Библию написаны так аккуратно.

— Но это тоже его почерк?

— Конечно. Просто для разнообразия, он не очень торопился.

Поблагодарив, я задержался у ее стола, чтобы получить обещанный экземпляр «Бесед под Шпилем». На обложке красовалась цветная фотография хора в полном составе. Пояснение под картинкой гласило: «Певцы Серебряного Шпиля готовятся к европейским гастролям». Не рискну держать пари, однако не исключено, что Вулф обнаружит в журнале что-нибудь интересное для себя. С другой стороны, готов поставить сколько угодно на то, что я даже не открою журнальчик.

Когда я уже уходил, в фойе ворвался Роджер Джиллис. Ветер сильнее обычного растрепал его морковного цвета шевелюру.

— Привет, — коротко бросил он, стараясь пригладить оранжевую швабру ладонью. — Вынюхали что-нибудь?

— Ничего такого, что привело бы в экстаз газеты, — ответил я.

— Ничуть не удивлен, — презрительно фыркнул он. — Вы все еще пытаетесь найти кого-нибудь, чтобы навесить на него убийство Роя. Но здесь нет никакой тайны. Всем известно, кто это сделал, и полиция уже наложила на преступника лапу. Подлинная загадка в том, кто посылал эти записки Барни. Но вам наплевать — вам надо спасти своего дружка. И вам безразлично, кто при этом пострадает. Рой, упокой Господи его душу, был прав — вы, парни, вызываете отвращение.

Поставив таким образом меня на должное место, Джиллис с напыщенным видом двинулся дальше, уверенный, что я уползу зализывать свои раны. Однако я не уполз, а гордо вышел,

улыбнувшись рыженькой секретарше, которая еще раз продемонстрировала ямочки на щеках, послав мне ответную улыбку.

Возвращение на Манхэттен заняло больше времени, чем утренняя поездка, и когда я, поставив машину в гараж, взбегал по ступеням нашего дома, было десять минут пятого, а это означало, что Вулф уже забавляется со своими орхидеями. Я прямиком отправился в кухню, где Фриц уже колдовал над ужином. С печалью во взоре он сообщил, что от ленча не осталось ни крошки.

— Простите, Арчи, но он съел всю телятину.

— Не надо извиняться. Не могу его осуждать, зная, что такое ваши телячьи котлетки. Я приготовлю себе сэндвич.

Фриц начал было протестовать, но, жестом остановив его, я соорудил себе сэндвич из ржаного хлеба и ветчины, налил стакан холодного молока и отправился в кабинет. Не прекращая жевать, я изучал фотокопии записей Мида. Имена и телефоны я пока отложил в сторону, полагая, что ссылки на Библию могут оказаться более многообещающими. Правда, мне было неведомо — почему и каким образом.

Зазвонил телефон. Это оказался Лон Коэн.

— Может быть, вы помните меня? Говорит парень, к которому вы обращаетесь за информацией и о котором забываете, когда информация необходима ему.

— Да-да, припоминаю. Это тот тип, который каждый четверг обчищает мои карманы за игорным столом.

Издав звук — нечто среднее между вздохом и смешком, — Лон спросил:

— Что случилось с Даркином? Он не подходит к телефону, когда я звоню. Ему плевать, что мы знакомы сто лет. Паркер тоже не отвечает на мои звонки, но это понятно, он ваш адвокат. Слушай, Арчи, дай мне хоть что-то для завтрашнего номера, уже несколько дней мы ничего не сообщаем по этому допросу.

— Прости, но мне нечего тебе дать. Я, как и ты — а может быть, даже сильнее, — хочу, чтобы события как-то развивались.

— Что думает Вулф?

— Будь я проклят, если знаю. Он весьма редко откровенничает со мной. Послушай, тебе же прекрасно известно, что если будет какой-то прорыв, ты первым узнаешь об этом.

— Да. Но не мог бы ты подтвердить свои слова в письменном виде?

— Мое слово тверже алмаза, — заявил я и получил в ответ реплику, которую не стану здесь воспроизводить. В трубке раздались короткие гудки, и я вернулся к листку бумаги, который

все еще держал в руке.

Во-первых, мне следует признать свое невежество по части знания Библии. Однако в год своей конфирмации, что, похоже, было еще до моего рождения, я первым среди сверстников вызубрил названия всех книг Ветхого и Нового Завета, за что удостоился красно-золотого значка. Ясно без слов, что из содержания Священной книги я не запомнил ничего, кроме нескольких — «Он сказал» и «Блаженны те...»

И это все мои познания в Библии. Я пялился на заметки Мида, размышляя, какую пользу сможет извлечь из них Вулф. Если вообще сможет. Всего Мид сделал семь ссылок. Они были тщательно выписаны одна под другой:

1-е ТИМ. 6:10
МАТФ. 26:38
ОТКР. 16:8
ИСАИЯ. 61:4
2-я ЦАРСТВ. 13:34
К ГАЛАТ. 6:18
К РИМЛ. 8:26

Я вытащил одну из Библий Вулфа и немного поразмышлял, стараясь вникнуть в смысл записей Мида, но преуспел лишь в истреблении сэндвича и молока. Ничего не оставалось, кроме как засесть за компьютер и заняться учетом почек орхидей. Я знаю, что могу шевелить извилинами, но в то же время мне прекрасно известны мои возможности в этом роде деятельности. Мозгом нашей команды является Вулф, я же всего лишь глаза, ноги и пот, когда последний требуется, а требуется он постоянно. Однако я не собираюсь лить слезы по этому поводу, так как в целом подобное разделение труда приносит прекрасные результаты.

Глава 15

Когда в шесть часов до меня донесся скрип лифта, я все еще сидел за компьютером. Вулф вступил в кабинет, поставил цветок орхидеи в вазу на своем столе, угнездился в кресле и нажал на звонок, требуя пива.

— Телячьи котлеты были просто превосходны, — возвестил он.

— Мой сэндвич с ветчиной тоже, поверьте человеку, который его готовил. Я положил на ваш стол кое-какой материал. Вы займетесь им или вначале выслушаете мой доклад?

— Эти ссылки на Библию? — он вскинул брови.

— Я сделал все, что мог. Мид, видимо, не любил делать пометки на книгах. Но я обнаружил это на его столе, так же как и записи имен и телефонов.

— Докладывайте, — тяжело вздохнул Вулф, наливая в стакан пиво из только что доставленной Фрицем бутылки.

Я представил ему отчет в своем обычном стиле, что заняло около двадцати минут. Он сидел с закрытыми глазами, открывая их время от времени лишь для того, чтобы не промахнуться мимо стакана и поднести его к губам. Когда я закончил, Вулф изучил листок со ссылками на Священное писание и распорядился:

— Соедините меня с мистером Бэем.

— Уже седьмой час. Он, наверное, уже ушел домой.

— Но ведь вы человек предприимчивый, если верить тому, о чем вы твердите мне ежедневно.

— Бесспорно, сэр, — козырнул я и, набрав номер церкви, получил в ответ записанную на пленку информацию о том, что рабочий день в храме с девяти до пяти, а время воскресной службы во столько-то. Сообщение заканчивалось номером телефона, по которому следовало звонить в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. Решив, что до пожара еще далеко, я обратился в справочную службу и спросил домашний телефон Бэя. К моему удивлению, он у них оказался. Когда Бэй ответил, Вулф уже держал трубку.

— Мистер Бэй? Говорит Ниро Вулф. Мне нужно кое-что узнать.

— Не могло бы это подождать до завтра? — жалобно взмолился Бэй. — Мы с женой только что сели ужинать.

— Я отвлеку вас лишь на мгновение. Не готовил ли мистер Мид проповедь в тот вечер, когда его убили?

— Нет... насколько я знаю. Я не собираюсь никуда уезжать вплоть до ноября. Возможно, Рой и поднялся бы разок на кафедру

после этого. Но мы с ним такую возможность не обсуждали.

— Не мог ли он готовиться для того, чтобы проповедовать в другом месте?

— Маловероятно, — ответил Бэй. — Рой редко выступал с проповедями по приглашению, хотя имел полное право на это. Когда его приглашали, я обычно знал, потому что он просил совета по содержанию и структуре.

— Я интересуюсь потому, что мистер Гудвин сегодня обнаружил на его столе листок со ссылками на Библию, — сказал Вулф. — Всего семь, начиная с Первого послания Тимофею, стих 6:10.

—- Пассаж, который чаще других цитируется неверно.

— Абсолютно с вами согласен.

— Я уверен, что вы знаете, что в современных переводах это звучит примерно так: «Ибо корень всех зол есть сребролюбие...», однако миряне, цитируя этот стих, часто упрощают его и вместо «сребролюбия» произносят «деньги».

— Нет ли у вас предположения, почему мистер Мид остановил свое внимание на этих отрывках? — Вулф зачитал Бэю остальные шесть.

— Нет, — ответил священник. — Диана мне сказала, что мистер Гудвин скопировал некоторые материалы, обнаруженные в кабинете Роя, и я собирался завтра взглянуть на оригиналы. Я не считаю себя экспертом по библейским текстам, но мне кажется, то, что вы прочитали, не укладывается в какую-то систему. Рой скорее всего использовал их в своих молитвах. В этом нет ничего необычного. Я и сам иногда отмечаю некоторые пассажи, читая Библию. Это дисциплинирует мысли и помогает настроиться на молитву.

Вулф, поблагодарив Бэя, положил трубку и еще раз изучил библейские отрывки. Затем, посмотрев на пустой стакан, наполнил его и подошел к полкам, взял одну из Библий и вернулся к столу. Усевшись, он начал листать книгу, время от времени делая пометки на листке бумаги.

— Нашли что-нибудь? — спросил я через несколько минут, пытаясь завязать светскую беседу.

Ответом было мычание.

Вулф повторил процесс со второй Библией, затем с третьей и, судя по выражению его лица, нашел в них не больше полезного, чем в первой. Когда Фриц пригласил нас к ужину, все три книги по-прежнему лежали открытыми на столе.

За ужином Вулф вел себя как обычно — умял три порции лосося под укропным соусом, приготовленным по его собственному рецепту, и произнес монолог на тему: почему в

стране постоянно избирают президента республиканца и демократический конгресс. Его аргументация показалась мне убедительной.

Когда, закончив ужинать, мы вернулись в кабинет, я начал беспокоиться. Во-первых, выпив свой кофе, Вулф не позвонил, чтобы принесли пиво. Он целых пять минут молча сидел, закрыв глаза и положив руки на подлокотники кресла. Затем мой босс захлопнул Библии, вернул их на место и объявил, что отправляется в постель. Было всего девять часов, а он обычно ложился не раньше двенадцати. Все указывало на то, что у Вулфа начинался приступ одной из его самых ужасных болезней — упадка сил.

Я никак не могу сообразить, чем вызываются эти приступы, но они случаются у него время от времени. Нет, я не хочу сказать, что они повторяются при каждом новом расследовании — ничего подобного. И Вулф не впадает в депрессию даже в самых сложных случаях. Но когда у босса упадок сил, ничто, кроме пожара пятой степени, не заставит его вылезти из спальни. Это может продолжаться от одного дня до двух недель, а при самых тяжелых приступах он даже совсем бросал дела. Так, например, случилось при расследовании аферы в ювелирном магазине Фарншторма. Загадка оказалась нерешенной, и нам даже пришлось вернуть задаток, который позволил бы Вулфу в течение нескольких месяцев поддерживать запасы пива, книг и белужьей икры — последнюю, правда, он и в рот не берет.

Я отправился спать в надежде, что вечерний спектакль был ложной тревогой, но на следующее утро понял, что это не так.

— Он сам не свой, Арчи, — печально заявил Фриц, когда я спустился к завтраку в кухню. — Я точно могу сказать...

— Почему вы так уверены в этом? — Если я казался раздраженным, то только потому, что не хотел верить в очевидное.

— У него такой вид, который бывает, когда он...

— Когда он что? — выпалил я.

Я тут же пожалел о своем тоне, так как Фриц отшатнулся, словно получив пощечину. В отчаянии заломив руки, он продолжил:

— Когда... когда... сдается. Вы знаете, какой он бывает в этих случаях. Вы видели... Он пребывал в таком состоянии, когда я принес ему завтрак.

— Упадок сил, — произнес я роковые слова, и мы кивнули друг другу. — Что же, — продолжил я, — мы это уже проходили и знаем, что ни черта не можем сделать, пока он не придет в себя. Обычно болезнь проявляется двумя способами: либо он как

отшельник запирается в спальне, либо постоянно торчит здесь в кухне и разъясняет в деталях, как лучше делать вашу работу, толкуя о чесноке, шалфее, перце и еще Бог знает о чем. Помните, как он однажды, окопавшись в кухне, за два дня съел половину барашка, приготовленного десятком различных способов. Только ради вас остается надеяться, что на сей раз он подастся в отшельники.

— Двадцатью способами. Арчи. Ей-богу, я не хотел бы ни того, ни другого. Молю Бога, чтобы он трудился, — закончил Фриц, сложив ладошки и подняв глаза к потолку.

— Я тоже. Остается надеяться, что приступ будет коротким.

Вулф отправился на свидание с орхидеями, как всегда, в девять, но прямо из спальни — я слышал шум лифта. По крайней мере хоть эта часть его существования осталась без изменений. В одиннадцать, когда я сидел в кабинете, перепечатывая письма, надиктованные днем раньше, лифт снова заскрипел. Но до первого этажа он не дошел — очень плохой признак. Через десять минут в кабинете с еще более несчастным видом, чем раньше, появился Фриц.

— Он позвонил мне в кухню и сказал, чтобы я принес ленч в спальню. Плохо... очень плохо...

— Хорошо хоть, что он не терроризирует вас в кухне. А плохо то, что он совершенно определенно впал в депрессию. Теперь, как обычно бывает в таких случаях, все планы полетят к черту. Ройте окоп, занимайте оборону и готовьтесь к самому худшему.

Фриц не оценил моей попытки шутить, да и я сам не очень развеселился. Этот приступ по продолжительности оказался средним — он длился примерно сто восемнадцать часов, если считать с ужина в среду. Вулф постоянно оставался в своей комнате в четверг, пятницу, субботу и воскресенье, не считая двух ежедневных отлучек для общения с орхидеями.

В подобных случаях я делаю все, чтобы не менять свою личную жизнь. Как обычно в четверг я играл в покер у Сола Пензера. Меня обдирали почти весь вечер, но к концу игры я сорвал три ставки (причем один раз блефуя) и отправился домой, проиграв всего лишь пятнадцать долларов, что можно было считать моральной победой, так как по ходу игры я терял больше чем полсотни. В пятницу я сопровождал Лили Роуэн на стильную вечеринку с ужином на двенадцать персон в роскошных двухэтажных апартаментах на Саттон-плейс. Еда оказалась почти такой же вкусной, как у Фрица, и я даже угадал, какую вилку следовало употреблять в каждом случае. В субботу мы с Солом отправились в Мэдисон-сквер-гарден на хоккейный матч Рейнджеров с Вашингтоном, который наши выиграли в третьем

дополнительном периоде. Одна из газет написала: «Самая захватывающая игра в истории хоккея». Возможно.

За все эти дни с храмом было связано лишь одно событие, не считая регулярных приставаний Коэна — «а нет ли чего-нибудь для меня?». В пятницу позвонил Натаниэль Паркер и спросил небрежно:

— Как идут у Вулфа дела с Серебряным Шпилем?

— Трудится, — соврал я.

— Отлично. Этим прежде всего интересуется Даркин. Не хочет звонить сам, боится, что Вулф на него сердит. И к телефону не подходит, потому что с него все эти дни не слезает пресса. Журналисты осадили его дом в Квинсе и сегодня утром, когда его жена вышла, чтобы взять газету, телевизионщики напали на нее, чтобы взять интервью. Она едва успела захлопнуть дверь перед их носами.

— Молодец Фанни. Мне всегда нравился ее стиль. Когда Фред позвонит в следующий раз, скажите ему, что дело двигается.

— Ваш голос не вселяет уверенности, — фыркнул Паркер.

— Вы же знаете Вулфа. Он всегда прижимает карты к своему безразмерному жилету.

— Это не может продолжаться бесконечно, — предупредил Паркер, прежде чем повесить трубку. Юристы тем и хороши, что всегда найдут для вас слова утешения.

Фриц периодически докладывал мне о состоянии Вулфа, так как относил тому подносы с едой трижды в день.

— У него превосходный аппетит, Арчи. Вам не кажется, что это добрый знак? — сказал он во второй половине дня в пятницу.

— Плевать мне на его аппетит, — заявил я. — Я поднимаюсь к нему.

Перескакивая через две ступеньки, я взлетел на второй этаж и постучал в дверь:

— Это я. Нам необходимо поговорить.

Из-за дверей донеслось невнятное ворчание, и я вошел. Вулф, облаченный в желтую пижаму, читал, развалившись на постели. По какой-то неясной причине в кровати гений казался толще и крупнее, чем обычно. Может быть, эта зрительная аберрация возникала потому, что все вокруг него было желтым — не только пижама, но и простыни, и одеяло. Он бросил на меня вопросительный, преисполненный недовольства взгляд.

— Прошу извинить меня за вторжение, но не намерены ли вы в ближайшее время вернуться к работе? Скажем, раньше, чем Фреда Даркина отправят в Аттику изготовлять всю оставшуюся жизнь автомобильные номера или что-то другое. Не знаю точно,

чем сейчас занимаются заключенные.

— Я читаю весьма занимательную книгу, Арчи, — светским тоном произнес гений. — Известно ли вам, что первым на фабрике в Англии пар использовал Джошуа Веджвуд — производитель фарфора?

— Вынужден признать, что это известие вызывает у меня неподдельное изумление. Я рад также, что чтение доставляет вам удовольствие. Из чистого любопытства хочу спросить, намерены ли вы вернуться в ближайшее время в кабинет, или я могу приступить к превращению его в храм-усыпальницу вашей былой славы? Мы могли бы брать за вход умеренную плату и таким образом содержать дом. Может статься, что это будет нашим единственным источником дохода.

— Сарказм никогда не был вашей сильной чертой, Арчи, — закрыв глаза, пробормотал Вулф. — Вы поступите правильно, если исключите его из вашего репертуара.

— Слушаюсь, сэр. Но мой вопрос остается.

— В данный момент я увлечен изучением данного тома и желаю завершить чтение в покое. До свидания.

Я было подумал, не стоит ли спуститься в кабинет и прикончить бутылку бурбона. Но, решив, что это никак не поможет Фреду, я улыбнулся, переступил через порог и осторожно закрыл дверь, поставив себе за сдержанность «пять с плюсом».

Глава 16

По воскресеньям размеренность жизни обычно полностью улетучивается из особняка на Тридцать пятой улице. Фриц частенько берет себе выходной, а Вулф если и посещает любимую оранжерею, то только на очень короткое время. Как правило, он торчит часами в кабинете, читая воскресные газеты или книгу, лишь время от времени совершая паломничество на кухню, чтобы приготовить себе очередное яство.

В это воскресенье, на четвертый день упадка сил, Вулф продолжал сидеть у себя, а Фриц остался дома.

— Я могу ему понадобиться. Арчи, — пояснил он.

Я предложил Фрицу исчезнуть на несколько часов, чтобы дать боссу возможность самому позаботиться о себе. Но такое было не в стиле старого доброго Фрица. И будь я проклят, если он не мечтал о том, чтобы примчаться как можно скорее к своему богу и хозяину сначала с завтраком на подносе и позже с «Таймс» в руках.

Позавтракав на кухне, я занял свое место в кабинете и принялся за чтение «Таймс» и «Газетт». В них не было никаких упоминаний об убийстве Мида. По правде говоря, газеты с начала недели практически утратили интерес к этому делу. В городе Нью-Йорк вчерашняя сенсация переходит на следующий день в разряд древней истории. Я провел некоторое время в кабинете, приводя в порядок вещи, которые в этом вовсе не нуждались. Наконец, преисполнившись невыносимого отвращения к низкопоклонству Фрица, который к половине десятого утра уже четыре раза успел сбегать на второй этаж, я отправился в Серебряный Шпиль раньше, чем собирался. Я был готов на все, лишь бы покинуть дом из бурого известняка, который, будь он таверной, мог бы с полным правом носить привлекательное название «У психа».

Подруливая на «мерседесе» к храму в десять двадцать две, я понял, что прибыл на место не слишком рано. Автомобильная стоянка более чем наполовину была заполнена машинами разных марок, начиная от «линкольнов» и «БМВ» и кончая мини-моделями. Взвод серьезных, хорошо умытых молодых людей в темных брюках и белых рубашках умело разводил прибывающих по местам, заполняя точно ряд за рядом.

Я встал в хвост очереди, продвигавшейся к главному входу в храм. Если проигнорировать то, что большинство из нас было облачено в наряды для посещения церкви, мы являли собой копию зрителей, направляющихся к воротам стадиона

«Мидоуленд», чтобы посмотреть, как сшибутся лбами «Гиганты» и «Краснокожие»[10]. Еще одно различие состояло в том, что вокруг храма не витал аромат пива и хотдогов с горчицей.

Войдя в сверкающее золотом и хромом фойе, я принялся изучать своих товарищей по молитвам. Подавляющее большинство верующих было не старше двадцати — тридцати лет, и практически все — белые. Мой экспресс-анализ показал, что около половины явились парами, а общее соотношение числа мужчин и женщин было примерно равным.

Я подрулил к стойке, за которой суетились две пожилые особы, похожие на добрых бабушек. На стойке были разложены для продажи брошюры и книги, включая сочинение Бэя «Теология вдохновения» ценой шесть долларов девяносто пять центов, в бумажной обложке, и одиннадцать долларов девяносто пять центов — в твердой. Вместо этого фундаментального сочинения я выбрал для себя брошюру «Что значит в Вашей жизни Храм с Серебряным Шпилем» и двинулся в сторону большого зала. Как и автостоянка, он был наполовину полон, над публикой плыла органная музыка.

Меня приветствовала бойкая молодая дамочка с длинными рыжими волосами, с пачкой программ в руке и значком на груди, объявлявшим, что передо мной «Дженни Амундсен — помощница». Чуть выше значка на ее светло-голубом платье красовалась знакомая мне серебряная булавка в форме шпиля.

— Хэлло! Вы молитесь у нас регулярно? — спросила она, вручая мне программку.

— Нет. Это мой первый визит. Я приезжий, — тонко сымпровизировал я.

— Мы счастливы видеть вас сегодня в нашем храме, мистер...

— Гудман, — я быстро вживался в свой новый образ.

— Где бы вы хотели сидеть, мистер Гудман? — Ее улыбка, надо признать, была весьма соблазнительна.

Я сказал, что где-нибудь в центре было бы прекрасно, и она провела меня на единственное свободное место у прохода, рядом с парочкой, которая, судя по виду, окончила школу не более десяти лет назад. Как только я устроился на мягком театральном кресле, они как: по команде обернулись ко мне с улыбкой не менее широкой, чем у Дженни Амундсен.

— Привет. Я Кэл Уоррен, — представилась сидящая в соседнем кресле круглолицая, рано полысевшая мужская половина парочки, протягивая мне толстую лапу. — А это моя жена Дарлен. — Она кивнула белокурой коротко стриженной головкой. Ее глаза танцевали.

— Вы член общины? — весело поинтересовался Кэрол.

— Нет, я не из Нью-Йорка. Нахожусь здесь по делам.

— Как интересно! Это случается с нами довольно часто. — Он удовлетворенно рассмеялся. — Понимаете, Дарлен и я вот уже пять лет являемся постоянными членами. Каждое воскресенье мы сидим на этих местах, и между нами и проходом только одно свободное кресло. Вы понимаете? Поэтому мы почти каждый раз встречаем новичка, кого-нибудь вроде вас, решившего посмотреть, что же такое Серебряный Шпиль. Дарлен и я... мы просто обожаем встречать новых людей. Откуда вы, мистер...

— Гудман. Алан Гудман из Чилликота, Огайо.

— Огайо. Это же, черт побери, одно из самых прекрасных мест, которые мне доводилось видеть. Пару раз в год мне по делам приходится ездить в Цинци[11], Дарлен однажды путешествовала со мной. Тебе ведь тоже там понравилось, правда, дорогая?

Дарлен кивнула, ее глазки вновь затанцевали, и она спросила:

— Как вы узнали о Серебряном Шпиле, мистер Гудман? Наверное, видели нашу службу по телевизору?

Я сказал, что у меня дома есть друг, который и порекомендовал мне посетить храм. Дарлен, судя по ее виду, изготовилась задать очередной вопрос, но тут свет вспыхнул ярче, видимо, для телевизионных камер, а где-то позади нас взревели фанфары, перекрывая шум в зале. К этому времени практически все места оказались занятыми. Обернувшись, я увидел трех стоящих в углу балкона трубачей в темно-бордовых блейзерах. Они перестали трубить столь же внезапно, как и начали, и на сцену выступил Барнаби Бэй. Он шествовал к кафедре, которая — как я узнал благодаря Нелле Рейд — только несколько мгновений назад при помощи электроники выдвинулась из-под пола. Светло-серый костюмчик сидел на нем отменно.

— Доброе утро, братья и сестры, — пропел он, широко раскинув руки ладонями вверх. — Приветствую вас вновь в этот час Славы. И для начала хор Шпиля под руководством нашего собрата Марли Вилкинсона напомнит: «Какого друга мы имеем в лице Иисуса».

После этих слов хор в шестьдесят голов возник в левой части сцены. Певцы, облаченные в великолепные малиновые с серебром мантии, исполнили гимн, знакомый мне с детства. Вилкинсон как дирижер выглядел весьма театрально. Он размахивал руками, пожалуй, посильнее полицейского, регулирующего уличное движение в центре Манхэттена в час пик. На последней строфе он лихо развернулся лицом к публике, мановением руки пригласил нас подняться и подпеть хору. Мы затянули песнь, читая слова на

большом экране над хором. В середине первого ряда певцов я заметил Каролу — надо сказать, что ее трудно было не заметить; однако убежден, что она меня не видела. Для нее я был просто еще одним лицом в огромной толпе.

Когда гимн закончился, Вилкинсон вытер платком выступившие на лбу капли пота и прогудел в прикрепленный к лацкану микрофон:

— Вы все в отличном голосе этим прекрасным утром. Теперь я попрошу вас поприветствовать появление на этой сцене по-настоящему одаренного юного музыканта. Девочке всего девять лет, но она владеет скрипкой не хуже Штерна или Перлмана.

Он пригласил на сцену девчушку в разовом платьице, из-под которого кокетливо выгладывал край кружевной нижней юбки, и с кружевным же чепчиком на голове. Девица действительно умела обращаться со скрипкой. Для тех, кто располагался далее чем в городском квартале от сцены, а таких было подавляющее большинство, ее двенадцатифутовый образ проецировался еще на один экран, который бесшумно опустился из своего укрытия в потолке. Лили, наверное, смогла бы идентифицировать исполняемую вещь. Но как бы пьеса ни называлась, звучала она недурно.

Когда девочка закончила играть и раскланялась под аплодисменты, Бэй вернулся на сцену и произнес, обняв ее за плечи:

— Разве это не чудо, друзья? Какое дарование! Ее родители — Том и Мэри — находятся здесь в первом ряду. Они члены семьи Серебряного Шпиля уже... сколько?., двенадцать лет, не так ли? — Он взглянул на сидящую в первом раду пару, которая ответила дружным кивком. — А ты, дорогая, уже сколько времени посещаешь нашу воскресную школу? — Бэй, наклонившись, приблизил свой микрофон к девочке.

— Семь лет, — ответил ее писклявый голосок.

— Семь лет, разве это не здорово? — лучась улыбкой, проворковал он. — Давайте поаплодируем ей еще раз, как принято у нас в Серебряном Шпиле.

Все зааплодировали, и девочка покинула сцену, а Бэй снова занял свое место на кафедре, но на сей раз с более печальным выражением лица. В течение целых пятнадцати секунд он выдерживал паузу, молча глядя в зал. Затем расправил плечи и начал:

— Братья и сестры во Христе, этим утром я стою перед вами, преисполненный печали, отягощенный горем. Многие из вас, находящиеся сейчас в храме, так же, как и, — он полным драматизма жестом выбросил вперед руку, — тысячи и тысячи тех

в стране и мире, кто видит нас по телевизору, знают, что наш возлюбленный брат и друг Рой Мид покинул этот мир, чтобы занять достойное место рядом с Творцом. Мы оплакиваем несправедливую и насильственную кончину Роя — необъяснимую кончину. Мы, по крайней мере я, вопрошаем Всемогущего Господа: почему, почему ты позволил такое по отношению к одному из своих самых добрых и преданных слуг?

Плечи оратора опустились, он выдержал еще одну паузу, обегая взглядом молчаливую аудиторию.

— Однако на этот вопрос, мои друзья, ответ имеется, — заявил проповедник, возвышая голос. В его руках появилась Библия. — Пожалуйста, возьмите Священное писание и обратитесь вместе со мной к Посланию святого апостола Павла к римлянам, глава восьмая.

Шорох страниц заполнил зал. Уоррены открыли свои Библии, и Кэл держал книгу так, чтобы я тоже мог видеть текст.

— Начнем с тридцать пятого стиха: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: «За Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание». Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем». Бэй с шумом захлопнул Библию и наклонился вперед, водрузив локти на край кафедры.

— Братья и сестры, — печально проговорил он, растягивая для вящего эффекта слова, — для каждого из нас у Бога имеется свой план, и каков бы тот план ни был, ничто — еще раз говорю — ничто не может отлучить нас от Его любви в Иисусе Христе. Вы можете быть уверены, что Бог определил достойную роль для нашего возлюбленного брата и коллеги Роя, но нам не дано узнать этой роли, поскольку она есть часть великого Божьего промысла.

После этих слов Бэй пустился проповедовать о смерти и спасении, и хотя с половиной сказанного я был не согласен, а вторую половину не понял, пришлось признать, что парень — оратор действительно высокого градуса. Он разглагольствовал двадцать пять минут, играя на модуляциях своего голоса так, как другие играют на музыкальных инструментах. Голос становился то громче, то нежнее, то переходил почти в шепот. За все время в трехтысячной аудитории кашлянули всего лишь пару раз.

После проповеди и коллективного пения гимна начался сбор пожертвований. Я, чтобы не отличаться от остальных, сунул

пятерку в дарственную суму, после чего мы пропели еще один гимн. Хор Вилкинсона выдал еще одно представление, а Бэй тем временем призвал нас к общей молитве. Шоу закончилось коллективным пением, и я поднялся, чтобы уйти, но меня остановил Кэл Уоррен.

— Прошу прощения, мистер Гудман, — сказал он, улыбаясь до ушей, — но не могли бы вы дать мне свою визитку?

— Я... я оставил их в гостинице. Какая непростительная забывчивость.

— Ничего страшного. Напишите для меня ваше имя и адрес. Я буду счастлив прислать вам материалы, посвященные нашему Серебряному Шпилю.

Я заявил, что уже приобрел одну брошюру, и продемонстрировал покупку, с гордостью вытянув ее из кармана. Но парень был неумолим. Пришлось вырвать листок из блокнота и, ощущая некоторые угрызения совести, нацарапать: «Алан Гудман, Дорога 1, Чилли-кот, Огайо».

— А как насчет почтового индекса? — спросил настойчивый Кэл.

— Ах да, конечно.

Взяв листок из его рук, я вывел пятизначную цифру, которую запомнил, в свое время посылая открытки и письма на Запад. Плевать, что все, посланное Кэлом, либо вернется к нему, либо навеки погибнет на почте Чилликота в отделе невостребованной корреспонденции. Мы пожали друг другу руки, а Дарлен Уоррен, мило улыбнувшись и стрельнув глазками, выразила надежду на то, что я еще появлюсь в храме. Я ответил, что попытаюсь, увеличив тем самым и без того огромное количество лжи, сказанной мной за последний час. Прощения мне не было, потому что лгал я в церкви.

Машины разъезжались с огромной стоянки в удивительном порядке. Видимо, благодаря энергии молодых людей в белых рубашках и деятельности нескольких представителей славного отряда нью-йоркской полиции, размахивающих руками на всех прилегающих перекрестках. Спустя полчаса после того как я повернул ключ зажигания, «мерседес» уже занял свое место в гараже на Десятой авеню.

Мои часы показывали двенадцать пятьдесят шесть. Поначалу я хотел двинуться домой, но оставаться под одной крышей с мистером Депрессия было выше моих сил, и я отправился на прогулку. Нью-Йорк частенько получает удары как изнутри, так и извне. Большую часть их он вполне заслужил. Город, или по крайней мере Манхэттен, грязен, слишком переполнен людьми, а жизнь в нем безумно дорога. Все, начиная от мостов и кончая

подземкой, приходит в упадок и разваливается быстрее, чем находятся средства привести их в порядок. И это не говоря о таких мелочах, как без мотивное насилие, наркотики и бездомные. Однако, несмотря на все ужасные и, возможно, неразрешимые проблемы, город для меня по-прежнему обладает большой притягательной силой, хотя я и не всегда способен объяснить вам причину. Этим утром, когда весна проявила себя в полную силу, я вновь ощутил теплое чувство к своему городу.

Отчасти это объяснялось погодой: теплой, солнечной, с легким приятным ветерком. Я побрел на восток, к почти пустынной Пятой авеню, повернул на север и оказался у Рокфеллеровского центра. Остановившись у парапета, я посмотрел на площадь внизу. Там за столами под цветными зонтами подавали поздний завтрак. Это происходило на том самом месте, где всего два месяца назад выделывали пируэты на льду любители коньков, включая меня и Лили Роуэн. Я подумал, не стоит ли мне совершить восхождение на высоту в полмили к пентхаусу Лили, но отверг идею быстрее, чем вы смогли бы произнести «Ренуар», одно из творений которого украшало стену ее гостиной. Лили любит поспать подольше и встает очень поздно — особенно по воскресеньям. Не в моем духе нарушать привычный ход жизни людей. Кроме того, в том состоянии, в котором я пребывал, я вряд ли смог бы составить ей приятную компанию.

Я направился на юг, избрав для разнообразия маршрут по Парк-авеню. На углу Сорок восьмой я сунул в лапу грязнейшего попрошайки десятку, получив в знак признательности беззубую улыбку и слова: «Да благословит вас Господь, сэр». Мне даже захотелось поинтересоваться, не желает ли он посетить одну из ночлежек Бэя.

Замедлив шаг, я еще раз обмозговал свою ситуацию. Фред сидел дома в Квинсе и потел в тревожном ожидании, и его нельзя было осудить за это. Вулф тоже торчал дома — его мозги забастовали, — и я его осуждал. Проведя мысленно судебное заседание, я нашел его виновным в смертельной лени первой категории. Каждый из шести человек или, вернее, семи, если считать Бэя, мог укокошить Мида. Но какой мотив толкнул убийцу на преступление? Правда, парень не был в церкви душой общества, но если отсутствие популярности коллеги могло бы служить основанием для убийства, то половина трудовых ресурсов города Нью-Йорк мотала бы срок, а другая половина покоилась бы под венками.

Относительно Каролы Риз я все еще не мог прийти к окончательному решению. Я сказал Вулфу о

пятидесятипроцентной вероятности того, что между ней и Вилкинсоном что-то есть, и не был готов изменить свою точку зрения. Но если даже они с Вилкинсоном играли в свои игры, то чего хотел добиться Мид, запугивая ее? Мог ли страх разоблачения стать достаточным стимулом для того, чтобы она пошла на убийство? И не об этой ли ситуации упоминал Мид в разговоре с женой? А как насчет того, что Миду было известно о существовании у Каролы ребенка? Насколько она боялась, что этот факт ее биографии станет известен всем? Достаточно ли для того, чтобы заставить его замолчать?

Оставались также Джиллис и Риз. Мид не утруждал себя выбором слов, оценивая их деятельность. О Моргане он, судя по всему, тоже был весьма невысокого мнения. Не был ли один из них настолько напуган перспективой потерять работу, что предпочел устранить критика? Однако такая возможность казалась мне маловероятной.

Без всякого энтузиазма я просчитал вероятность виновности семейства Бэев. У меня с религией всего лишь шапочное знакомство, но тем не менее даже мысль о том, что руководитель церкви, причем церкви любой конфессии, может быть убийцей, казалась мне нелепой до абсурда. Хотя теперь мне было известно, что Элиз Бэй давно и сильно недолюбливала Мида, я все же не мог придумать мотивов, которые могли бы толкнуть ее на убийство. Вулф, конечно, мог высмеять подобное заключение, заявив, что дамская красота постоянно лишает меня способности трезво мыслить. Возможно, в этом он и прав, но Элиз невиновна, если только Мид каким-то образом не угрожал жизни Бэя или его лидерству в храме.

Когда я окончательно подвел итоги, у меня на руках оказались: отказывающийся работать босс, друг, которого от тюрьмы отделял лишь предстоящий скоро суд, и команда церковников, каждый из которых не любил Мида, но в то же время не имел достаточных мотивов для того, чтобы отправить коллегу на тот свет. Кроме того, у нас оказалось два набора ссылок на Библию — один с угрозами Бэю и второй, обнаруженный на столе Мида. Интересно, какая между ними связь, если, конечно, таковая вообще имеется.

Я шагал, продолжая задавать себе вопросы и не получая на них ответов. Добравшись наконец до особняка из бурого известняка и окончательно созрев, я впал в ярость.

— Он по-прежнему корчит недовольную рожу наверху? — спросил я у Фрица, который, сидя в кухне, читал воскресную газету.

Сняв очки, Фриц кивнул и доверительным шепотом сказал:

— Но знаете, Арчи, он спускался на некоторое время в кабинет. И что уж совершенно невероятно — включал телевизор.

— Интересно. И что же он смотрел?

— Не знаю. Когда я принес кофе, он как раз включал телевизор, и он приказал мне закрыть за собой поплотнее дверь, когда я уходил. И дверь оставалась закрытой все время, пока он там был. Потом мистер Вулф поднялся в свою комнату и больше не выходил.

— В котором часу это произошло?

— Он спустился около одиннадцати и провел в кабинете час. Я очень боюсь за мистера Вулфа, Арчи. Он ведет себя чрезвычайно странно.

— Не смею спорить. Вы знаете, не мое это занятие отдавать приказы. Обычно я их получаю. Но сейчас особый случай. Вам действительно хочется, чтобы мистер Ниро вылез из блиндажа, покончив со своим трусливым бездельем?

— Конечно, Арчи.

— Замечательно. В таком случае убирайтесь из дома. День прекрасный — просто великолепный. Свежий воздух пойдет вам на пользу. Обещаю сохранить здесь полный порядок.

Фриц, помрачнев, положил очки на доску для рубки мяса.

— Арчи, а вы не подеретесь с ним, если я уйду?

— Я? Никогда. Мое настоящее имя — Миролюбец. Отдохните, сходите в кино, съешьте пиццу, улыбнитесь красивой женщине. Ведь на дворе весна и «Мете» лидирует в своей группе.

Фриц пожал плечами, покачал головой и, сняв фартук, с мрачным видом направился в свое расположенное в цокольном этаже жилье. В дверях он задержался и, повернувшись ко мне, сказал:

— Скоро он опять позвонит и потребует пива.

— Мне известно, где хранится пиво, — ответил я и взял с разделочной доски секцию «Недельное обозрение» воскресного выпуска «Таймс».

К тому времени, когда дважды проверещал звонок, что означало требование доставить в спальню пиво, я успел прочитать о действиях террористов на оккупированном Западном берегу, о банковском скандале в Аризоне и о студенческих волнениях в Париже. Отложив газету, я достал из холодильника две бутылки «Реммерса», поставил их на круглый бронзовый поднос, которым обычно пользуется Фриц, и отправился вверх по лестнице. Дважды постучав, я распахнул дверь спальни.

Вулф, облаченный в коричневый костюм, желтую рубашку с коричнево-золотистым галстуком, восседал за маленьким столом у окна и решал кроссворд из воскресного журнального

приложения к «Таймс».

— Где Фриц? — сварливым тоном спросил он.

— Я отправил его наслаждаться весной до конца дня, — небрежно бросил я и, взяв с подноса бутылки, поставил их перед носом Вулфа. — Вам же известно, что в воскресенье у него выходной.

— Благодарю вас, мистер Гудвин, — произнес он тоном, холодным как альпийский ледник.

— Пожалуйста. Получили удовольствие, наблюдая за службой в Храме с Серебряным Шпилем?

Если мой вопрос и удивил Вулфа, то он своего удивления ничем не выдал. Дернув головой, он недовольно произнес:

— Это не служба, а представление. Кроме того, каждые десять минут спектакль прерывался и на экране возникал мистер Бэй с бестактными просьбами о деньгах. А если бы я позвонил по указанному им телефону, то получил бы Библию в переплете ручной работы с автографом самого мистера Бэя. Чудовищно.

— Согласен. Те, кто был в храме, не имели возможности познакомиться с маркетинговыми приемами мистера Бэя. Вы заметили меня среди присутствующих?

— Даже не искал.

— Жаль. Итак, какие будут планы, после того как вы имели счастье лицезреть по ящику фирму «Бэй и К°» в деле?

Вулф ответил мне просто первоклассным рыком:

— Мой план — продолжить дело, которым я был занят, пока вы мне не помешали.

— Прекрасно, — выпалил я в ответ. — Оставляю вас наедине с вашим драгоценным кроссвордом. Но прежде чем я уйду, вам следует узнать, что завтра утром вы увидите мое заявление об отставке.

— Пустая болтовня.

— Нет, сэр, не болтовня. Понимаете, у меня есть отличный друг, который однажды спас мне жизнь, и я знаю, что он сделает это вновь, если возникнет необходимость. Теперь друг попал в ужасную переделку — его обвиняют в преступлении, которого он не совершал. Никого, кроме меня, его судьба не интересует, а поскольку я здесь работаю, то не имею возможности посвятить все свое время доказательству его невиновности. У меня просто нет иного выхода. Для меня это дело чести. Поскольку мои рабочие недели у вас заканчиваются по воскресеньям, я отслужу этот день до конца. Более того, завтра утром в одиннадцать я буду в кабинете, чтобы передать вам компьютерные записи о почках орхидей, доложить о текущей переписке и обсудить состояние некоторых дел. Я покажу вам, где хранятся дискеты.

Если вы предпочтете не появиться в одиннадцать, я оставлю подробную памятную записку на вашем столе.

Вулф скосил на меня глаза.

— Знаю, вы, возможно, сердитесь на меня, — продолжал я. — После стольких лет совместной работы вы имели полное право рассчитывать получить предупреждение о моем уходе за две недели или даже за месяц. Но сейчас я не могу позволить себе подобной роскоши. Мой друг пребывает в бедственном положении. Однако вместо предупреждения я готов оплатить из собственного кармана двухнедельную работу первоклассного временного секретаря. За две недели вы сможете побеседовать с лицами, которые смогут заменить меня уже на постоянной основе. По-моему, мы нашли справедливое решение, не так ли?

Он что-то нечленораздельное прорычал. Я кивнул, сделал классный поворот через плечо и покинул комнату.

Мне было по-настоящему интересно, что случится, если Вулф в понедельник утром все-таки не появится в кабинете. По мере того как стрелки моих часов приближались к указанному сроку, я все усерднее делал вид, что увлечен сортировкой документов. Но видит Бог, я был готов написать памятную записку.

В одиннадцать до меня донесся скрип лифта. Пока кабина спускалась, я продолжал работать. Вскоре я услышал шаги в коридоре, а затем в кабинете.

— Доброе утро. Арчи. Надеюсь, вы хорошо спали? — спросил Вулф, обходя свой стол и втискиваясь в кресло.

— Подобно младенцу, — ответил я, не поднимая глаз.

— Прекрасно. Как сказал Суинберн: «Спи и радуйся, что мир стоит на месте», — проговорил он и начал просматривать почту, которую я заранее разложил на его столе.

Мне, правда, оставалось лишь догадываться, чем он занимается, так как я, не поднимая головы, продолжал выстукивать на машинке заявление об отставке. Я слышал, как он вставал из-за стола, подходил к книжным полкам и возвращался на свое место. Закончив печатать, я повернулся вместе с креслом и увидел, что он склонился над открытой Библией. Еще три книги лежали слева от него.

Я вернулся к своим делам, время от времени поглядывая на Вулфа, который, изучив одну книгу, принялся перелистывать вторую, затем третью. Это продолжалось полчаса, и я исчерпал все средства, позволявшие мне казаться сильно занятым. Вдруг Вулф шумно вздохнул, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Это могло означать либо окончательную капитуляцию, либо важное открытие. Замерев, я внимательно следил за ним. Минут десять мы оба оставались совершенно неподвижными.

Если бы кто-нибудь смог заглянуть в окно, то он принял бы нас или за покойников, или за людей, находящихся в глубоком трансе.

И наконец это произошло. Вначале лишь немного дернулась его верхняя губа, но я знал, что развязка близится. Он вцепился обеими руками в подлокотники кресла, а губы его принялись быстро двигаться вперед-назад, вперед-назад. В дверях возник Фриц, видимо, удивленный тем, что босс до сих пор не требует пива. Я сделал ему знак молчать, приложив указательный палец к губам.

Фриц вернулся в кухню, а Вулф продолжал упражнения с губами еще девятнадцать минут — время среднее и даже ближе к минимальному для таких случаев. Это я знаю точно, потому что провожу хронометраж уже много лет. Открыв глаза и посмотрев на меня, он сердито пробормотал:

— Непростительно.

— Что именно?

— Позорное отсутствие проницательности. С меня следовало бы публично содрать шкуру.

— Это можно устроить, — сказал я, но никакой реакции не добился.

Он снова сгорбился над Библией, что-то поспешно записывая на листке бумаги. Закончив, Вулф откинулся на спинку кресла и двумя звонками потребовал пива.

— Итак? — спросил я.

Складки на его щеках углубились, что означало улыбку. Он подвинул исписанный листок через стол ко мне. Я взял записку, которую, зная его почерк, прочитал без труда. Однако, прочитав, не получил никакого представления о том, что бы это могло означать. Вулф просто скопировал отрывки Библии, помеченные Мидом. Они гласили:

1-е Тимофею. 6:10

Ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились и сами себя подвергли многим скорбям.

От Матфея. 26:38

Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною.

Откровение. 16:8

Четвертый ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем.

Исаия. 61:4

И застроят пустыни вековые, восстановят древние развалины и возобновят города разоренные, остававшиеся в запустении с давних родов.

2-я Царств. 13:34

И убежал Авессалом. И поднял отрок, стоявший на страже, глаза свои, и увидел: вот много народа идет по дороге, по скату горы.

К Галатам. 6:18

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с духом вашим, братия. Аминь.

К Римлянам. 8:26

Также и Дух подкрепляет (нас) в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но сам дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными.

Дважды перечитав написанное, я посмотрел на Вулфа, который покоился в кресле, смежив веки и возложив руки на брюхо.

— О'кей, — сказал я, — вы злорадствуете, в частности потому, что я не имею ни малейшего представления, как все это понимать.

Он открыл глаза, поблагодарил кивком Фрица, который только что доставил пиво и стакан.

— Злорадствую? — переспросил он, налив пива и наблюдая, как оседает пена. — Учитывая полное отсутствие у меня сообразительности, вряд ли я имею право на злорадство по отношению к вам или к кому-то иному.

Затем он изложил мне версию, обосновав ее от корки до корки, если можно так выразиться. Она была абсолютно безукоризненной, хотя я самостоятельно ни в жизнь не допер бы до этого.

— Что теперь? — спросил я.

Осушив стакан и промокнув губы носовым платком, Вулф сказал:

— Введите эти отрывки в компьютер в точном порядке и так, чтобы они разместились на одном листке. Затем распечатайте в двенадцати экземплярах. Они понадобятся нам сегодня вечером.

— Это означает, что я должен обзвонить церковную команду и соблазнить всех явиться сюда?

— По-моему, сегодня собирается «кружок веры»? — вопросительно произнес Вулф, чуть наклонившись вперед.

— Точно. Сегодня. Сбор трубят по понедельникам в семь тридцать.

— Прекрасно. Мы окажемся пунктом, заранее не предусмотренным в их повестке дня.

Мне потребовалось тридцать секунд, чтобы осмыслить сказанное. Итак, гора двинулась к Магомету.

Глава 16

По воскресеньям размеренность жизни обычно полностью улетучивается из особняка на Тридцать пятой улице. Фриц частенько берет себе выходной, а Вулф если и посещает любимую оранжерею, то только на очень короткое время. Как правило, он торчит часами в кабинете, читая воскресные газеты или книгу, лишь время от времени совершая паломничество на кухню, чтобы приготовить себе очередное яство.

В это воскресенье, на четвертый день упадка сил, Вулф продолжал сидеть у себя, а Фриц остался дома.

— Я могу ему понадобиться. Арчи, — пояснил он.

Я предложил Фрицу исчезнуть на несколько часов, чтобы дать боссу возможность самому позаботиться о себе. Но такое было не в стиле старого доброго Фрица. И будь я проклят, если он не мечтал о том, чтобы примчаться как можно скорее к своему богу и хозяину сначала с завтраком на подносе и позже с «Таймс» в руках.

Позавтракав на кухне, я занял свое место в кабинете и принялся за чтение «Таймс» и «Газетт». В них не было никаких упоминаний об убийстве Мида. По правде говоря, газеты с начала недели практически утратили интерес к этому делу. В городе Нью-Йорк вчерашняя сенсация переходит на следующий день в разряд древней истории. Я провел некоторое время в кабинете, приводя в порядок вещи, которые в этом вовсе не нуждались. Наконец, преисполнившись невыносимого отвращения к низкопоклонству Фрица, который к половине десятого утра уже четыре раза успел сбегать на второй этаж, я отправился в Серебряный Шпиль раньше, чем собирался. Я был готов на все, лишь бы покинуть дом из бурого известняка, который, будь он таверной, мог бы с полным правом носить привлекательное название «У психа».

Подруливая на «мерседесе» к храму в десять двадцать две, я понял, что прибыл на место не слишком рано. Автомобильная стоянка более чем наполовину была заполнена машинами разных марок, начиная от «линкольнов» и «БМВ» и кончая мини-моделями. Взвод серьезных, хорошо умытых молодых людей в темных брюках и белых рубашках умело разводил прибывающих по местам, заполняя точно ряд за рядом.

Я встал в хвост очереди, продвигавшейся к главному входу в храм. Если проигнорировать то, что большинство из нас было облачено в наряды для посещения церкви, мы являли собой копию зрителей, направляющихся к воротам стадиона «Мидоуленд», чтобы посмотреть, как сшибутся лбами «Гиганты» и «Краснокожие». Еще одно различие состояло в том, что вокруг храма не витал аромат пива и хотдогов с горчицей.

Войдя в сверкающее золотом и хромом фойе, я принялся изучать своих товарищей по молитвам. Подавляющее большинство верующих было не старше двадцати — тридцати лет, и практически все — белые. Мой экспресс-анализ показал, что около половины явились парами, а общее соотношение числа мужчин и женщин было примерно равным.

Я подрулил к стойке, за которой суетились две пожилые особы, похожие на добрых бабушек. На стойке были разложены для продажи брошюры и книги, включая сочинение Бэя «Теология вдохновения» ценой шесть долларов девяносто пять центов, в бумажной обложке, и одиннадцать долларов девяносто пять центов — в твердой. Вместо этого фундаментального сочинения я выбрал для себя брошюру «Что значит в Вашей жизни Храм с Серебряным Шпилем» и двинулся в сторону большого зала. Как и автостоянка, он был наполовину полон, над публикой плыла органная музыка.

Меня приветствовала бойкая молодая дамочка с длинными рыжими волосами, с пачкой программ в руке и значком на груди, объявлявшим, что передо мной «Дженни Амундсен — помощница». Чуть выше значка на ее светло-голубом платье красовалась знакомая мне серебряная булавка в форме шпиля.

— Хэлло! Вы молитесь у нас регулярно? — спросила она, вручая мне программку.

— Нет. Это мой первый визит. Я приезжий, — тонко сымпровизировал я.

— Мы счастливы видеть вас сегодня в нашем храме, мистер...

— Гудман, — я быстро вживался в свой новый образ.

— Где бы вы хотели сидеть, мистер Гудман? — Ее улыбка, надо признать, была весьма соблазнительна.

Я сказал, что где-нибудь в центре было бы прекрасно, и она провела меня на единственное свободное место у прохода, рядом с парочкой, которая, судя по виду, окончила школу не более десяти лет назад. Как только я устроился на мягком театральном кресле, они как: по команде обернулись ко мне с улыбкой не менее широкой, чем у Дженни Амундсен.

— Привет. Я Кэл Уоррен, — представилась сидящая в соседнем кресле круглолицая, рано полысевшая мужская половина парочки, протягивая мне толстую лапу. — А это моя жена Дарлен. — Она кивнула белокурой коротко стриженной головкой. Ее глаза танцевали.

— Вы член общины? — весело поинтересовался Кэрол.

— Нет, я не из Нью-Йорка. Нахожусь здесь по делам.

— Как интересно! Это случается с нами довольно часто. — Он удовлетворенно рассмеялся. — Понимаете, Дарлен и я вот уже

пять лет являемся постоянными членами. Каждое воскресенье мы сидим на этих местах, и между нами и проходом только одно свободное кресло. Вы понимаете? Поэтому мы почти каждый раз встречаем новичка, кого-нибудь вроде вас, решившего посмотреть, что же такое Серебряный Шпиль. Дарлен и я... мы просто обожаем встречать новых людей. Откуда вы, мистер...

— Гудман. Алан Гудман из Чилликота, Огайо.

— Огайо. Это же, черт побери, одно из самых прекрасных мест, которые мне доводилось видеть. Пару раз в год мне по делам приходится ездить в Цинци, Дарлен однажды путешествовала со мной. Тебе ведь тоже там понравилось, правда, дорогая?

Дарлен кивнула, ее глазки вновь затанцевали, и она спросила:

— Как вы узнали о Серебряном Шпиле, мистер Гудман? Наверное, видели нашу службу по телевизору?

Я сказал, что у меня дома есть друг, который и порекомендовал мне посетить храм. Дарлен, судя по ее виду, изготовилась задать очередной вопрос, но тут свет вспыхнул ярче, видимо, для телевизионных камер, а где-то позади нас взревели фанфары, перекрывая шум в зале. К этому времени практически все места оказались занятыми. Обернувшись, я увидел трех стоящих в углу балкона трубачей в темно-бордовых блейзерах. Они перестали трубить столь же внезапно, как и начали, и на сцену выступил Барнаби Бэй. Он шествовал к кафедре, которая — как я узнал благодаря Нелле Рейд — только несколько мгновений назад при помощи электроники выдвинулась из-под пола. Светло-серый костюмчик сидел на нем отменно.

— Доброе утро, братья и сестры, — пропел он, широко раскинув руки ладонями вверх. — Приветствую вас вновь в этот час Славы. И для начала хор Шпиля под руководством нашего собрата Марли Вилкинсона напомнит: «Какого друга мы имеем в лице Иисуса».

После этих слов хор в шестьдесят голов возник в левой части сцены. Певцы, облаченные в великолепные малиновые с серебром мантии, исполнили гимн, знакомый мне с детства. Вилкинсон как дирижер выглядел весьма театрально. Он размахивал руками, пожалуй, посильнее полицейского, регулирующего уличное движение в центре Манхэттена в час пик. На последней строфе он лихо развернулся лицом к публике, мановением руки пригласил нас подняться и подпеть хору. Мы затянули песнь, читая слова на большом экране над хором. В середине первого ряда певцов я заметил Каролу — надо сказать, что ее трудно было не заметить; однако убежден, что она меня не видела. Для нее я был просто

еще одним лицом в огромной толпе.

Когда гимн закончился, Вилкинсон вытер платком выступившие на лбу капли пота и прогудел в прикрепленный к лацкану микрофон:

— Вы все в отличном голосе этим прекрасным утром. Теперь я попрошу вас поприветствовать появление на этой сцене по-настоящему одаренного юного музыканта. Девочке всего девять лет, но она владеет скрипкой не хуже Штерна или Перлмана.

Он пригласил на сцену девчушку в разовом платьице, из-под которого кокетливо выгладывал край кружевной нижней юбки, и с кружевным же чепчиком на голове. Девица действительно умела обращаться со скрипкой. Для тех, кто располагался далее чем в городском квартале от сцены, а таких было подавляющее большинство, ее двенадцатифутовый образ проецировался еще на один экран, который бесшумно опустился из своего укрытия в потолке. Лили, наверное, смогла бы идентифицировать исполняемую вещь. Но как бы пьеса ни называлась, звучала она недурно.

Когда девочка закончила играть и раскланялась под аплодисменты, Бэй вернулся на сцену и произнес, обняв ее за плечи:

— Разве это не чудо, друзья? Какое дарование! Ее родители — Том и Мэри — находятся здесь в первом ряду. Они члены семьи Серебряного Шпиля уже... сколько?., двенадцать лет, не так ли? — Он взглянул на сидящую в первом раду пару, которая ответила дружным кивком. — А ты, дорогая, уже сколько времени посещаешь нашу воскресную школу? — Бэй, наклонившись, приблизил свой микрофон к девочке.

— Семь лет, — ответил ее писклявый голосок.

— Семь лет, разве это не здорово? — лучась улыбкой, проворковал он. — Давайте поаплодируем ей еще раз, как принято у нас в Серебряном Шпиле.

Все зааплодировали, и девочка покинула сцену, а Бэй снова занял свое место на кафедре, но на сей раз с более печальным выражением лица. В течение целых пятнадцати секунд он выдерживал паузу, молча глядя в зал. Затем расправил плечи и начал:

— Братья и сестры во Христе, этим утром я стою перед вами, преисполненный печали, отягощенный горем. Многие из вас, находящиеся сейчас в храме, так же, как и, — он полным драматизма жестом выбросил вперед руку, — тысячи и тысячи тех в стране и мире, кто видит нас по телевизору, знают, что наш возлюбленный брат и друг Рой Мид покинул этот мир, чтобы занять достойное место рядом с Творцом. Мы оплакиваем

несправедливую и насильственную кончину Роя — необъяснимую кончину. Мы, по крайней мере я, вопрошаем Всемогущего Господа: почему, почему ты позволил такое по отношению к одному из своих самых добрых и преданных слуг?

Плечи оратора опустились, он выдержал еще одну паузу, обегая взглядом молчаливую аудиторию.

— Однако на этот вопрос, мои друзья, ответ имеется, — заявил проповедник, возвышая голос. В его руках появилась Библия. — Пожалуйста, возьмите Священное писание и обратитесь вместе со мной к Посланию святого апостола Павла к римлянам, глава восьмая.

Шорох страниц заполнил зал. Уоррены открыли свои Библии, и Кэл держал книгу так, чтобы я тоже мог видеть текст.

— Начнем с тридцать пятого стиха: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: «За Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание». Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем». Бэй с шумом захлопнул Библию и наклонился вперед, водрузив локти на край кафедры.

— Братья и сестры, — печально проговорил он, растягивая для вящего эффекта слова, — для каждого из нас у Бога имеется свой план, и каков бы тот план ни был, ничто — еще раз говорю — ничто не может отлучить нас от Его любви в Иисусе Христе. Вы можете быть уверены, что Бог определил достойную роль для нашего возлюбленного брата и коллеги Роя, но нам не дано узнать этой роли, поскольку она есть часть великого Божьего промысла.

После этих слов Бэй пустился проповедовать о смерти и спасении, и хотя с половиной сказанного я был не согласен, а вторую половину не понял, пришлось признать, что парень — оратор действительно высокого градуса. Он разглагольствовал двадцать пять минут, играя на модуляциях своего голоса так, как другие играют на музыкальных инструментах. Голос становился то громче, то нежнее, то переходил почти в шепот. За все время в трехтысячной аудитории кашлянули всего лишь пару раз.

После проповеди и коллективного пения гимна начался сбор пожертвований. Я, чтобы не отличаться от остальных, сунул пятерку в дарственную суму, после чего мы пропели еще один гимн. Хор Вилкинсона выдал еще одно представление, а Бэй тем временем призвал нас к общей молитве. Шоу закончилось

коллективным пением, и я поднялся, чтобы уйти, но меня остановил Кэл Уоррен.

— Прошу прощения, мистер Гудман, — сказал он, улыбаясь до ушей, — но не могли бы вы дать мне свою визитку?

— Я... я оставил их в гостинице. Какая непростительная забывчивость.

— Ничего страшного. Напишите для меня ваше имя и адрес. Я буду счастлив прислать вам материалы, посвященные нашему Серебряному Шпилю.

Я заявил, что уже приобрел одну брошюру, и продемонстрировал покупку, с гордостью вытянув ее из кармана. Но парень был неумолим. Пришлось вырвать листок из блокнота и, ощущая некоторые угрызения совести, нацарапать: «Алан Гудман, Дорога 1, Чилли-кот, Огайо».

— А как насчет почтового индекса? — спросил настойчивый Кэл.

— Ах да, конечно.

Взяв листок из его рук, я вывел пятизначную цифру, которую запомнил, в свое время посылая открытки и письма на Запад. Плевать, что все, посланное Кэлом, либо вернется к нему, либо навеки погибнет на почте Чилликота в отделе невостребованной корреспонденции. Мы пожали друг другу руки, а Дарлен Уоррен, мило улыбнувшись и стрельнув глазками, выразила надежду на то, что я еще появлюсь в храме. Я ответил, что попытаюсь, увеличив тем самым и без того огромное количество лжи, сказанной мной за последний час. Прощения мне не было, потому что лгал я в церкви.

Машины разъезжались с огромной стоянки в удивительном порядке. Видимо, благодаря энергии молодых людей в белых рубашках и деятельности нескольких представителей славного отряда нью-йоркской полиции, размахивающих руками на всех прилегающих перекрестках. Спустя полчаса после того как я повернул ключ зажигания, «мерседес» уже занял свое место в гараже на Десятой авеню.

Мои часы показывали двенадцать пятьдесят шесть. Поначалу я хотел двинуться домой, но оставаться под одной крышей с мистером Депрессия было выше моих сил, и я отправился на прогулку. Нью-Йорк частенько получает удары как изнутри, так и извне. Большую часть их он вполне заслужил. Город, или по крайней мере Манхэттен, грязен, слишком переполнен людьми, а жизнь в нем безумно дорога. Все, начиная от мостов и кончая подземкой, приходит в упадок и разваливается быстрее, чем находятся средства привести их в порядок. И это не говоря о таких мелочах, как без мотивное насилие, наркотики и

бездомные. Однако, несмотря на все ужасные и, возможно, неразрешимые проблемы, город для меня по-прежнему обладает большой притягательной силой, хотя я и не всегда способен объяснить вам причину. Этим утром, когда весна проявила себя в полную силу, я вновь ощутил теплое чувство к своему городу.

Отчасти это объяснялось погодой: теплой, солнечной, с легким приятным ветерком. Я побрел на восток, к почти пустынной Пятой авеню, повернул на север и оказался у Рокфеллеровского центра. Остановившись у парапета, я посмотрел на площадь внизу. Там за столами под цветными зонтами подавали поздний завтрак. Это происходило на том самом месте, где всего два месяца назад выделывали пируэты на льду любители коньков, включая меня и Лили Роуэн. Я подумал, не стоит ли мне совершить восхождение на высоту в полмили к пентхаусу Лили, но отверг идею быстрее, чем вы смогли бы произнести «Ренуар», одно из творений которого украшало стену ее гостиной. Лили любит поспать подольше и встает очень поздно — особенно по воскресеньям. Не в моем духе нарушать привычный ход жизни людей. Кроме того, в том состоянии, в котором я пребывал, я вряд ли смог бы составить ей приятную компанию.

Я направился на юг, избрав для разнообразия маршрут по Парк-авеню. На углу Сорок восьмой я сунул в лапу грязнейшего попрошайки десятку, получив в знак признательности беззубую улыбку и слова: «Да благословит вас Господь, сэр». Мне даже захотелось поинтересоваться, не желает ли он посетить одну из ночлежек Бэя.

Замедлив шаг, я еще раз обмозговал свою ситуацию. Фред сидел дома в Квинсе и потел в тревожном ожидании, и его нельзя было осудить за это. Вулф тоже торчал дома — его мозги забастовали, — и я его осуждал. Проведя мысленно судебное заседание, я нашел его виновным в смертельной лени первой категории. Каждый из шести человек или, вернее, семи, если считать Бэя, мог укокошить Мида. Но какой мотив толкнул убийцу на преступление? Правда, парень не был в церкви душой общества, но если отсутствие популярности коллеги могло бы служить основанием для убийства, то половина трудовых ресурсов города Нью-Йорк мотала бы срок, а другая половина покоилась бы под венками.

Относительно Каролы Риз я все еще не мог прийти к окончательному решению. Я сказал Вулфу о пятидесятипроцентной вероятности того, что между ней и Вилкинсоном что-то есть, и не был готов изменить свою точку зрения. Но если даже они с Вилкинсоном играли в свои игры, то

чего хотел добиться Мид, запугивая ее? Мог ли страх разоблачения стать достаточным стимулом для того, чтобы она пошла на убийство? И не об этой ли ситуации упоминал Мид в разговоре с женой? А как насчет того, что Миду было известно о существовании у Каролы ребенка? Насколько она боялась, что этот факт ее биографии станет известен всем? Достаточно ли для того, чтобы заставить его замолчать?

Оставались также Джиллис и Риз. Мид не утруждал себя выбором слов, оценивая их деятельность. О Моргане он, судя по всему, тоже был весьма невысокого мнения. Не был ли один из них настолько напуган перспективой потерять работу, что предпочел устранить критика? Однако такая возможность казалась мне маловероятной.

Без всякого энтузиазма я просчитал вероятность виновности семейства Бэев. У меня с религией всего лишь шапочное знакомство, но тем не менее даже мысль о том, что руководитель церкви, причем церкви любой конфессии, может быть убийцей, казалась мне нелепой до абсурда. Хотя теперь мне было известно, что Элиз Бэй давно и сильно недолюбливала Мида, я все же не мог придумать мотивов, которые могли бы толкнуть ее на убийство. Вулф, конечно, мог высмеять подобное заключение, заявив, что дамская красота постоянно лишает меня способности трезво мыслить. Возможно, в этом он и прав, но Элиз невиновна, если только Мид каким-то образом не угрожал жизни Бэя или его лидерству в храме.

Когда я окончательно подвел итоги, у меня на руках оказались: отказывающийся работать босс, друг, которого от тюрьмы отделял лишь предстоящий скоро суд, и команда церковников, каждый из которых не любил Мида, но в то же время не имел достаточных мотивов для того, чтобы отправить коллегу на тот свет. Кроме того, у нас оказалось два набора ссылок на Библию — один с угрозами Бэю и второй, обнаруженный на столе Мида. Интересно, какая между ними связь, если, конечно, таковая вообще имеется.

Я шагал, продолжая задавать себе вопросы и не получая на них ответов. Добравшись наконец до особняка из бурого известняка и окончательно созрев, я впал в ярость.

— Он по-прежнему корчит недовольную рожу наверху? — спросил я у Фрица, который, сидя в кухне, читал воскресную газету.

Сняв очки, Фриц кивнул и доверительным шепотом сказал:

— Но знаете. Арчи, он спускался на некоторое время в кабинет. И что уж совершенно невероятно — включал телевизор.

— Интересно. И что же он смотрел?

— Не знаю. Когда я принес кофе, он как раз включал телевизор, и он приказал мне закрыть за собой поплотнее дверь, когда я уходил. И дверь оставалась закрытой все время, пока он там был. Потом мистер Вулф поднялся в свою комнату и больше не выходил.

— В котором часу это произошло?

— Он спустился около одиннадцати и провел в кабинете час. Я очень боюсь за мистера Вулфа, Арчи. Он ведет себя чрезвычайно странно.

— Не смею спорить. Вы знаете, не мое это занятие отдавать приказы. Обычно я их получаю. Но сейчас особый случай. Вам действительно хочется, чтобы мистер Ниро вылез из блиндажа, покончив со своим трусливым бездельем?

— Конечно, Арчи.

— Замечательно. В таком случае убирайтесь из дома. День прекрасный — просто великолепный. Свежий воздух пойдет вам на пользу. Обещаю сохранить здесь полный порядок.

Фриц, помрачнев, положил очки на доску для рубки мяса.

— Арчи, а вы не подеретесь с ним, если я уйду?

— Я? Никогда. Мое настоящее имя — Миролюбец. Отдохните, сходите в кино, съешьте пиццу, улыбнитесь красивой женщине. Ведь на дворе весна и «Мете» лидирует в своей группе.

Фриц пожал плечами, покачал головой и, сняв фартук, с мрачным видом направился в свое расположенное в цокольном этаже жилье. В дверях он задержался и, повернувшись ко мне, сказал:

— Скоро он опять позвонит и потребует пива.

— Мне известно, где хранится пиво, — ответил я и взял с разделочной доски секцию «Недельное обозрение» воскресного выпуска «Таймс».

К тому времени, когда дважды проверещал звонок, что означало требование доставить в спальню пиво, я успел прочитать о действиях террористов на оккупированном Западном берегу, о банковском скандале в Аризоне и о студенческих волнениях в Париже. Отложив газету, я достал из холодильника две бутылки «Реммерса», поставил их на круглый бронзовый поднос, которым обычно пользуется Фриц, и отправился вверх по лестнице. Дважды постучав, я распахнул дверь спальни.

Вулф, облаченный в коричневый костюм, желтую рубашку с коричнево-золотистым галстуком, восседал за маленьким столом у окна и решал кроссворд из воскресного журнального приложения к «Таймс».

— Где Фриц? — сварливым тоном спросил он.

— Я отправил его наслаждаться весной до конца дня, —

небрежно бросил я и, взяв с подноса бутылки, поставил их перед носом Вулфа. — Вам же известно, что в воскресенье у него выходной.

— Благодарю вас, мистер Гудвин, — произнес он тоном, холодным как альпийский ледник.

— Пожалуйста. Получили удовольствие, наблюдая за службой в Храме с Серебряным Шпилем?

Если мой вопрос и удивил Вулфа, то он своего удивления ничем не выдал. Дернув головой, он недовольно произнес:

— Это не служба, а представление. Кроме того, каждые десять минут спектакль прерывался и на экране возникал мистер Бэй с бестактными просьбами о деньгах. А если бы я позвонил по указанному им телефону, то получил бы Библию в переплете ручной работы с автографом самого мистера Бэя. Чудовищно.

— Согласен. Те, кто был в храме, не имели возможности познакомиться с маркетинговыми приемами мистера Бэя. Вы заметили меня среди присутствующих?

— Даже не искал.

— Жаль. Итак, какие будут планы, после того как вы имели счастье лицезреть по ящику фирму «Бэй и К°» в деле?

Вулф ответил мне просто первоклассным рыком:

— Мой план — продолжить дело, которым я был занят, пока вы мне не помешали.

— Прекрасно, — выпалил я в ответ. — Оставляю вас наедине с вашим драгоценным кроссвордом. Но прежде чем я уйду, вам следует узнать, что завтра утром вы увидите мое заявление об отставке.

— Пустая болтовня.

— Нет, сэр, не болтовня. Понимаете, у меня есть отличный друг, который однажды спас мне жизнь, и я знаю, что он сделает это вновь, если возникнет необходимость. Теперь друг попал в ужасную переделку — его обвиняют в преступлении, которого он не совершал. Никого, кроме меня, его судьба не интересует, а поскольку я здесь работаю, то не имею возможности посвятить все свое время доказательству его невиновности. У меня просто нет иного выхода. Для меня это дело чести. Поскольку мои рабочие недели у вас заканчиваются по воскресеньям, я отслужу этот день до конца. Более того, завтра утром в одиннадцать я буду в кабинете, чтобы передать вам компьютерные записи о почках орхидей, доложить о текущей переписке и обсудить состояние некоторых дел. Я покажу вам, где хранятся дискеты. Если вы предпочтете не появиться в одиннадцать, я оставлю подробную памятную записку на вашем столе.

Вулф скосил на меня глаза.

— Знаю, вы, возможно, сердитесь на меня, — продолжал я. — После стольких лет совместной работы вы имели полное право рассчитывать получить предупреждение о моем уходе за две недели или даже за месяц. Но сейчас я не могу позволить себе подобной роскоши. Мой друг пребывает в бедственном положении. Однако вместо предупреждения я готов оплатить из собственного кармана двухнедельную работу первоклассного временного секретаря. За две недели вы сможете побеседовать с лицами, которые смогут заменить меня уже на постоянной основе. По-моему, мы нашли справедливое решение, не так ли?

Он что-то нечленораздельное прорычал. Я кивнул, сделал классный поворот через плечо и покинул комнату.

Мне было по-настоящему интересно, что случится, если Вулф в понедельник утром все-таки не появится в кабинете. По мере того как стрелки моих часов приближались к указанному сроку, я все усерднее делал вид, что увлечен сортировкой документов. Но видит Бог, я был готов написать памятную записку.

В одиннадцать до меня донесся скрип лифта. Пока кабина спускалась, я продолжал работать. Вскоре я услышал шаги в коридоре, а затем в кабинете.

— Доброе утро. Арчи. Надеюсь, вы хорошо спали? — спросил Вулф, обходя свой стол и втискиваясь в кресло.

— Подобно младенцу, — ответил я, не поднимая глаз.

— Прекрасно. Как сказал Суинберн: «Спи и радуйся, что мир стоит на месте», — проговорил он и начал просматривать почту, которую я заранее разложил на его столе.

Мне, правда, оставалось лишь догадываться, чем он занимается, так как я, не поднимая головы, продолжал выстукивать на машинке заявление об отставке. Я слышал, как он вставал из-за стола, подходил к книжным полкам и возвращался на свое место. Закончив печатать, я повернулся вместе с креслом и увидел, что он склонился над открытой Библией. Еще три книги лежали слева от него.

Я вернулся к своим делам, время от времени поглядывая на Вулфа, который, изучив одну книгу, принялся перелистывать вторую, затем третью. Это продолжалось полчаса, и я исчерпал все средства, позволявшие мне казаться сильно занятым. Вдруг Вулф шумно вздохнул, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Это могло означать либо окончательную капитуляцию, либо важное открытие. Замерев, я внимательно следил за ним. Минут десять мы оба оставались совершенно неподвижными. Если бы кто-нибудь смог заглянуть в окно, то он принял бы нас или за покойников, или за людей, находящихся в глубоком трансе.

И наконец это произошло. Вначале лишь немного дернулась его верхняя губа, но я знал, что развязка близится. Он вцепился обеими руками в подлокотники кресла, а губы его принялись быстро двигаться вперед-назад, вперед-назад. В дверях возник Фриц, видимо, удивленный тем, что босс до сих пор не требует пива. Я сделал ему знак молчать, приложив указательный палец к губам.

Фриц вернулся в кухню, а Вулф продолжал упражнения с губами еще девятнадцать минут — время среднее и даже ближе к минимальному для таких случаев. Это я знаю точно, потому что провожу хронометраж уже много лет. Открыв глаза и посмотрев на меня, он сердито пробормотал:

— Непростительно.

— Что именно?

— Позорное отсутствие проницательности. С меня следовало бы публично содрать шкуру.

— Это можно устроить, — сказал я, но никакой реакции не добился.

Он снова сгорбился над Библией, что-то поспешно записывая на листке бумаги. Закончив, Вулф откинулся на спинку кресла и двумя звонками потребовал пива.

— Итак? — спросил я.

Складки на его щеках углубились, что означало улыбку. Он подвинул исписанный листок через стол ко мне. Я взял записку, которую, зная его почерк, прочитал без труда. Однако, прочитав, не получил никакого представления о том, что бы это могло означать. Вулф просто скопировал отрывки Библии, помеченные Мидом. Они гласили:

1-е Тимофею. 6:10

Ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились и сами себя подвергли многим скорбям.

От Матфея. 26:38

Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною.

Откровение. 16:8

Четвертый ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем.

Исаия. 61:4

И застроят пустыни вековые, восстановят древние развалины и возобновят города разоренные, остававшиеся в запустении с давних родов.

2-я Царств. 13:34

И убежал Авессалом. И поднял отрок, стоявший на страже, глаза свои, и увидел: вот много народа идет по дороге, по скату

горы.

К Галатам. 6:18

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с духом вашим, братия. Аминь.

К Римлянам. 8:26

Также и Дух подкрепляет (нас) в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но сам дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными.

Дважды перечитав написанное, я посмотрел на Вулфа, который покоился в кресле, смежив веки и возложив руки на брюхо.

— О'кей, — сказал я, — вы злорадствуете, в частности потому, что я не имею ни малейшего представления, как все это понимать.

Он открыл глаза, поблагодарил кивком Фрица, который только что доставил пиво и стакан.

— Злорадствую? — переспросил он, налив пива и наблюдая, как оседает пена. — Учитывая полное отсутствие у меня сообразительности, вряд ли я имею право на злорадство по отношению к вам или к кому-то иному.

Затем он изложил мне версию, обосновав ее от корки до корки, если можно так выразиться. Она была абсолютно безукоризненной, хотя я самостоятельно ни в жизнь не допер бы до этого.

— Что теперь? — спросил я.

Осушив стакан и промокнув губы носовым платком, Вулф сказал:

— Введите эти отрывки в компьютер в точном порядке и так, чтобы они разместились на одном листке. Затем распечатайте в двенадцати экземплярах. Они

понадобятся нам сегодня вечером.

— Это означает, что я должен обзвонить церковную команду и соблазнить всех явиться сюда?

— По-моему, сегодня собирается «кружок веры»? — вопросительно произнес Вулф, чуть наклонившись вперед.

— Точно. Сегодня. Сбор трубят по понедельникам в семь тридцать.

— Прекрасно. Мы окажемся пунктом, заранее не предусмотренным в их повестке дня.

Мне потребовалось тридцать секунд, чтобы осмыслить сказанное. Итак, гора двинулась к Магомету.

Глава 17

Оправившись от шока, вызванного решением Вулфа, я зашел в кухню, где объявил, что мы намерены покинуть особняк из бурого известняка примерно за полчаса до того момента, когда обычно садимся за ужин. Фриц взглянул на меня так, словно я только что посолил, предварительно не попробовав, одно из его лучших блюд.

— Но уходить голодными, Арчи... — умоляюще затянул он. — Это же плохо для него... просто ужасно.

— Перестаньте. Не хуже для здоровья, чем ваши креветки по-бордельски... или по-бордоски, не помню точно. Время от времени ему полезно пожертвовать парой-другой калорий. К тому же вам ведь нравится, когда он вдруг для разнообразия начинает работать.

Я не стал упоминать о том, что данная эскапада не будет оплачена. Если бы я решился на это, то челюсть Фрица, и без того изрядно отвисшая, просто шлепнулась бы на паркетный пол. Когда я уходил из кухни, он стоял у плиты, тряся головой и что-то бормоча по-французски, видимо, проклиная меня и все то, что дорого моему сердцу. Я сам клял себя за то, что позволил Вулфу оставить нас без креветок и особенно без десерта — ни с чем не сравнимого фисташкового суфле по рецепту самого Фрица.

Остаток дня тянулся не меньше недели. После ленча, состоявшего из запеченной говядины с соусом карри, я поработал с чековой книжкой и ввел в компьютер, согласно инструкции Вулфа, выдержки из Библии. Затем, распечатав двенадцать экземпляров, поместил их в конверт из плотной бумаги. Вулф все время оставался за своим столом, читая книгу и потягивая пиво. Он покинул меня, только когда настало время общения с орхидеями.

Вместо того чтобы вернуться в шесть, как обычно, в кабинет, Вулф отправился к себе в спальню, чтобы переодеться для экспедиции на Стейтен-Айленд. В шесть пятьдесят он все еще оставался наверху, и я, объявив Фрицу, что ухожу, отправился в гараж на Десятую авеню. Взяв «мерседес», я подогнал его к нашему дому. На ступенях уже ждал Вулф, облаченный, несмотря на теплую погоду, в кашемировое пальто, фетровую шляпу и вооруженный массивной тростью из красного дерева.

Прежде чем спуститься, он с отвращением посмотрел на «мерседес». Я выскочил из машины и, изображая лакея, распахнул заднюю дверцу. С тем же выражением отвращения на лице он втиснул свою тушу в транспортное средство. Насколько я знаю,

больше автомобильных путешествий он ненавидит только полеты на аэропланах. Вулф не доверяет никаким самодвижущимся аппаратам и обращается к ним, только когда нет иного выхода.

Покончив с делом, то есть поместив Вулфа в «мерседес», я сел за руль и, взяв курс на юг и затем на восток, проехал в Бруклин через туннель Бэттери. Машин на вечерних улицах было совсем немного, за рулем «мерседеса» находился лучший из известных мне водителей, но Вулф тем не менее с напряженной физиономией сидел на самом краешке сиденья, судорожно вцепившись в петлю над окном, как в вытяжное кольцо парашюта.

— Сейчас мы поедем по мосту Веррацано, — сказал я, чтобы нарушить молчание, зная, что он никогда не видел этого чуда инженерного искусства. — Мост Веррацано — самый длинный однопролетный подвесной мост в мире. Его сооружение было завершено в 1964 году.

Он невнятным ворчанием выразил отсутствие восторга по этому поводу, и я оставался нем как рыба весь остаток пути. Когда мы въехали на покрытую асфальтом автомобильную стоянку Храма с Серебряным Шпилем, начинало смеркаться. На площади размером с Вермонт[12] дремало штук пятнадцать машин — все рядом с входом. Я поставил «мерседес» на свободное место поближе к дверям, выключив двигатель и, повернувшись к Вулфу, объявил:

— Это и есть то самое заведение — называется оно «У Бэя».

Вулф скривился, а я, выскочив из машины, открыл дверцу с его стороны. Все же надо отметить, что Вулф, несмотря на свой объем, вовсе не был неуклюж. Он выскочил из «мерседеса» так, словно делал это каждый день. На самом деле ему приходилось проделывать подобное упражнение только при посещении парикмахера да еще раз в год во время визита на городскую выставку орхидей. Вулф размял конечности и посмотрел на здание.

— Сплошная показуха, как я вам и докладывал.

— Обман и ложь должны ютиться в этом месте.

— Шекспир?

— Несколько перефразированный. Я опустил эпитет «славном» к слову «месте», поскольку заведение его не заслуживает.

Мы прошли через двустворчатые стеклянные двери. Костлявый охранник с сивой шевелюрой, восседавший на том месте, которое днем занимала рыженькая, отложил в сторону потрепанный вестерн в бумажной обложке и уставился на нас поверх очков.

— Прошу прощения, но церковь закрыта, — пробубнил он,

извлекая изо рта зубочистку. — Первая экскурсия завтра в девять.

— В конференц-зале сейчас проходит совещание, — спокойно сказал я. — Преподобный Бэй нас ждет.

Охранник с сомнением изучил страничку лежащего перед ним блокнота.

— Никаких пометок о посетителях на сегодня, — сказал он. — Как вас зовут?

— Вулф и Гудвин. Позвоните Преподобному Бэю и скажите, что мы здесь.

— Нет. Не могу прерывать собрание, — покачал головой страж.

Я прошипел, наклонившись к его морщинистому лицу так близко, что смог определить его любимый соус к спагетти:

— Послушайте! Мне прекрасно известно, что в конференц-зале есть телефон. — Повысив голос и подчеркивая каждое слово, я продолжил: — Звоните Бэю, или я позвоню сам и боюсь, что в этом случае вам придется плохо.

Слезящиеся глаза стража встретились с моими, и он сглотнул, дернув кадыком. Подняв трубку, он набрал номер.

— Это Перкинс из главного фойе, сэр, — прохрипел он. — Простите, что беспокою, но здесь к вам пришли два джентльмена. Вулф и Гудвин... Да, сэр... Да... Хорошо, я им передам.

Он положил трубку, сглотнул еще раз и, посмотрев на меня, перевел взгляд на Вулфа.

— Преподобный будет через минуту, — хрипло проговорил он и, вернувшись к своему вестерну, сделал вид, что нас нет.

Вулф посмотрел на угловатые контуры кресел для посетителей и, скривившись, мудро предпочел остаться на ногах. Я последовал его примеру. Через две минуты в затененном дальнем конце фойе возник мужской силуэт. Человек двигался к нам, его шаги порождали гулкое эхо. Прежде чем он вышел на свет, я знал, что это — Барнаби Бэй.

— Мистер Вулф, мистер Гудвин, вот так сюрприз, — произнес Бэй, слабо улыбнувшись. — У нас в разгаре совещание, так что...

— Буду предельно краток, — прервал его Вулф. — Мистер Гудвин и я были осведомлены о вашем собрании и выбрали именно это время для визита, так как знали, что застанем вас в окружении руководящего персонала храма. Причина посещения — смерть мистера Мида.

Бэй, выглядевший щеголем в коричневом спортивного покроя пиджаке, белой рубашке с галстуком в коричневую и золотистую косую полоску, растерянно пожевав губами, жестом пригласил нас отойти подальше от охранника. Когда мы остановились там, где нас не мог услышать старый филин, Бэй сурово посмотрел на

Вулфа и, откашлявшись, произнес:

— Ваш приход, мягко говоря, неуместен. Как я уже имел возможность повторить несколько раз и вам, и мистеру Гудвину, мы знаем, что убийца — а это ваш коллега мистер Даркин — давно идентифицирован и ему формально предъявлено обвинение. Я знаю, сколь болезненно для вас это обстоятельство, но тем не менее не вижу оснований причинять боль моим коллегам, вынуждая их возвращаться к трагическим событиям. Мне кажется, что я уже проявил достаточную снисходительность, позволив мистеру Гудвину подвергнуть моих людей продолжительным и неприятным допросам.

Вулф, который терпеть не может беседовать стоя, весьма осерчал и ударил резиновым наконечником трости о каменный пол, что для него граничило с проявлением крайней формы насилия.

— Мистер Бэй, либо я поговорю с вашими людьми — обещаю быть предельно кратким, — либо вы узнаете все, что я хотел сказать, из завтрашнего дневного выпуска «Газетт». Уверяю вас, это будет пренеприятное чтение.

Не знаю, о чем подумал Бэй, но он явно понял, что не может себе позволить прогнать нас.

— Хорошо, — произнес он после длительного изучения своих украшенных кожаными кисточками туфель. — Но прежде я хочу узнать, что вы намерены сказать.

— Нет, сэр. Так дело не пойдет. Вы все одновременно услышите мои слова.

Последовала еще одна пауза, которую вновь прервал Бэй.

— Не стану скрывать, что это мне крайне не нравится, мистер Вулф. Не могли бы вы хотя бы намекнуть, о чем будет идти речь?

— Но я ведь уже сказал. Речь идет об убийстве мистера Мида. А пока мне кажется, что мы понапрасну теряем время и зря сотрясаем воздух.

— Хорошо, — вздохнул Бэй. — Но я, как председатель, оставляю за собой право в любое время прекратить дискуссию.

Вулф, прекрасно понимая, что никто не сможет его остановить, если уж он начнет говорить, склонил на долю дюйма голову в знак согласия. После этого мы последовали за Бэем в полутемный коридор. Преподобный распахнул дверь конференц-зала, и мы узрели перед собой шесть изумленных лиц.

— У нас гости, — объявил падре, прежде чем кто-либо успел оправиться от шока. — Все уже знакомы с мистером Гудвином. А это его работодатель — мистер Ниро Вулф.

— Что это значит, Барни? — грозно спросил Сэм Риз, приподнимаясь со своего места. Остальные сердито заворчали. —

Эту парочку не следовало сюда пускать ни под каким видом.

— Прошу успокоиться и дать мне возможность объяснить, — сказал Бэй, поднимая руку. — Я согласен, что все это крайне неожиданно, но мистер Вулф попросил уделить ему несколько минут, чтобы обсудить... то, что случилось с Роем.

— Что здесь обсуждать? — пролаял Марли Вилкинсон. — Мы все знаем: Роя убил Даркин.

— Мы первыми обратились к мистеру Вулфу за помощью, — примирительным, но в то же время твердым тоном проговорил Бэй. — И нам следует, хотя бы из чувства вежливости, выслушать то, что он желает нам сказать.

Это заставило их замолчать, по крайней мере на время. Никто из сидящих за столом не был «полон благостного млека»[13].

Бэй жестом пригласил Вулфа занять место в конце прекрасно отполированного стола из темного дерева. Я помог гению снять пальто. Кресло было на пару размеров меньше того, к которому он привык, но Вулф героически втиснулся в него. Я уселся чуть сзади и немного левее своего босса. Справа от Вулфа сидел Ллойд Морган, за Морганом — Риз, затем Карола и замыкал правый ряд Марли Вилкинсон. Ближайшим слева оказался Джиллис, далее занимала место Элиз и рядом с ней ее супруг. За столом могло поместиться в два раза больше людей, поэтому дальний конец был свободен.

Вулф поерзал, устраиваясь поудобнее, и внимательно оглядел окружавшие его мрачные лица.

— Я вполне понимаю ту искреннюю враждебность, с которой вы встретили мое появление, — начал он. — Все вы, кроме одного, убеждены, и с достаточным на то основанием, что вашего коллегу убил мистер Даркин, — факты указывают именно на это.

— Аминь, да будет так, — произнес Морган, удостоившись недовольного взгляда Бэя.

Вулф перевел дыхание и продолжил:

— Вы все принимаете на веру, без всяких доказательств множество догматов, и я прошу вас поверить на некоторое время в еще один постулат: Фред Даркин не способен на преступление, в котором его обвиняют.

Мистер Даркин...

— Вы требуете от нас слишком многого, — пробормотала Карола Риз, отбрасывая со щеки непокорную прядь волос.

— Не могу не согласиться с вами, мадам, но умоляю вас проявить снисходительность. Совсем ненадолго. Хотя бы потому, что в нашей свободной стране мистер Даркин считается невиновным до тех пор, пока на суде не будет доказано обратное.

— А вы хотите сказать нам, что он невиновен, так как работал на вас. Разве я не прав? — вмешался Риз, воинственно вздернув подбородок.

Вулф пожевал губами и произнес:

— Сэр, я намерен доказать невиновность мистера Даркина, открыв личность подлинного убийцы. И чтобы быть точным, должен вас поправить — в данном случае мистер Даркин на меня не работал. Никто не может...

Его спич был прерван звонком телефона, стоящего у локтя Бэя. Преподобный снял трубку.

— Да. Что? Здесь? Хорошо... да. Проводите их сюда. — Бэй состроил недовольную гримасу и осуждающе взглянул на Вулфа. — Прибыли два представителя департамента полиции. Они определенно знали, что вы посетите нас сегодня вечером. Вы подвергаете серьезному испытанию наше гостеприимство, мистер Вулф.

Теперь я понял, чем занимался Вулф в своей комнате. Он звонил Крамеру, но мне не удосужился об этом сказать. Его поступок должен послужить темой нашей очередной дискуссии.

— Совершено убийство, — ответил Вулф, движением руки останавливая Бэя. — Как вы, так и я весьма заинтересованы в том, чтобы преступник был изобличен, однако интересы общества стоят еще выше, а именно их и представляет полиция.

В этот момент, как в хорошо поставленном спектакле, двери распахнулись, и на сцену вступили инспектор Крамер и сержант Пэрли Стеббинс. Конференц-зал как-то сразу уменьшился.

— Инспектор, — сказал Бэй, встав с кресла и кивнув без тени улыбки, — не ожидал увидеть вас сегодня.

— Удивлен не менее вас, — прохрипел Крамер. — Но сержант Стеббинс и я присутствуем здесь всего лишь в качестве зрителей.

— По-моему, это более чем необычно! — возмутился Роджер Джиллис голосом таким высоким, что он был больше похож на писк.

— Да. Но он тоже действует необычно, — заявил Крамер, ткнув большим пальцем в сторону Вулфа. — Как правило, он решает шарады у себя дома, и за долгие годы мы опытным путем пришли к выводу, что нам лучше присутствовать при объявлении результатов.

— Итак, Вулф, по существу, работает на департамент полиции, — сказал Риз. Его челюсть все еще была выдвинута вперед как боевой таран.

— Нет! — Физиономия Крамера приобрела цвет зрелого помидора, и на шее вздулись жилы. — Никогда не работал и не будет работать, пока я занимаю это место!

— Примите наши извинения, инспектор. Сэм вовсе не хотел вас оскорбить, — умиротворяюще произнес Бэй. — Мы все немного на взводе, и думаю, вы можете нас понять. Мы всегда рады видеть вас у себя, так же как и сержанта. Присаживайтесь, пожалуйста.

Крамер и Стеббинс заняли места в дальнем конце стола, и всеобщее внимание снова переключилось на Вулфа.

Выдержав для вящего эффекта небольшую паузу, гений продолжил:

— Вряд ли я ошибусь, предположив, что мистер Мид являлся наименее любимым членом вашего коллектива.

Эти слова заставили всех снова заворчать так, как появление бродяги заставляет ворчать цепного пса. Когда шум смолк, Элиз Бэй повела своими прекрасной формы плечиками и негромко, но твердо заявила:

— Подобное заявление, мистер Вулф, представляется мне граничащим с низостью.

Супруг успокаивающим жестом опустил ладонь на ее руку, но она раздраженно стряхнула ее.

— Заверяю вас, мадам, что я произнес эти слова не из прихоти и не руководствуясь злыми чувствами. Я просто констатировал факт.

— Откуда вам может быть известно, что происходит в Серебряном Шпиле? — воинственно заявил Морган. — До этого вечера вы здесь не появлялись ни разу. И ни разу в глаза не видели ни одного из нас, исключая Барни.

— Совершенно справедливо. Но мистер Гудвин является моими глазами и ушами. Вот уже много лет я нахожу его наблюдения проницательными и точными.

— Ха! Следовательно, нас просят — или, скорее, нам приказывают — подтвердить так называемые «открытия» частного сыщика, — сказал Морган.

— Подождите, подождите, — вмешался Бэй, постучав пальцем по столу, — не будем отвлекаться. — Мистер Вулф, полагаю, более справедливо будет сказать, что Рой Мид временами проявлял излишнюю жестокость, служа делу Господа, но так же поступал и святой Павел. Я знаю, что Рой бывал чрезмерно усерден, но в то же время он обладал даром предвидения и настойчивостью истинного воителя за дело Христа. Я не уставал это говорить всем, включая вас. Знакомство с ним духовно обогатило всех сидящих за этим столом.

Эта маленькая речь оказалась весьма проникновенной, но готов поспорить, что Вулфа она не очень расстрогала. По правде говоря, она не сильно вдохновила и членов «кружка веры». Во

всяком случае, ни один из них не вскочил на ноги и не разразился аплодисментами.

— Я допускаю, что мистер Мид был тверд в вере и истово выполнял свой долг, — сухо произнес Вулф. — Но пользовался ли он популярностью у своих коллег? Едва ли. У каждого из здесь присутствующих имелись свои причины его не любить. Степень неприязни была различной, но неприязнь имела место.

Раздалось ворчание, но прямых возражений не последовало.

— Можно ли считать, что вы таким образом выдвинули косвенное предположение: один из присутствующих — один из нас — убил Роя?

— В течение многих веков церковные деятели оказывались среди тех, кто нарушал принесенные Моисеем с горы заповеди, включая шестую,

— Разве это ответ?! — задал риторический вопрос Риз.

— Ответ, сэр, и при этом честный.

— Кончайте препираться! — выпалил с дальнего конца стола Крамер. — У вас имеется что-нибудь по делу или нет?

— Имеется, сэр. Уверен, что вы не рискуете бесполезно потерять время.

— О'кей, — фыркнул Джиллис, — коль скоро вы способны все объяснить, сообщите же нам скорее, кто, по вашему мнению, убил Роя.

— Я предпочту начать с шести выдержек из Библии, адресованных мистеру Бэю, и попытаюсь объяснить, почему они были написаны. С самого начала я понимал, что записки являются отвлекающим шагом и их отправитель не представляет физической угрозы для мистера Бэя. Но тем не менее они сыграли ту роль, для которой были предназначены.

— И какую же именно? — фыркнул Морган.

— Привнести в церковь элемент извне, а если быть точным — частного детектива. Мистер Мид понял, что его противник что-то замышляет, и со своей стороны принял меры предосторожности, о которых подробнее скажу позже.

— Что вы имеете в виду, употребляя слово «противник»? — заметно помрачнев, спросила Элиз Бэй,

Вздохнув, Вулф предпринял еще одну безуспешную попытку поудобнее устроиться в кресле.

— С самого начала я был поражен тем, как в этом учреждении обращаются с деньгами, — сказал он. — Каждую неделю здесь собирают тысячи долларов наличными, и любой из вас имеет свободный доступ к хранилищу примерно с полудня воскресенья до некоего утреннего часа в понедельник, когда прибывают счетчики.

Бэй вскочил со своего места, воинственно вздернув подбородок.

— Это — «кружок веры»! — торжественно произнес он, хлопнув ладонью по столу и окидывая взором своих коллег. — Любому из них я готов доверить свою жизнь, не говоря уж о тех скромных суммах, которые мы собираем во время служб.

— Деньги, особенно когда к ним можно легко и безопасно подступиться, являют собой великое искушение, — ответил Вулф. — Екклесиаст утверждает, что золото виновно во всем. Один из вас не выдержал искушения и стал брать небольшие, по крайней мере вначале, суммы, нехватку которых обнаружить было практически невозможно. Однако Ройял Мид уличил этого человека, и я могу лишь догадываться, как это произошло. Схватив вора, мистер Мид никому ничего не сказал, а в свойственной ему высокомерной манере потребовал, чтобы виновный публично признался, и установил для этого определенный срок.

— Если это так — хотя я вам не верю, — то почему Рой немедленно не сообщил мне об этом? — спросил Бэй.

— Из высокомерия. Мистер Мид стремился к власти и наслаждался ею, как свидетельствовали многие из вас. Он желал лично полностью контролировать эту неприятную ситуацию. Однако он недооценил изобретательность и ум противника и заплатил за эту ошибку жизнью.

— Ваши утверждения о противнике — полнейшая чушь! — пролаял Марли Вилкинсон. — Вы до сих пор не сказали, кто, кроме вашего Даркина, мог бы быть убийцей.

— Я попытаюсь исправить это упущение, — ответил Вулф. — Во-первых, фотокопии шести угрожающих записок, направленных мистеру Бэю, были обнаружены в ящике письменного стола мистера Мида.

— Вы придумали это! — взорвался Риз, направив обвиняющий перст на Вулфа.

— Нет, сэр, не придумал. Можете спросить у мистера Крамера.

— Так как же? — произнес Риз, и все уставились на инспектора и сержанта Стеббинса.

— Он прав, — проворчал Крамер.

— Инспектор, почему вы не проинформировали меня об этом открытии? — ровным голосом спросил Бэй.

— Я не обязан информировать кого бы то ни было, исключая мое руководство, о ходе расследования убийства, — сердито ответил Крамер.

— Но Вулф об этом как-то узнал! — выкрикнул Морган.

— Время от времени я делюсь с ним информацией, — выпалил, в свою очередь, Крамер, — и я не обязан отчитываться перед вами в мотивах своих поступков.

— Странное отношение со стороны государственного служащего, который...

Но излияния Моргана остановил Бэй.

— Умоляю вас, джентльмены, — примирительно сказал он. — Мы собрались не для того, чтобы воевать друг с другом. Мне хотелось бы задать вопрос одному из вас, мистер Крамер и мистер Вулф, — не знаю, кто предпочтет ответить: что вы думаете по поводу копий, обнаруженных в столе Роя?

— Их нашел один из моих людей, но пусть говорит Вулф, это его шоу, — заявил Крамер, скрестив руки на груди.

Вулф глубоко вздохнул, мучимый желанием выпить пива, и начал:

— Мистер Мид не подбрасывал записок в сумки с приношениями. Если бы он это делал, то наверняка не хранил бы уличающих его копий. Фотокопии были подброшены в его стол лицом, похищавшим из сейфа деньги, написавшим оригиналы записок и в конечном итоге застрелившим мистера Мида.

— Перестаньте, — простонал Вилкинсон. — С каждой минутой ваш рассказ выглядит все глупее и глупее. Если согласиться с вашей теорией, нелепой, естественно, то сразу возникает вопрос, чего преступник добивался, подбрасывая фотокопии в стол Роя?

— Справедливый вопрос. Составитель записок хотел, чтобы их нашли в столе мистера Мида и приписали ему авторство.

— Но с какой целью? — спросил Вилкинсон.

— Чтобы дискредитировать мистера Мида, прежде чем тот публично обвинит вора. С самого начала мистер Мид знал, кто автор записок, но, вероятно, ему не было известно, что дубликат был тайно подброшен в ящик его собственного письменного стола. Однако, несмотря на всю свою самоуверенность, он чувствовал опасность и ответил серией ссылок из Библии. Мистер Мид понимал, что, если с ним что-то произойдет, коллеги — включая вора — наверняка просмотрят все его бумаги. Ему надо было закодировать свое послание в надежде, что кто-то сумеет найти ключ к шифру. Что может быть естественнее для служителя церкви, чем использовать внешне невинные строки из Библии? С позволения мистера Бэя мистер Гудвин обыскал кабинет покойного. Я проинструктировал его проявлять особое внимание к заметкам на полях Библии, к иным ссылкам на Священное писание. И мистер Гудвин обнаружил листок бумаги, где перечислялись семь стихов из Библии. Один из сотрудников

храма подтвердил, что запись сделана рукой мистера Мида. В поисках какой-то системы я сверил эти отрывки с текстом всех переводов Библии, имеющихся в моей библиотеке.

Мне ничего не удалось обнаружить, но, оказывается, я сам усложнил свою задачу. Очевидные вещи весьма часто проходят мимо внимания гениальных людей, — без ложной скромности заметил Вулф. — Поэтому я сумел расшифровать послание мистера Мида значительно позже, чем следовало бы. Мистер Гудвин сейчас вручит вам копии выписок из Библии. Ознакомившись с ними, вы, вероятно, выразите законное недоумение, где была моя голова, когда я их читал.

Я вынул листки из конверта и, обойдя вокруг стола, положил по экземпляру перед каждым из присутствующих, включая Крамера и Стеббинса. С минуту все были поглощены чтением. Первым нарушил молчание Бэй.

— Я не нахожу здесь ничего особенного, — сказал он, пожимая плечами и оглядывая сидящих за столом. — Может быть, я чего-то не понял, но, на мой взгляд, эти тексты между собой никак нс связаны.

— Кто еще? — спросил Вулф, поднимая брови. — Желающих нет. Видимо, выделаете туже ошибку, что и я. Я упорно трудился, пытаясь отыскать во всех этих отрывках общую смысловую связь.

Я ухмыльнулся в душе — вот уж никогда не думал, что то состояние, в котором он пребывал, можно считать упорным трудом.

— О'кей, вы нас уже достаточно заинтриговали, выпалил Джиллис, отбрасывая листок. — Выкладывайте если в этом вообще есть какой-то смысл.

Вулф на дюйм наклонил подбородок и покровительственно произнес:

— Я прекрасно понимаю ваше состояние, мне самому пришлось пережить такое. Однако, не найдя смысловой связи между отрывками, я начал думать о шифре. И когда обнаружил его, мне пришлось себя упрекнуть — настолько просто было решение. Мистер Мид составлял список стихов, понимая, что их обнаружат только после того, как на него обрушится несчастье, и когда все выдержки будут считаться его предсмертным словом. Итак, перед нами семь цитат. Они открываются стихом десятым главы шестой Первого послания к Тимофею. Эта выдержка служит одной цели — определить предмет, а именно: «...корень всех зол есть сребролюбие...» А теперь внимательно изучите остальные шесть в том порядке, как их поместил мистер Мид, и выделите первую букву в каждом последнем слове.

Первой заговорила Элиз Бэй:

— Получается... Морган, — с видимым усилием произнесла она.

Сержант Стеббинс поднялся, бесшумно обошел вокруг стола и остановился за спиной Моргана, лицо которого приобрело пепельный цвет.

— Мистер Вулф, требуется более подробное объяснение, — его непоколебимое спокойствие явно дало трещину.

— Мистер Морган присваивал деньги из воскресных сборов. Сколько и как долго — не знаю, спросите у него. Мистер Мид узнал о воровстве — скорее всего застиг вора на месте преступления. Это неудивительно, учитывая, сколько времени проводил мистер Мид в храме. Он установил для мистера Моргана крайний срок для признания в хищении, вероятно, предоставляя ему таким образом возможность возместить украденное.

— Но это же абсурд, Барни. То, что из первых букв образуется мое имя, не более чем совпадение, — громко запротестовал Морган. На его лице выступили капли пота.

— Совпадение? Вряд ли, — ответил Вулф. — Учитывая частоту употребления букв в языке, шансы на то, что шесть из двадцати шести букв алфавита случайно расположатся в определенном порядке, составляют примерно один из ста миллионов.

Обратившись к Бэю, он продолжил:

— Вскоре после того, как мистера Моргана поймали на воровстве, он начинает писать письма с угрозами с целью, как я уже имел возможность заметить ранее, пригласить на сцену частного детектива. Мистер Мид предоставил ему отсрочку, что оказалось, как выяснилось позже, роковой ошибкой. Морган убедил вас в том, что для выявления автора записок требуется детектив. Выбор пал на меня, но я отклонил предложение, и мистер Гудвин рекомендовал Фреда Даркина.

Мистер Морган надеялся, что сыщик начнет обыскивать столы и, обнаружив фотокопии, припишет их авторство мистеру Миду, поставив тем самым последнего в затруднительное положение. Он рассуждал так: если мистера Мида обвинят в составлении мерзких записок, любое контробвинение с его стороны будет рассматриваться как отчаянная попытка отвлечь внимание от себя. Первоначально мистер Морган не планировал убивать мистера Мида, он всего лишь хотел дискредитировать его.

Мистер Морган подталкивает мистера Даркина к тому, чтобы тот проводил в храме как можно больше времени. Но его планам не суждено было сбыться, потому что Фред Даркин не из тех

людей, которые роются в чужих столах. Мистер Морган, не осмеливаясь напрямую предложить Фреду покопаться в столах, начинает все больше нервничать, находясь на грани отчаяния: и вот в тот роковой вечер в этом помещении он неожиданно увидел возможность заставить своего антагониста сомкнуть уста навеки. Когда Фред вышел из себя и мистер Бэй объявил перерыв, чтобы остудить горячие головы, его план сформировался окончательно. Мистеру Моргану было известно, что Фред носит пистолет в наплечной кобуре, которую снимает вместе с пиджаком, входя в помещение. И он, конечно, знал, где висит кобура.

— Но это знали все! — возопил Морган. — Вы топите меня, пытаясь вызволить своего дружка!

Вулф полностью проигнорировал его.

— Мистер Морган знал, что в его распоряжении пятнадцать минут, и ему, как и всем, кто здесь работает, было хорошо известно, что двери и стены массивны и практически звуконепроницаемы. Он прошел в свой кабинет якобы для молитвы, но оставался там недолго, видимо, не более минуты. Выйдя в коридор и убедившись, что тот пуст, мистер Морган извлек пистолет мистера Даркина из кобуры. Затем он отправился в офис мистера Мида, вошел в него, скорее всего без стука, и плотно закрыл за собой дверь. Ройял Мид, без сомнения, поразился, увидев своего коллегу в момент, когда все должны были в одиночестве предаваться возвышенным размышлениям. На близком расстоянии — пять футов или даже меньше — он являл собой легкую мишень даже для человека, не привыкшего к обращению с оружием. Мистер Морган, чтобы не оставить отпечатков пальцев, по всей вероятности, обернул рукоятку пистолета носовым платком.

Ему казалось, что одним решительным шагом он положил конец возникшей перед ним проблеме. Мистер Морган не только совершил убийство, но и усугубил зло, обвинив непричастного к этому человека.

Последняя фраза была произнесена с таким презрением, которого мне ранее не доводилось слышать в голосе Вулфа.

Бэй повернулся к Моргану и хрипло спросил:

— Вы, Ллойд, ничего не хотите сказать?

Морган открыл рот, но не издал ни единого звука.

Покачав головой, он уставился в стол.

— Склоним наши головы в молитве, — проговорил Бэй. — Великий Боже, мы возносим благодарность за то, что Ты среди нас, и умоляем Тебя указать нам путь. Для Твоей церкви здесь наступило трудное время, и мы молим о помощи... — Он замолчал, потому что раздались рыдания. Морган спрятал лицо в

ладони; его плечи сотрясались. — ...Мы знаем, что все мы грешны в этом падшем мире, и никто из нас не вправе судить ближнего своего. Только Ты можешь быть судией, и тебе мы отдаем нашу неизбывную веру и бесконечную любовь. Молим, прибудь с нами ныне, присно и во веки веков. Мы молим Тебя во имя Сына Твоего Иисуса Христа.. Аминь.

Четверо из присутствующих — Вулф, Крамер, Стеббинс и я — голов не склонили, а внимательно следили за остальными. Они все предались молитве.

Морган все еще рыдал, когда Стеббинс помог ему встать на ноги и после кивка Крамера начал оглашать формулу Миранды: «Вы имеете право на молчание...» Я не стал слушать дальше и вышел, чтобы из ближайшего кабинета позвонить Фреду Даркину.

Глава 18

Воспользовавшись телефоном в офисе Джиллиса, я позвонил Фреду домой и сообщил радостную весть, что он все-таки не будет жить на полном государственном содержании. Затем я позвонил Лону Коэну, который все еще торчал в своей газете, и поделился с ним основными вечерними событиями. В своей обычной манере он потребовал подробности, но я посоветовал ему связаться с Крамером и Бэем.

— Я не могу вечно торчать у телефона, — объяснил я. — Мой босс уже увидел на Стейтен-Айленде все, что хотел. Кроме того, он любит ездить в машине вечером еще меньше, чем днем.

— Я не понимаю одного, Арчи, почему для завершения дела Вулф на сей раз покинул свою комфортабельную обитель, — спросил Лон.

— У меня есть на этот счет соображения, но они не для публикации. Во-первых, он рассвирепел от того, что потенциальный клиент пытался его нанять, чтобы использовать в своих целях. И во-вторых, мерзавец устроил так, что подозрение пало на Даркина. Не раз случалось так, что Вулф мог нанять Фреда или отказаться от его услуг, но Фред всегда оставался членом семьи, а для Ниро Вулфа это очень много значит. Но самое главное, он опасался, что я встану на рога и приволоку всю свору в особняк из бурого известняка. А это для него было абсолютно неприемлемо.

На следующее утро, после первоклассного завтрака, я сидел в кабинете и читал «Таймс», в которой ни словом не сообщалось о вечерних событиях в Храме с Серебряным Шпилем, и это означало, что Лон и его компания вставят всей остальной газетной братии фитиль своим ранним дневным выпуском. Зазвонил телефон. Подняв трубку, я сразу узнал голос на противоположном конце провода. Это был Барнаби Бэй. Он высказал пожелание нанести нам визит этим же утром. Я сообщил ему, что Вулф спустится из оранжереи не раньше одиннадцати, и Преподобный ответил, что появится в десять минут двенадцатого.

Когда ровно в одиннадцать Вулф спустился в кабинет, я не стал сообщать ему о звонке и предстоящем визите, решив, что сюрприз внесет некоторое разнообразие в его рутину. Как и следовало ожидать, звонок у дверей раздался в одиннадцать десять.

— Известный проповедник топчется у нашего порога, — возвестил я, вернувшись из похода в прихожую. — Могу ли я

впустить его?

— Впускайте, будь он проклят! — сказал гений, скорчив недовольную гримасу.

Тот Барнаби Бэй, которого я впустил в особняк из бурого известняка, постарел на много лет по сравнению с Барнаби Бэем, которого я знал вчера, и выглядел на все свои сорок восемь. Он с мрачным видом кивнул и второй раз в жизни проделал путь от двери до кабинета.

— Добрый день, сэр, — произнес Вулф, когда гость устроился в красном кожаном кресле. — Не хотите ли кофе?

— Нет, благодарю вас, — ответил безразличным тоном Бэй. Его голос был таким же хриплым, как и прошлым вечером. — Я не могу задерживаться. Мой визит вызван двумя причинами. Во-первых, я хочу принести извинения за то, что не верил вам, когда вы настаивали на невиновности мистера Даркина.

Вулф на долю дюйма приподнял плечи.

— Никому не хочется верить в то, что кто-то из его коллег — преступник, — сказал он. — Мне кажется, это особенно типично для церковных учреждений.

— Да, вы правы. После того как вы вчера ушли, Ллойд сказал мне и полиции, что первый раз он взял всего несколько долларов, чтобы купить две выходные рубашки. Знаете, он никогда не жаловался мне на то, что ему не хватает его жалованья, — сказал с видимой болью священник. — Но так или иначе, он дал себе клятву вернуть деньги через одну-две недели. Но так и не сделал этого. Напротив, он взял еще. На этот раз, чтобы покрыть расходы на поездку с женой в отпуск. Он думает, что запускал руку в наши сумы семь или восемь раз за несколько последних месяцев. Он сообщил между приступами рыданий, что с каждым разом делать это было все легче и легче. Но наконец в одно из воскресений, поздно вечером, Рой застал его в открытом хранилище и... — Бэй бессильно опустил плечи.

— Ущербность характера была в нем всегда, — сказал Вулф. — В конце концов она себя так или иначе проявила бы, независимо от размеров жалованья.

— Возможно. Но, очевидно, в стиле моего руководства есть какие-то серьезные недостатки. Я провел большую часть ночи в молитвах, но пока не нашел ответа на вопрос: чего теперь хочет от меня Бог? Однако я пришел к вам с визитом не для того, чтобы говорить о себе. Вторая причина моего визита состоит в том, мистер Вулф, что, несмотря на полученную Серебряным Шпилем травму, он перед вами в долгу. И этот долг я намерен погасить. Я знаю, что ваши гонорары высоки, но от имени церкви я готов обсудить его размеры, хотя торговаться я вовсе не умею.

— Мы не заключали никакого соглашения, сэр. И у вас передо мной нет никаких обязательств, — сказал Вулф, поднимая руку в типичном для него жесте.

— Я считаю, что это не так. У меня есть самое святое обязательство христианина — свершить доброе дело.

Вулф несколько секунд молчал, а затем, чуть наклонившись вперед, сказал:

— У меня есть родственники в Европе, которым я каждый месяц посылаю деньги. Я вам дам их адрес, и если пожелаете, можете послать им скромную сумму. У них не очень легкая жизнь.

Бэю идея пришлась по душе, и он записал адреса кузин и кузенов Вулфа. Позже мы узнали, что каждый из них получил денежный перевод от Серебряного Шпиля.

— По правде говоря, у меня есть еще один вопрос, — застенчиво сказал Бэй. — Однако он всего лишь порождение чистого любопытства.

Вулф кивком головы показал, что гость может продолжать.

— Все это, видимо, лежит в области догадок, но как вы думаете, почему Рой не сказал даже Саре, своей жене, о том, что уличил Ллойда?

Вулф, чуть подвинувшись в кресле, произнес:

— Высокомерие, как я успел заметить вчера. Мистер Мид был самоуверен до крайности и предпочитал во всем действовать в одиночку. Ему казалось, что чем больше он станет делиться сведениями с другими, тем меньше станет его авторитет, а в данном случае — способность вершить судьбу другого. В этом он похож на шекспировского Генриха Пятого, который перед битвой при Азенкуре провозгласил: «Чем меньше у меня бойцов, тем громче воинская слава».

— Возможно, вы правы, — вздохнул Бэй. — Ллойд также сказал, что Рой дал ему отсрочку для того, чтобы вернуть деньги, как вы и предположили вчера. Но в то же время Ллойд чувствовал, что Рой наслаждается, видя, как усиливаются его страдания по мере приближения срока. Мне не хочется в это верить.

— Но вы все же верите.

— Да, верю. Я все время знал о недостатках Роя, хотел я это признать или нет. Но кто из нас безгрешен? Мне постоянно видны мои собственные недостатки, и особенно ярко они заметны сейчас, — сказал Бэй, с заметным усилием поднимаясь на ноги. — Благодарю вас, мистер Вулф.

Вулф кивнул, а я проводил Бэя до дверей и, задержавшись, проследил, как он усаживается на заднее сиденье стоящего у

тротуара синего седана.

Глава 19

Примерно шестью месяцами позже, после суда, приговорившего Ллойда Моргана к пожизненному заключению, Барнаби Бэй оставил пост главы Храма с Серебряным Шпилем. Статья в «Газетт», посвященная отставке, естественно, напомнила об убийстве и осуждении Моргана, но редактор по вопросам религии не установил прямой связи между теми событиями и, по его выражению, «неожиданным уходом» Бэя. Единственными словами Бэя, приведенными в статье, были: «Для меня и моей семьи настало время духовного обновления и переосмысления. Мы уезжаем с утешительным сознанием того, что община Серебряного Шпиля остается в надежных руках». Статья в «Таймс» приводила ту же цитату, и ни единого другого слова Бэя. Как я слышал недавно, Преподобный, осев где-то во Флориде, пишет очередную книгу о своем мировоззрении рі видении Бога.

Обе газеты сообщали, что новым духовным главой Серебряного Шпиля стал тридцатипятилетний пастор из Калифорнии по имени Фостер, а Джиллиса, Вилкинсона и Риза попросили остаться в штате храма. Редактор «Газетт» по вопросам религии, несколько ставя под сомнение опыт молодого пастора, характеризовал его как «динамичного молодого человека, талантливого оратора, хорошо владеющего библейскими текстами, человека, который может стать прекрасной заменой Барнаби Бэю, как церковному проповеднику, так и всемирно известному телевизионному евангелисту».

Пришлось поверить всему на слово.

notes

Примечания

1

Рыба, одна из разновидностей сельдевых.*(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

Известный политический деятель - спикер палаты представителей конгресса США.

3

Браунинг, Роберт (1812-1889) - английский поэт.

4

Берт Парк - шоумен и бизнесмен, в течение многих лет проводивший конкурсы красоты «Мисс Америка» в Атлантик-Сити и Нью-Джерси

5

Гейзер в одном из национальных парков США, известный точной периодичностью выброса кипящей воды.

6

Pro bono publico - «на благо народа», бесплатно. В просторечии - «и пользу бедных» *(лат.)*.

7

«Мейсиз» - один из крупнейших универсальных магазинов в центре Нью-Йорка.

8

«Рипли: хотите верьте, хотите нет» - Популярный документальный телевизионный сериал в США, посвященный странным и невероятным событиям.

9

Олбани - административный центр штата Нью-Йорк.

10

Команда национальной футбольной лиги.

11

Цинциннати - крупный город в штате Огайо на одноименной реке.

12

Вермонт - штат на северо-востоке США.

13

Выражение Леди Макбет из трагедии У.Шекспира (перевод М.Л.Лозинского), ставшее крылатой фразой.